

КОНСЕРВАТИЗМ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

**МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Институт всеобщей истории РАН

Пермский государственный университет

Западно-уральский институт экономики и права

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО КОНСЕРВАТИЗМУ

ВЫП. 4

**РЕФОРМЫ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ**

Материалы международной научной конференции

Пермь, 21-22 мая 1996 года

**Пермь
1997**

ББК 63.3(0)
И88

Исследования по консерватизму. Вып. 4. Реформы: политические, социально-экономические и правовые аспекты: Материалы международной научной конференции/ Перм.ун-т. - Пермь, 1997. - 232 с.

ISBN 5-7944-0002-1

В книге собраны материалы международной научной конференции "Реформы: политические, социально-экономические и правовые аспекты", проходившей 21-22 мая 1996 г. в городе Перми. Конференция носила междисциплинарный характер: в ее работе принимали участие историки, политологи, социологи, экономисты, правоведы, эргономисты.

В выступлениях участников конференции дан многосторонний анализ реформ в странах Запада и в России. Раскрываются типологические черты консервативного, либерального и социал-демократического вариантов реформизма. Особое внимание уделено реформам в сфере труда. Благодаря многообразию проблематики и методологических подходов сборник представляет интерес для широкого круга специалистов в разных областях гуманитарного знания, экономики и практических работников социальной сферы.

Редакционная коллегия:

**З.А.Коренченко, А.В.Москалев, П.Ю.Рахшир (главный редактор),
Н.М.Сирина, Т.Г.Шешукова**

**Редактор Л.П.Сидорова
Технический редактор Л.И.Студеникина
Корректор Н.И.Стрекаловская
ИБ Н 138
Лицензия ЛР N 020409 от 12.02.97**

Подписано в печать 01.04.97. Формат 60х84/16. Бум.тип. N 2. Печать офсетная. Усл.печ.л. 13,48. Усл.кр.-отг. 13,5. Уч.-изд.л. 16. Тираж 500 экз. Заказ 175.

Редакционно-издательский отдел Пермского университета. 614600. Пермь, ул.Букирева, 15.

Типография Пермского университета. 614600. Пермь, ул.Букирева, 15.

ISBN 5-7944-0002-1

© Пермский университет, 1997

ВВЕДЕНИЕ

В этой публикации собраны материалы уже четвертой по счету конференции, организованной Центром исследований по консерватизму при ПГУ на сей раз в содружестве с Институтом всеобщей истории РАН, Шведским институтом, исследований проблем труда и Западно-уральским институтом экономики и права.

Международный статус конференции был подкреплен активным участием в ней большой группы шведских ученых разного профиля. Вообще данная конференция отличалась самым широким междисциплинарным характером; среди ее участников - историки, политологи, социологи, экономисты, юристы, специалисты по эргономике. В этом нашла отражение многоплановость реформ.

Очевидно, что вопросы, рассматривавшиеся на конференции, выходят за рамки собственно консервативной проблематики, однако между консерватизмом и реформизмом существует достаточно прочная, хотя и не однозначная, связь. Будучи по своей сути явлением антиреволюционным, консерватизм как таковой никогда не был абсолютно антиреформаторским. Если реформа преграждала путь революции, она вполне могла вписаться в контекст консервативной идеологии и практики. "Нет революции, которая явилась бы абсолютно необходимой и неотвратимой. Любую революцию можно предотвратить с помощью своевременно проведенной реформы. И весь прогресс истории состоит в том, что реформа занимает место революции," - утверждал умеренно консервативный немецкий ученый Г.Шмоллер, возглавлявший Союз социальной политики во времена Бисмарка и Вильгельма II.

В целом же "консерватизм и реформы", хотя и важное, но только одно из направлений работы конференции. В ходе ее были проанализированы реформы в самых разнообразных сферах: политической, экономической, социальной, правовой, культурной, религиозной.

Классифицировать реформы можно исходя из многих критериев. Чаще всего используется критерий политический. Тогда выстраивается, например, такой ряд реформ: социал-демократические, либеральные, консервативные, радикальные. Для социал-демократов и либералов реформы представляют ценность как таковые в качестве фактора, придающего заданную идеологическую направленность и динамику социально-политического развития. Для консерваторов, впрочем, как и для радикалов, реформы главным образом средство. Только радикалы с помощью этого средства пытаются подтолкнуть революцию, а консерваторы - стабилизировать существующий порядок, не допустить революционных потрясений.

По своему масштабу реформы могут быть системообразующими, то есть охватывающими систему в целом; частичными, когда они

затрагивают ту или иную подсистему, и рутинно-функциональными, нацеленными на текущий ремонт отдельных механизмов системы.

С ситуационной точки зрения реформы бывают своевременными (в том числе и упреждающими, превентивными) и запоздалыми; по методам реализации - плодами массовых действий или вершущихся акций; по мотивации - морально-этическими или прагматическими.

Конечно, почти ни один из типов не встречается в чистом виде, обычно они носят комбинированный характер. Кроме того, любую реформу можно классифицировать практически по всем выделенным критериям одновременно.

Все это типологическое многообразие реформ так или иначе нашло отражение в выступлениях участников конференции.

Одно из центральных направлений конференции лучше всего охарактеризовать, используя название доклада профессора Г.Герхардссона - "Новый мир труда". Различные аспекты этой безграничной темы были затронуты в многочисленных выступлениях российских и зарубежных экономистов, эргономистов, политологов и историков. Именно в этой сфере проявился практический характер конференции. Для российских специалистов было особенно ценно углубить свои представления о знаменитой "шведской модели" из первых рук. Шведские же гости не преминули воспользоваться возможностью ознакомиться с практической деятельностью тех служб областной администрации, которые связаны с вопросами труда и занятости. Специалисты этих служб приняли непосредственное участие в работе конференции, обобщив в своих докладах конкретный опыт российских реформ в региональном масштабе.

Внимание правоведов и политологов привлекли существенные стороны процесса становления российской государственности: федерализм и регионализм, формирование муниципальных органов власти.

Ученых разного профиля заинтересовала такая обострившаяся в последние годы проблема, как кризис ставшего уже на Западе традиционным "государства всеобщего благосостояния" или "вэлферистского" государства. Поглощая примерно треть общественного продукта наиболее развитых стран мира, система "вэлфера" не в состоянии удовлетворить ту часть населения, которая в силу разных причин (безработица, состояние здоровья и т.д.) не способна должным образом позаботиться о себе. И в то же время высоким налогом, другими методами перераспределения доходов система ослабляет стимулы экономического роста.

В конфронтации консервативного и социал-либерального реформизма на Западе намечается некий оптимальный курс, при котором поддержка слабых, менее приспособленных не сковывала бы более сильных, энергичных и удачливых. От того, насколько удастся приблизиться к решению столь сложной, вроде квадратуры круга, задачи, во многом зависят судьбы западной цивилизации, да и мира в целом. Все это нельзя не учитывать и в России. Речь идет не о том, чтобы оправдать бездействие или слишком слабую активность государства в социальной сфере, а о том, чтобы и

требования к нему носили реалистический характер. В докладах наших шведских коллег, представляющих страну с глубокими социалдемократическими традициями, подчеркивается, что самым приоритетным направлением социальной политики является поддержание высокого уровня занятости. В этом с ними солидарны российские ученые и практики.

Как и на предшествующих конференциях, выступления участников отражают почти весь спектр политических воззрений и социально-экономических подходов, характерных для современной России. Это еще одно подтверждение того, насколько трудно выбрать пользующийся широкой поддержкой общенациональный курс российских реформ. Суть, глубина, направленность, цена реформ - все эти вопросы вызывают острейшие споры, непримиримые конфликты. Терпение массовых слоев населения на исходе. Опять для России оказались неосуществимыми рекомендации глубокого консервативного мыслителя (его взгляды рассматриваются в одном из докладов) Ж.де Местра, говорившего, что перемены должны "зреть без нетерпения", нужно полагаться на "естественное движение". Но что делать, если оно было прервано в России в октябре 1917 г., да и самодержавие отнюдь не способствовало своевременной реализации назревавших реформ. Проводились они обычно с запозданием, вдогонку, когда не оставалось альтернативы наиболее болезненному системопреобразующему варианту. Не случайно исторический путь России буквально вымощен политическими, а нередко и физическими, трупами реформаторов. Достаточно назвать привычный ряд: М.Сперанский, Александр II, С.Витте, П.Столыпин.

Реформы совершенно противопоказаны тоталитаризму, который способен существовать лишь в условиях "перманентной революции", как свидетельствует опыт Хрущева, Косыгина, Горбачева, тоталитарная среда отторгает реформы.

Для успешного осуществления реформ необходима и соответствующая политическая культура. Как раз вопросы взаимосвязи реформ и политической культуры тоже занимают видное место в материалах конференции.

Для современной России проблема заключается и в том, что приходится проводить реформы (не будем говорить об их сути), одновременно создавая для них почву (социально-экономическую, политическую, психологическую и т.д.). А эти два процесса не синхронизируются друг с другом, так как темп проведения реформ опережает вызревание необходимых для них предпосылок. Тем более, что реформы носят крутой системопреобразующий характер: Россия опять в роли первопроходца, на сей раз от тоталитарного общества к цивилизованному. Гайдар разделил участь прочих российских реформаторов. Реформирование страны было переведено в другой режим, оказавшийся затяжным, но отнюдь не щадящим для основной массы населения.

Одной из важнейших предпосылок для эффективного реформирования общества является наличие энергичной, высокообразованной и, безусловно, морально здоровой элиты. Нужны профессиональные политические деятели, которые, пользуясь словами М.Вебера, видели бы свою цель в том, чтобы жить ради политики, а не за ее счет. На конференции обсуждался вопрос о профессионализме в политической и управленческой деятельности. Некоторые его интересные грани были освещены на основе личного опыта в сочетании с юридическо-политологическим анализом в докладе депутата Государственной Думы В.В.Похмелкина.

Выдающийся политический мыслитель XX в. Р.Арон, к чьим словам внимательно прислушивались "сильные мира сего", говорил, что недостаточно критиковать тех, кто правит, необходимо также предлагать им то, что было бы желательно и возможно сделать.

В материалах этой конференции можно найти немало разумных практических рекомендаций. Тот интерес, который проявили к ее работе представители региональных властных структур, дает основания надеяться, что мысли и разработки экономистов, эргономистов, правоведов, политологов и историков окажутся востребованными.

При весьма острых критических оценках российских реформ в выступлениях участников доминирует все же конструктивное начало, стремление глубже осмыслить с учетом собственного и зарубежного опыта столь многогранное и постоянно находящееся в процессе развития явление, как реформы. Само проведение подобных конференций - убедительное свидетельство основательного реформирования российского общества. Следствием этого процесса является и то обстоятельство, что организатором данной конференции наряду с ведущими исследовательскими учреждениями России и Швеции, со старейшим университетом Урала стало молодое негосударственное учебное заведение - Западно-уральский институт экономики и права.

П.Ю.Рахшмир,
Директор Центра исследований по консерватизму при ПГУ

Позвольте мне сердечно приветствовать здесь, в Перми, наших зарубежных гостей, всех участников конференции. Губернатор области Геннадий Вячеславович Игумнов не смог сегодня выступить, поскольку находится в Германии - по приглашению фонда имени Конрада Аденауэра он принимает участие в семинаре "о проблемах федерализма". Но он просит передать участникам конференции самые добрые пожелания.

Очень важно, что на конференции представлен широкий спектр наук. Наши российские реформы охватывают все сферы жизни: экономическую, социально-политическую, духовную. И потому, естественно, нуждаются во всестороннем научном обеспечении.

Особенно ценно, что участниками конференции являются представители страны, накопившей колоссальный реформаторский опыт. Страны, где высочайший уровень социальных гарантий сочетается с эффективной экономикой. А поскольку наши шведские гости - это специалисты в разных областях социальной политики и экономики, то для нас было бы весьма интересно и полезно, чтобы они не ограничились встречами с коллегами-учеными, а познакомились и с практиками, претворяющими реформы в жизнь.

Не скрою, мы с большим интересом относимся к ценному зарубежному опыту, хотя прекрасно отдаем себе отчет, что его нельзя механически переносить на российскую почву. В то же время незнание или игнорирование того, что уже сделано в других странах, чревато опасностью вновь и вновь изобретать велосипед. Искусство реформаторской политики заключается как раз в том, чтобы найти свой оригинальный маршрут, но с учетом путей, пройденных другими. Надеемся, что конференция окажется плодотворной и в этом отношении.

Как в России, так и в Пермской области за последние годы тоже накоплен немалый опыт в реализации всесторонней политики реформ. Опыт не только позитивный, но и, будем откровенны, болезненный для широких слоев населения. Это привело довольно многих наших людей, россиян, к разочарованию в реформах. Само это слово в значительной мере утратило былую привлекательность. Не оправдались надежды и на быстрые и эффективные результаты. Непривычно больше полагаться на себя, чем на попечительство государства. Наши повседневные трудности часто мешают разглядеть и серьезные положительные результаты реформистского курса Президента и правительства, местных властей.

Между тем и на федеральном, и на региональном уровнях сформировался уже определенный механизм реализации реформ. У него еще несовершенная экономическая и правовая база, не во всех его звеньях

находятся компетентные и честные специалисты, но сдвиги уже есть. Тем не менее было бы преждевременно говорить о необратимости процесса реформ. Наметившаяся в последние годы тенденция к стабилизации еще очень хрупкая. Вот еще почему опасно раскачивать лодку, менять на ходу ее команду, выдергивать из рук гребцов весла.

Перед Россией сейчас кардинальная альтернатива: либо возвращение в прежнюю заводь, в тупик прошлого, либо продвижение, пусть и не парадным маршем, но в направлении к тому, что принято называть постиндустриальным обществом, и обществу XXI века.

Убежден, что в нашей стране с ее богатейшим духовным и материальным потенциалом это вполне по силам. На сей раз выбор исторического пути зависит от самих россиян. Впервые он будет реализовываться демократически. Остается надеяться, что здравый смысл наших сограждан возьмет верх над сиюминутными эмоциями.

Желаю вам успешной работы!

УНИВЕРСИТЕТ И РЕФОРМЫ

Это уже не первая конференция, организованная Центром исследований по консерватизму Пермского государственного университета в содружестве с другими российскими и зарубежными учебными заведениями и исследовательскими институтами. Но впервые конференция отличается таким широким междисциплинарным диапазоном.

Универсальный характер российских реформ, охватывающих все сферы нашей жизни, требует именно такого максимально широкого подхода. А он под силу прежде всего университетской науке. Именно на университетских кафедрах, в университетских научных центрах созданы самые благоприятные возможности для интеграции усилий специалистов разнообразного профиля с целью комплексного подхода к объектам исследования.

Нельзя не отметить и того факта, что в наши дни сами университеты переживают период глубочайшего реформирования. Конечно, я мог бы много говорить о бедственном положении университетского образования, университетской науки. Все это на виду, все это достаточно хорошо известно.

Но у нашей жизни есть и другая сторона. Открытость общества дала университетам возможность установить перспективные международные образовательные и научные контакты, приобщиться к богатейшим системам информации. Несмотря на все трудности, по многим параметрам нам удалось выйти на этот уровень или приблизиться к нему, что находит отражение в рейтинговых показателях нашего университета.

Университет идет навстречу требованиям времени. Роль университетского образования возрастает в связи с увеличением потребности в новых для нашей страны специальностях, спрос на которые диктуется прежде всего процессом реформ.

Современная социальная политика немыслима без профессиональной службы социальных работников; их готовит наш юридический факультет. Я не говорю уже о специалистах по менеджменту, маркетингу и других специальностях, необходимых для формирования и функционирования современной экономической системы.

Буквально на днях конституировался новый философско-социологический факультет, а один из старейших факультетов - исторический - стал историко-политологическим.

Как свидетельствует мировой опыт, именно в стенах университетов вырастают профессионалы высочайшего класса, пополняющие состав политической и деловой элиты. Ведь университетское образование

обеспечивает гармоничный сплав специальных познаний в различных областях с широким спектром гуманитарных наук.

Чем цивилизованнее страна, тем выше роль науки в ее общественно-политической и духовной жизни, тем более органично и предсказуемо протекают реформы. В их всестороннем обеспечении активно участвую как раз университетские научные центры. Степень востребованности науки в деле реализации реформ - важный критерий зрелости и профессионализма политической элиты.

Высокий уровень востребованности науки предполагает и соответствующий масштаб поддержки университетов и других образовательных и исследовательских учреждений со стороны государственной власти. Они не предназначены для автономного плавания. Бедственное положение сфер образования и науки - серьезнейшая угроза российским реформам. Пренебрежение ими, экономия за их счет тормозят продвижение к цивилизованному, ориентированному на всестороннее развитие человеческой личности обществу.

Я рад приветствовать наших шведских коллег, приехавших в Пермь, чтобы поделиться огромным опытом всеобъемлющей и эффективной социальной политики, результатами и методами эргономических исследований. Надеюсь, что наши контакты со Шведским институтом исследований условий труда обретут постоянный характер. Если почти три столетия назад Петр Великий называл шведов своими учителями в ратном деле, то теперь для нас чрезвычайно поучителен и шведский опыт социального реформирования.

Приятно отметить, что соорганизатором конференции выступает столь авторитетное в стране академическое учреждение, как Институт всеобщей истории РАН, представленный большой группой ученых. Трудно переоценить усилия в деле организации этой конференции со стороны недавно созданного Западно-уральского института экономики и права.

Я с удовольствием приветствую коллег из Москвы, Екатеринбурга, Челябинска, Липецка, Ижевска и других российских городов. Мне очень хорошо известно, как трудно в наши дни поддерживать научные связи, но без таких взаимообогащающих контактов немислимо развитие науки.

ЭВОЛЮЦИЯ КОНСЕРВАТИВНОГО РЕФОРМИЗМА

Сложилось довольно устойчивое представление о консерватизме как о чем-то сугубо традиционалистском, ретроградном, ностальгическом. Конечно, все это находит место в комплексе консервативных воззрений, но было бы неверно трактовать его столь односторонне.

Уже изначально в консерватизме, прежде всего англо-саксонском, было заложено и реформистское начало, признание неизбежности и необходимости обновления. Почти все, или во всяком случае многие, исходные установки консервативного отношения к реформам можно найти у отца-основателя консерватизма Э.Берка.

Для него консерватор подобен садовнику, который осторожно и своевременно удаляет из зеленой кроны деревьев пожелтевшие, безжизненные побеги. Мировосприятию Берка был свойственен диктуемый здравым смыслом прагматизм, его не очень занимали отвлеченные вопросы. Будучи заинтересован в сохранении традиций, спокойствия, порядка, равновесия, Берк принимал и постепенность эволюции. Реформы для него приемлемы лишь в том случае, если они не разрушают "естественные" традиционные устои. "Честный реформатор, - утверждал Берк, - не может рассматривать свою страну как всего лишь чистый лист, на котором он может писать все, что ему заблагорассудится".¹ "Моему стандарту государственного деятеля, - продолжал он свою мысль, - должна быть свойственна "предрасположенность к сохранению и способность к улучшению, взятые вместе".²

Понимание Берком сути реформ наиболее четко просвечивает в разграничении им понятий "изменение" и "реформа": если первое меняет сущность объектов, то вторая их сущности не затрагивает. Берк признает в основном два типа реформ. В первую очередь, это реформы, нацеленные на восстановление традиционных прав и принципов. Идеальным образцом такой реформы он считал "славную революцию" 1688 г., рассматривая ее как антипод ненавистной ему Французской революции.

Другой тип реформ, по Берку, - это реформы превентивные, предназначенные для того, чтобы упредить революцию. Такого рода "ранние", своевременные реформы - "это дружеское соглашение, когда у

власти еще друг; запоздалые же реформы - это уже соглашения на условиях, навязанных победившим врагом".³

Консервативный реформизм не был совершенно чужд даже австрийскому канцлеру князю К.Л.В.Меттерниху, считающемуся архетипом ретрограда и реакционера. Безусловно, его понимание реформ гораздо ограниченнее по сравнению с Берком. Для князя реформа не более, чем "улучшение существующего"⁴. "Не затрагивайте фундамента здания, - советовал он Б.Дизраэли, - в противном случае оно рухнет".⁵ В то же время весьма созвучна Берку такая мысль Меттерниха: "Когда страсти накалены, нельзя и помышлять о реформах, мудрость рекомендует в таких ситуациях ограничиваться сохранением".⁶

Как верно отметил известный германо-американский социолог К.Манхейм, "консервативный реформизм основывается на замене одних единичных факторов другими единичными факторами ("улучшением")⁷. Эту особенность консервативного реформизма он подчеркивает посредством сопоставления его с реформизмом прогрессистского типа: "Прогрессистский реформизм стремится к устранению неудобного факта путем реформы всего окружающего мира, который делает возможным существование этого факта. Таким образом, прогрессистский реформизм стремится к изменению системы как целого, в то время как консервативный реформизм занимается отдельными деталями".⁸

Для консервативного реформизма, особенно на его ранних этапах, был характерен патерналистский элемент, отражавший феодальные корни консерватизма. Этот элемент был ощутимее в тех странах, где, например, как в России, Австро-Венгрии, Германии, государство играло важную роль во всех сферах жизни и где так и не свершился буржуазно-аристократический синтез, ведущей политической силой оставалось дворянство. Правда, патерналистский оттенок был характерен и для идей Г.Ле Плэ и маркиза де Ла Тур дю Пена во Франции, концепций "одной нации" и "торийской демократии" - в Англии. Если у либералов и социал-демократов в подходе к реформам преобладали социально-политические и функциональные мотивы, то у консерваторов - морально-этические и духовные.

Изначально консервативному реформизму был присущ своего рода контрреформистский характер, так как он представлял собой реакцию на действия оппонентов. Конечно, случалось, что консерваторы (прежде всего в Англии) перехватывали инициативу у зазевавшихся либералов. Такому неординарному консерватору, как Бисмарк, удалось своим социальным законодательством на несколько десятилетий упредить самых смелых либералов. Правда, это вписывалось в выделенный Берком тип превентивных реформ.

В целом же сложившийся на рубеже XIX-XX вв. в качестве постоянного явления консервативный реформизм был робок и ограничен. Всяма скромную роль сыграл он и в период между двумя мировыми войнами. Некоторым утешением, пожалуй, могут послужить слова самого знаменитого теоретика реформ в XX столетии Дж.М.Кейнса, что его теория

"является по своим выводам умеренно консервативной"⁹. Однако нельзя не считаться с тем фактом, что кейнсианство взяли на вооружение главным образом либералы и социал-демократы.

В послевоенное тридцатилетие консервативные реформисты функционировали преимущественно в рамках кейнсианского консенсуса, доминировавшего тогда на Западе. Они уповали на технократический подход к социальным и экономическим проблемам. В то же время реформизм все более и более обретал социал-демократический характер, воплощенный в дорогостоящей, обременительной структуре "государства всеобщего благосостояния". Реформистский консерватизм теряет свое лицо, растворяясь в общем потоке.

Это послужило одним из важнейших стимулов "консервативной волны", поднявшейся во второй половине 1970-х гг. Причем довольно скоро выяснилось, что сама по себе "консервативная волна" - всего лишь предвестница смены социально-экономической и идеологической парадигм западного общества.

Именно консерваторы по воле исторического развития оказались наиболее подходящей силой для сохранения той либерально-демократической системы, которая сложилась на Западе. Наблюдается интересная инверсия. Консерваторы воспринимают и защищают исконно либеральные принципы, такие как частная инициатива, конкуренция, опора на собственные силы. Они выступают за приватизацию, дерегуляцию, снижение налогов, сокращение удельного веса общественных служб, т.е. за максимальное разгосударствление экономической и социальной жизни.

Олицетворением такого политического курса были Р.Рейган и М.Тэтчер. Далее всего в этом направлении продвинулись американские консерваторы. Однако и в Европе прослеживаются аналогичные тенденции. Характерны в этом смысле суждения видного шведского консервативного политика К.Бильдта. Будучи премьер-министром (1991-1994 гг.), он предпринимал серьезные шаги в деле демонтажа знаменитой "вэлфаристской" шведской модели.

В интервью российской газете "Сегодня" он подчеркнул, что "на старых моделях далеко не уедешь". Сложившаяся в Швеции система государственного регулирования и перераспределения стала неэффективной. Несмотря на самые высокие налоги, страну сковывают огромный государственный долг и бюджетный дефицит. "Выход здесь, - полагает Бильдт, - только один - сокращение государственных расходов в сочетании с расширением простора для предпринимательской активности". Парадоксальность ситуации в том, что "именно социал-демократы, которые 40-50 лет назад были в Швеции партией реформ, превратились в крайне консервативную силу. А консерваторы, причем не только в Швеции, стали чуть ли не сторонниками радикальных перемен"¹⁰.

Еще решительнее были настроены американские консерваторы, добившиеся впечатляющего успеха на выборах 1994 г. Они вели наступление на противника по всем направлениям: социально-экономическому,

политическому, идеологическому и культурному. Они провозгласили своей целью новую американскую революцию. Их знаменосец, ставший спикером палаты представителей, - Ньют Гингрич - называет себя "консерватором-футуристом". От своих друзей Олвина и Хейди Тоффлер он воспринял, в частности, идею "третьей волны", т.е. "информационного общества", пришедшего вслед за аграрным и индустриальным. Его мысли устремлены в XXI век.

Тем не менее футуристские идеи Н.Гингрич стремится сочетать с консервативной традицией. Итак, с одной стороны Тоффлеры, а с другой, убежден спикер, - самая могущественная "вдохновляющая доктрина для руководства людьми и создания для них возможностей добиваться счастья содержится в "Федералисте", токвилевской "Демократии в Америке", Декларации независимости и Конституции. "Нам предстоит пройти через огромные перемены. Мы должны ускорить переход от второй волны механизированного бюрократического общества к третьей волне - обществу информационному",¹¹ - говорит Гингрич. .

В процессе этого перехода "государство всеобщего благосостояния" нужно заменить "обществом возможностей"¹². Либерализм, по словам другого консервативного лидера Дж.Кемпа, "защищает в наши дни старый, рассыпающийся порядок, который держится на страхе. Теперь именно консерватизм является выражением интеллектуальной свободы, свободных рыночных отношений и веры в народ".¹³ "Новая консервативная философия правления, - утверждает Кемп, - должна способствовать распространению власти за пределы правительства, непосредственно в семью, церковь и коммунитарные группы, т.е. в институты с духовным и моральным авторитетом, которые отрицательно относятся к федеральной власти".¹⁴

Тем не менее перевести эту философию в русло политической практики не просто. Ее сторонникам не хватает ни сплоченности, ни политического искусства. Как отмечается в одном из наиболее авторитетных консервативных журналов "Нэшнл ревю", консерваторы в значительной мере стали жертвами эйфории после успеха на выборах 1994 г.: "Они пытались действовать, исходя из уверенности в том, что их триумф был исторически неизбежным и долговременным".¹⁵ Отсюда всякого рода внутренние разборки, "консерваторам не удалось достигнуть консенсуса даже по такому центральному вопросу, как вопрос о налогах"¹⁶.

Кроме того, демократы перехватили некоторые важные программные положения консерваторов, придав им несколько иную окраску. Однако именно это последнее обстоятельство отражает современную ситуацию во всем цивилизованном мире: консервативные моральные ценности и социально-экономические принципы обретают едва ли не нормативный характер и становятся ключевыми элементами долгосрочного консенсуса, формирующегося на современном Западе. В той или иной степени их воспринимают практически все основные политические силы. Вследствие столь широкого признания выдвигаемые консерваторами реформистские

положения постепенно начинают терять свой специфически консервативный характер.

С учетом эволюции консервативного реформизма в конце XX столетия, на наш взгляд, нуждаются в коррективах классические выводы К.Манхейма. Во-первых, современный консервативный реформизм не ограничивается частностями. Его амбиции носят системный характер. А во-вторых, он уже не является всего лишь реакцией на вызов со стороны либералов-прогрессистов или радикалов, наоборот, теперь они вынуждены реагировать на его инициативы.

¹ Burke E. Works. L., 1872. P.427-428.

² Ibidem.

³ Freeman M. Edmund Burke and the Critique of Political Radicalism. Chicago, 1980. P.162.

⁴ Aus Metternich's nachgelassen Papieren. Wien, 1883. Bd.VII. S.61.

⁵ Corti E.C. Metternich und die Frauen. Zurich-Wien, 1949. Bd.2. S.440.

⁶ Aus Metternich's nachgelassen Papieren. Bd.3. S.415.

⁷ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С.601.

⁸ Там же. С.602.

⁹ Кейнс Дж.М. Избранные произведения. М., 1993. С.514.

¹⁰ Сегодня. 1995. 17 июня.

¹¹ Norquist Gr.G. Rock the House. History of the New American Revolution. Ft.Lauderdale, 1995. P.225.

¹² Ibid. P.226.

¹³ Ibid. P.271.

¹⁴ Ibid. P.269.

¹⁵ Ponnuru R. Reagan's Spoiled Children// National Review. 1996. Vol.XLVIII. N.8. P.36.

¹⁶ Ibidem.

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И РЕФОРМЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

ВЗГЛЯДОВ М.ЩЕРБАТОВА И Ю.МЁЗЕРА

Понятия авторитета и традиции одни из ключевых в мировоззренческом фундаменте консерватизма, т.к. отражают его сущностные стороны: преемственность и защиту существующих устоев. Таким образом, авторитет и традиция существуют для консерватизма в органическом единстве. Авторитет призван защищать традиции, а последние окружают ореолом древности существующие властные отношения.

Однако такое единство сохраняется далеко не всегда, т.к. государственная власть, являющаяся одной из главных носительниц авторитета, обладает большей, по сравнению с традиционализмом, мобильностью и поэтому часто склонна искать опору не только в преемственности прошлого и настоящего, что вызывает вполне понятный протест со стороны хранителей заветов прошлого.

Один из показательных примеров тому - эпоха просвещенного абсолютизма в Западной Европе и, в частности, в Германии, а также период преобразований в России, начатых Петром I. В Германии реформы просвещенного абсолютизма нашли оппонента в лице Юстуса Мёзера, который сделал блестящую карьеру юриста в маленьком герцогстве Оснабрюкен, будучи сыном богатого городского патриция, т.е. не являясь дворянином. Что касается России, то здесь оппонентом преобразований выступил князь Михаил Щербатов. Оба оппонента были знакомы с внутренним механизмом власти, и оба уделяли достаточное внимание истории своих стран, были критически настроены к тенденциям в общественно-политической жизни Европы.

Главным объектом своей критики Ю.Мёзер сделал просвещенный абсолютизм, который, используя идеи естественного права и общественного договора, освободил авторитет центральной власти от сдерживающего влияния традиций. Мёзер протестует против заимствованной у просветителей тенденции к систематизации и подведению всего и вся под установленные нормы и правила: "мы ... мостим дорогу к деспотизму, когда желаем свести все к наименьшему количеству правил и устранить таким образом богатство разнообразия"¹.

Щербатов также выступает против деспотизма центральной власти. Однако главной причиной усиления последней считает не теории Просвещения, а практическую преобразовательную деятельность Петра I и его потомков.

Следует отметить, что отношение Щербатова-традиционалиста к реформам Петра I многоплановое, что является результатом диалектической взаимосвязи идей традиции и авторитета в представлении русского охранителя. Ведь забота о сохранении государственного единства и могущества была одной из ведущих традиций российского правящего слоя. Однако проведенные Петром I преобразования привели к таким переменам во всех сферах российской действительности, что это не могло не обескуражить сторонника status quo. Щербатов пытается найти для себя выход, полагая, что преобразования должны были вестись “для поправления наших внешностей”², т.е. носить как бы прикладной характер. Но главное зло петровских деяний состояло именно в том, что во имя благой цели - упреждения государственного могущества - самодержец не остановился на исправлении отдельных сторон в жизни государства, а замахнулся на основы всего традиционного уклада российский действительности.

В этом отношении фигура Щербатова достаточно трагична. Как убежденный традиционалист, он не мог принять в целом того пути, по которому пошла Россия после реформ Петра I и его потомков, т.е. тех, служить которым - первый долг Щербатова как дворянина.

Можно сказать, что Ю.Мёзер находился в более комфортных условиях, которые представлял для традиционалиста Оснабрюкен в середине XVIII в. Маленькое герцогство было заповедником феодальных традиций, законсервированных после Вестфальского мира в условиях Священной римской империи, в которой идея авторитета личной власти монарха не была столь мощной, как в России. Мёзер, по мнению К.Манхейма, “не возвращается в прошлое - он живет в осколках прошлого, которые еще сохраняются в настоящем”³.

Поэтому неудивительно, что, выступая против новых притязаний абсолютизма на власть, Мёзер опирался на землю почти в прямом смысле этого слова, т.к. именно земля, а точнее землевладение, представлялось ему той основой и стабилизирующей силой, на которой зиждятся традиции государства. По его мнению, “история Германии приняла бы совершенно другой оборот, если бы мы проследили все перемены в судьбах имений как подлинных составных частей нации, признав их телом нации, а тех, кто в них жил, - хорошими или плохими случайностями, которые могут приклучиться с телом”⁴.

Таким образом, Мёзер придерживался органической теории государства в противоположность к индивидуалистски-механической теории Просвещения, которая рассматривала государство как сумму равноправных индивидов. Именно эту идею, по мнению Мёзера, использовал абсолютизм для обезличивания властных отношений и поднятия тем самым собственного авторитета.

Сходные идеи в отношении государственного устройства высказывал и князь Щербатов, который также был ярко выраженным почвенником. И для него поместье было основой государства. С ностальгией он вспоминает те времена, когда “государев двор был не на подяре, но из волостей своих

всем довольствовался”⁵. Т.е. если не в обладании властью, то в способе получения материальных благ царь был первым, но среди равных.

Таким образом, аграрная аристократия была как для Щербатова, так и для Мёзера ведущей силой в государственном организме, стоящей около трона и образующей верхнюю ступень в иерархической структуре общества. Неудивительно поэтому, что именно иерархия является для традиционализма одним из бастионов, который обороняется упорнее всего, противопоставляя базирующуюся на традициях идею иерархического “распределения обязанностей” просвещенческому принципу равенства возможностей, при помощи которого абсолютизм, освобождаясь от обязательств перед иерархией, узурпирует весь авторитет государственной власти, что оказывает дестабилизирующее влияние на весь государственный механизм. Корень этой дестабилизации, по мнению традиционалистов, заключен в испорченности человеческой природы. И Щербатов, и Мёзер настаивают на том, что человек не способен объективно и по достоинству оценивать достижения и недостатки. Это, по мнению Мёзера, ведет к тому, что, получив равные перед троном возможности, но добившись в силу различных причин неодинаковых результатов, соискатели монаршей милости неминуемо доведут дело до междоусобной войны, забывая о своей главной обязанности - управлении государством. Поэтому, на его взгляд, лучше, чтобы критерием оценки были не зависящие от сиюминутной воли повелителя факторы: происхождение и возраст.

Той же точки зрения придерживался и Щербатов, оплакивая древние традиции местничества. Для сторонников “доброй старины” было недопустимо создание чисто административного аппарата управления государством, они отстаивали систему “личных” иерархических, а не должностных отношений среди власть предержащих. Иными словами, отстаивалась идея служения в противоположность принципу службы, который все чаще использовался в своих целях просвещенным абсолютизмом.

Однако в отношении к иерархической системе между Мёзером и Щербатовым было существенное различие. Для Щербатова (потомка Рюриковичей) первостепенное значение имела защита верхнего яруса иерархии, выразившаяся в идеализации местничества, которое одновременно было и защитой, и ограничителем для аристократических родов. Мёзер же, происходя из почтенного (но не дворянского) городского бюргерства, по мнению К.Манхейма, “не проявлял большой симпатии к дворянству, чем это было необходимо в его ситуации”⁶. Он отстаивал иерархическое государство как таковое, будучи уверенным в справедливости идеи корпоративного государства. Аристократия представляла для Мёзера ценность постольку, поскольку она была не слишком многочисленна и несла в себе конкретные функции, необходимые для существования государства, и притом осознавала, что “положение обязывает”.

Однако такой различный подход к иерархии объясняется, конечно же, не только различным социальным происхождением Мёзера и Щербатова. Во

многим это отличие было следствием того, что феодально-корпоративное государство никогда не было в России так последовательно развито, как в Западной Европе вообще и в Германии в частности. Из-за неразвитости в России городской составляющей, третьего сословия, вотчинная аристократия безраздельного доминировала “около трона”, и поэтому даже возможность потери своего традиционного влияния на монарха и уничтожение этой аристократии перед авторитетом центральной власти особенно болезненно переживалось.

Хотя нельзя сказать, что традиционалисты не видели недостатков в “старом режиме”. Те из них, кто брался за перо, были людьми для своего времени высокообразованными и достаточно трезво оценивали несовершенство государственного организма, происходившее из все того же несовершенства человеческой природы. По мнению Ю.Мёзера, европейское государство “в юности было недостаточно культивировано, поэтому сейчас имеет много жестких, скрюченных и немощных ветвей”⁷. Однако средства улучшения, предлагавшиеся деятелями Просвещения, отвергались Мёзером в принципе, т.к. рационализм, бывший главным орудием Просвещения и заимствованный в своих целях абсолютизмом, предлагал рецепты улучшения общественно-политической жизни, носившие явно априорный характер. Таким образом, конкретная действительность, опирающаяся на преемственность традиций, была подчинена идеям, выведенным на основе “чистого разума”, подкрепленным авторитетом центральной власти. Мёзер считал, что таким преобразователям мира не место в реальной государственной жизни, т.к. “из старого, не отличающегося пластичностью человека” они сделают “скорее калеку, чем канатоходца”⁸.

Сходных взглядов на политику изменения в государственной и общественной жизни придерживался и Щербатов. Хотя его критика не столь изощрена, как мёзеровская. Это во многом объясняется тем, что реформы, проводимые просвещенным абсолютизмом, затронули Россию в значительно меньшей степени, чем Германию. Куда весомее и значимее были преобразования, осуществленные Петром I и которые не имели “философского обоснования”, в отличие от преобразований времен Просвещения. Сказалось и то (об этом уже говорилось выше), что на русских традиционалистов, недовольных масштабами реформ и методами их осуществления, все же оказывала влияние имперская традиция “третьего Рима”, ставящая авторитет самодержца превыше всего.

Таким образом, если подвести итог анализа конфронтации, в которую вступили сторонники традиционалистских представлений status quo в Германии и в России, и принципов авторитета центральной власти, вступившей на путь преобразований, то можно сказать, что позиции традиционалистов в Германии были прочнее, чем в России, т.к. традиции феодально-корпоративного устройства имели там более прочные корни, чем в нашей стране. На сторонников русской старины постоянно оказывал давление молох имперских идей, требовавший ставить авторитет центральной власти превыше всех остальных традиций. Т.е. если в Германии

охранители опирались на авторитет традиции, то в России приходилось жертвовать этим во имя традиции авторитета, хотя и нельзя сказать, что русские традиционалисты делали это с легким сердцем.

¹ Möser J. Sammtliche Werke. B., 1842-1843. Bd.2. S.20.

² Щербатов М. О повреждении нравов в России князя М.Щербатова и путешествие А.Радищева. Факсим.изд. М., 1984. С. 1.

³ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С.633.

⁴ Möser J. Sammtliche Werke. Bd.6. S.IX-X.

⁵ Щербатов М. Указ.соч. С.7.

⁶ Манхейм К. Указ.соч. С.637.

⁷ Möser J. Sammtliche Werke. Bd.5. S.204.

⁸ Ibid. S.205.

М.И.Дегтярева
Пермский университет

ЖОЗЕФ ДЕ МЕСТР О РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ И ПЕРСПЕКТИВАХ РЕФОРМАТОРСТВА В РОССИИ

Революционные эпохи отличает почти мистическая непредсказуемость, с которой события управляют судьбами тех, кто хотел бы влиять на их ход. Ж. де Местр в "Размышлениях о Франции" одним из первых описал закон самодействия обстоятельств, но его предостережения распорядителям революции оказались невольными пророчествами самому себе. События, как бы в насмешку над "провидцем", смешивали планы его карьерного маршрута. И вместо того чтобы в награду за одиннадцатилетние скитания по Европе, оказаться вместе со своими друзьями - де Блака и д'Аварей в гвардии Людовика XVIII, Местр, будто по ошибке, попал в Россию, где "застрял" еще на пятнадцать лет.

После затяжного периода вынужденного бездействия (а исполнение обязанностей сардинского посланника казалось Местру слишком ничтожным применением своих дарований), он был, наконец, подхвачен и вынесен к вершине государственного фавора волной великосветской оппозиции по отношению к Сперанскому.

В декабре 1811г. де Местр закончил работу над "Четырьмя главами о России" - своим капитальным трудом о реформах в Российской империи. Хотя он прибегал и к более простому способу влияния на Александра: с помощью частной корреспонденции, адресуемой не столько друзьям, сколько любопытству промежуточного читателя.

Итак, де Местр о реформаторстве в России. Местровскую оценку перспектив российской модернизации трудно понять, не предварив ее его образом России и представлением о ее политических традициях.

Вместе с Местром обозначим контуры российского феномена. Самым ярким было впечатление *не до конца включения России в пограничные с ней культурно-исторические регионы*. Будучи отделена от Европы расколом и татарским нашествием, Россия не пережила вместе с ней периода культурного взросления. "Европейский характер, пишет Местр, - составившийся из смеси рыцарства и христианства, никогда не распространялся дальше Двины".¹ Следствием длительной *несообщаемости* России с Западом стало то, что она, будучи ангажирована самодержавными модернизаторами на "европейское пиршество", предстала в Европе без *определенной партии национальной карьеры*. В связи с этим выскажем предположение, что Местр хотел скорее предупредить *преждевременную* самоидентификацию России с концертом европейских держав, нежели серьезно считал ее азиатской, когда говорил: "Это не Европа, или, по крайней мере, азиатская раса, оказавшаяся в Европе".² (Иначе он не возложил бы на нее почетной миссии восстановителя европейского баланса.) Потенциальная открытость влияниям и несформированность национального кредо казались Местру основой российской традиции.

Буквально заброшенный в Россию шквалом революции, Местр не склонен был переоценивать политическое благополучие этого оазиса. Сама по себе *периферийность* России по отношению к цивилизационному центру, охваченному фронтальной модернизацией, воспринималась философом неоднозначно. Она задерживала шторм, но и грозила, в случае его прорыва, необратимыми последствиями для страны, неадаптированной к европейскому климату.

Анализируя российские политические традиции, Местр констатирует *зфемерность* могущества русского монархического суверенитета не только по сравнению с европейским, но и с восточным - деспотическим. Слабость российской монархии на фоне *западной* связана, как считает Местр, с тем, что в России, как и на Востоке, не укоренилась практика функционального дополнения верховного авторитета *саморегуляцией гражданского общества* - единственно надежной опоры монархии. В одном из писем Местр замечает: "...гражданское общество есть наилучшее охранение монархии. С этой гочки зрения Россия весьма неблагоприятна - гражданское общество здесь не имеет никакого значения".³

Так де Местр обнаруживает парадокс русского самодержавия: *хрупкая монархия при сильном государстве* - заменителе естественного порядка.

Одним из проявлений слабости гражданского уклада было отсутствие в России *дворянства европейского типа*, то есть самодостаточной знати. Меритократия Петра I, по мнению Местра, еще более ослабила цену *родовитости и помещного уклада*, превратив дворян в служака. (Местр пишет: "Когда имеешь дела в России, нужно всегда помнить о чине, чине и чине...Мы постоянно входим в заблуждение, забывая, что здесь знатность

происхождения почти ничего не значит...и самый древний род не даст здесь человеку положения, если у него нет чина".⁴⁾

Установление государственного контроля над организациями гражданского общества не способствовало и подкреплению монархического начала авторитетом церкви. И в этом отношении Россия проигрывала даже *восточным* государствам, в большинстве которых духовенство сохраняло независимый статус, а стабильность политических норм гарантировалась их сакральностью. Не говоря уже о католических монархиях, воспитанных папством. В России же Петр I, уничтожив патриаршество и объявив себя главой церкви, снизил ее до государственного ведомства. Местр имел основания писать о православном духовенстве как о забитом сословии - чиновниках низшего разряда⁵.

Ну и наконец, очевидным проявлением уязвимости монархической власти в России стала череда государственных переворотов, открывшая такой признак "демократического деспотизма", как *незащищенность самих монархов*. Де Местр приходит к заключению, что жестокость царей, так же, как жестокость восточных деспотов, создает лишь видимость силы. (Кстати, характерной для восточных деспотий де Местр считал и форму проявления российского пиетета по отношению к власти - всепоглощающего молчания: "Если у российского императора явится фантазия сжечь Санкт-Петербург, никому в голову не придет сказать ему, что сие повлечет за собой некоторое неудобство... в крайнем случае, монарха могут убить (сие, как известно, не есть признак неуважения), но возражать ему никак не принято".⁶⁾

Гиперболизация государства и ничтожность гражданского состояния, высокая степень администрирования и растущий бюрократический штат, а так же прочно вошедший в политический обиход принцип меритократии, и (как следствие) высокая вертикальная мобильность на служебной лестнице - все это напоминало Местру о сходстве российских политических традиций с азиатскими. В то же время уже не вызывала сомнения ориентация "российского младенца" на Запад.

Итак, размышляя о возможной отзывчивости России на европейскую модернизацию, Местр руководствовался, во-первых, представлением о *чрезвычайной восприимчивости* (или только подражательности (?)) русских, а во-вторых, убеждением в *недостаточной способности российской монархии к самосохранению*.

К этому надо добавить следующее: поскольку де Местр разделял распространенную среди французских писателей-эмигрантов концепцию европейского антимонархического заговора, получившую хождение с "легкой руки" аббата Баррюэля⁷, то реформаторское оживление при дворе Александра I он воспринимал как доказательство внедрения в среду русской политической элиты резидентов "*великой секты*" *иллюминатов*. Впрочем его мнительность имела под собой некоторое основание: Лагарп действительно принял посвящение во французской секте последователей Сен-Мартена. Но де Местр, на всякий случай, подозревал в приверженности иллюминизму Сперанского и членов негласного комитета. Опасаясь "опрокидывания"

монархии по французской схеме: *Просвещение - Революция*, он желал только сохранения в России политического статус-кво.

В "Четырех главах" де Местр показывает взаимную связь и взаимообусловленность основных направлений реформ, исключаящую необходимость выделять из них наиболее опасные. Таковыми являются, согласно Местру:

I. Форсирование образования и фетишизация науки, которые в сочетании с русской поверхностностью наводнят страну огромным числом "полузнаек" и "отрицателей", предпочитающих ее обычаям абстрактные конструкции просветителей.

II. Отмена крепостного состояния, которая в комбинации со страстностью русской природы (де Местр говорил об этом свойстве национального характера: "нет человека, способного желать так, как русский и, если бы можно было заложить русское желание под цитадель, она взлетела бы на воздух".⁸) способна привести страну к политической катастрофе.

III. Развитие администрирования вместо поощрения неинституционального управления, следствием чего станет диспропорция в общественной структуре, вызванная появлением мощной бюрократической касты, наделенной большей властью, чем та, что будет отнята у поместных дворян; и еще большая слабость социальной базы монархии.

IV. Эмансипация третьего сословия, которое немедленно делегирует "университетского Пугачева".

V. Активное законотворчество, чреватое, в лучшем случае, появлением массы неработающих актов, в худшем - наносящих вред. (Кстати, отношение к написанию законов де Местра и Карамзина сходно до текстуальных совпадений. Де Местр считал, что идеальный законодатель только фиксирует исторически сложившиеся нормы⁹. Карамзин писал, что "спасительными уставами бывают единственно те, коих желают лучшие умы в Государстве, и которые, так сказать, предчувствуются народом, будучи ближайшим целебным средством на известное зло"¹⁰.)

В качестве панацеи от российских бед де Местр выдвигает принцип "*естественного развития*". Рабское состояние, по его мнению, со временем трансформируется, и крепостные исчезнут "сами собой". Что до науки, то Местр советует: "Позвольте вашим талантам зреть без нетерпения, подумайте, что они приведут вас только к тому, к чему приводили другие нации".¹¹ То же касается законодательной деятельности: "Прежде чем создать законы для народа, надо создать народ для законов". (Для проведения неотложных мер де Местр предлагал Александру учредить комитет, состоящий наполовину из русских, знающих Россию, и иностранцев, наученных горьким опытом Европы.)

Главным для России Местр считал избавление от презрения к самой себе и непрерывного форсирования развития, оставленного в наследство

Петром I: "Если время России должно наступить, оно придет естественно и без усилий".¹²

Но не стоит игнорировать деместровскую неоднозначность. "Вечный поединок" Местра-консерватора с Местром-историцистом проявлялся в несоответствии самого принципа *"естественного движения"* его жесткой схеме должествующего европейского устройства, основанного на конфессиональной интеграции. (Хотя часть исследователей считает, что де Местр сам не очень-то верил в реанимацию "почившей" европейской монархии и папства, в его средневековом статусе; его проекты были только тоской по "потерянному раю".) Так или иначе, Местр, столько говоривший о юности российской индивидуальности, вдруг определил для России и за нее роль на европейской сцене: *форпост "старых добрых принципов"*, "сторожевой собакой" (*chien de garde*) которого будет "верный орден" последователей Лойолы.

Дипломатическая карьера Местра в России потерпела крушение в 1817 г., в связи с переоценкой победившим Наполеона Александром I значения России в Европе и последовавшими затем гонениями на иезуитов.

К ужасу де Местра, Россия превзошла самые смелые его ожидания, не только став "европейским жандармом", но и унизив любимую Местром французскую корону.

Его наставления Александру не имели успеха, вероятно, потому, что де Местр адресовал их скорее дореволюционной Франции, нежели России, и, осознавая специфичность русской *самодержавной* монархии по сравнению с европейской, все же недооценил сопротивляемости самодержавия духу инноваций и прочности этого феномена. Поэтому непостижимой для его понимания оказалась ставка Александра I на бюрократию и "солдатский народ".

¹ Кавалеру де Росси. 7(19) декабря 1810. Письма Жозефа де Местра//Звезда. 1994. №11. С.177.

² Письма Жозефа де Местра из Петербурга в Сардинию//Русский архив. 1912. №2. С.224.

³ Графу де Валуэ. Письма Жозефа де Местра//Звезда. 1994. №12. С.180.

⁴ Письма Жозефа де Местра из Петербурга в Сардинию//Русский архив. 1912. №2. С.224.

⁵ См: Joseph de Maistre. Religion et moeurs des russes. P., 1879.

⁶ Графу де Фрону. 26 июля (7 августа) 1812//Звезда. 1994. №12. С.157.

⁷ О Баррюэле см: Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII-I четверть XIXв. Петроград, 1916.

⁸ Цит. по: Cioran E.M. Joseph de Maistre. P., 1957. P.209.

⁹ J. de Maistre. Considerations sur la France. P., 1980. P.62-63.

¹⁰ Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. История государства Российского. Ростов-на-Дону, 1995. Кн.IV. С.505.

¹¹ Цит. по: Cioran E.M. Joseph de Maistre. P.221.

¹² Там же.

С.БОЛДУИН И "НОВЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ" В АНГИИ

В ряду английских политических деятелей, связанных с традициями консервативного реформизма, видное место занимает С.Болдуин. Уступая в известности таким ярким своим предшественникам, как Б.Дизраэли, Р.Черчилль, С.Болдуин внес заметный вклад в развитие "демократического торизма".

Именно в речах Болдуина в 1923-1924 гг. были намечены основные контуры "нового консерватизма", окончательно сформировавшегося в межвоенный период и взятого на вооружение консерваторами в качестве официальной доктрины в послевоенные годы. С приходом Болдуина к руководству консервативной партии в ее деятельности во все большей мере стали проявляться элементы трезвого расчета, прагматизма и установки на умеренные социальные реформы. Это было связано как с объективными условиями, когда консерваторам пришлось столкнуться с вызовом со стороны лейбористов, так и с личными качествами нового лидера. Будучи крупным предпринимателем, имевшим большой опыт в проведении патерналистской политики на своих предприятиях, Болдуин пытался и в свою политическую деятельность внести дух компромисса и социального партнерства.

Серьезнейшим испытанием для Болдуина в качестве лидера консервативной партии стало формирование первого лейбористского правительства. В ситуации, когда многие консерваторы были охвачены паникой в связи с перспективой прихода к власти лейбористов, Болдуин не только не поддался этим настроениям, но и проявил тактическую гибкость и стратегический подход к создававшемуся положению. Он своевременно понял, что в будущем именно лейбористы вместо либералов станут партнерами консерваторов в двухпартийной системе и, исходя из данной перспективы, партия должна разрабатывать свою стратегию. Как подчеркивал Болдуин, "лейбористов нельзя одолеть с помощью политики стабильности, голого отрицания или бездействия. В них ныне сосредоточена жизненная энергия, и, пока мы не овладеем этим качеством, мы не сможем победить".

Болдуин сделал очень многое, чтобы установить партнерские отношения с верхушкой лейбористов. Даже в условиях, когда после поражения всеобщей забастовки 1926 г. в консервативной партии возобладали твердолобые, а позиции Болдуина серьезно пошатнулись, он продолжал выступать с призывами к социальному миру, поддерживая, в частности, политику мондизма, которая была практической попыткой проведения в жизнь идей нового консерватизма.

В 30-е гг. эти идеи развивались главным образом усилиями молодых консерваторов - группы, куда входили Д.Кроутер, Г.Макмиллан, А.Сэлтер, О.Стенли и другие представители левого крыла консервативной партии. Эволюция партии шла в направлении более широкого применения политики этатизма как в области производства, так и в социальной сфере.

"Национальное" правительство, в котором преобладали консерваторы, искало выход из экономического кризиса 1929-33 гг. с помощью традиционных методов - введения протекционизма и использования резервов Британской империи. Что касается Болдуина, то он с симпатией относился к деятельности молодых консерваторов и к их идеям. Так, будучи давним сторонником политики протекционизма, он пытался придать ей социальную направленность, доказывая, что она должна применяться прежде всего "для сокращения безработицы, сохранения и роста жизненного уровня наших рабочих".

На практике многие заявления Болдуина оставались нереализованными, и его справедливо упрекали в пассивности. Но ему удавалось в определенной мере сдерживать твердолобых тори в их попытках сдвинуть ось политической жизни в стране вправо. По оценке рабочей прессы, позиция Болдуина была "выражением более зрелой, более богатой опытом буржуазной мудрости, проявлением более тонких и искусных методов в противоположность слишком простой и прямолинейной тактике правых консерваторов".

Призывы Болдуина к умеренности снискали ему поддержку центристских элементов в стране. Она еще более возросла в связи с его неоднократными заявлениями, осуждающими фашизм и подтверждающими его твердую приверженность принципам демократии. Напротив, со стороны правых его позиция подвергалась постоянным нападкам и критике. Один из их лидеров Дж.Ллойд указывал на широкое недовольство Болдуином в консервативной партии "относительно общих социалистических и либеральных принципов, с которыми он, кажется, хочет связать теорию и практику консерватизма".

Болдуин был известен своей демократичностью в общении, в особенности с депутатами-заднескамеечниками вне зависимости от их партийной принадлежности. Это помогало ему хорошо ориентироваться в ситуации, складывавшейся в стране, поскольку парламентарии были достаточно информированы о настроении своих избирателей. Данной практике был положен конец, когда на смену С.Болдуину в мае 1937 г. пришел Н.Чемберлен - политик с авторитарными наклонностями, олицетворявший традиционный торизм.

Вклад С.Болдуина в развитие нового консерватизма состоял, таким образом, не столько в конкретных идеях и делах, сколько в попытках создания благоприятной атмосферы для теоретических поисков тори-реформаторов и поддержания социального мира в стране.

Н.ЧЕМБЕРЛЕН, БРИТАНСКИЕ КОНСЕРВАТОРЫ

И ДИЛЕММЫ 30-Х ГГ. XX В.

Британские историки продолжают споры вокруг имени Н. Чемберлена, крупного социального реформатора 20-х гг. и творца политики умиротворения 30-х. Вплоть до 70-х гг. исследователи акцентировали внимание либо на его достижениях как творца основ британского общества благосостояния (К.Фейлинг, Я.Маклеод и др.), либо на провале внешнеполитического курса умиротворения (М.Гилберт и Р.Готт и др.). Период "ревизионистской волны" конца 70-х - 80-х гг. хотя и привел к очевидной идеализации образа Н. Чемберлена (Х.Монтгомери Хайд, Д.Дилкс и др.), но вместе с тем способствовал раскрытию ряда сложных проблем, с которыми пришлось столкнуться британским консерваторам в 30-е гг. (главными из них - несоответствие ограниченными экономическими и военными возможностями Британии ее роли в мировой политике). Это позволило историкам 90-х гг. предпринять исследования, претендующие на синтезированный подход к оценке деятельности Н. Чемберлена и в целом британских консерваторов в межвоенный период (П.Невиль, Р.Паркер, Г.Пост).

С начала 30-х гг. британские консерваторы оказались перед лицом нескольких широкомасштабных вызовов времени: мирового экономического кризиса, роста военной опасности в условиях шаткой экономической и финансовой стабильности и угрозы демократическим устоям общества со стороны тоталитарных держав и политических движений. Британский консерватизм, главной фигурой которого в 30-е гг., бесспорно, являлся Н. Чемберлен, попытался предложить свой, в чем-то уникальный и противоречивый, ответ на эти грозные вызовы. Причем в деятельности Чемберлена это приобрело характер единой стратегии - он смог увязать воедино меры, направленные на оживление экономики, усилия в сфере перевооружения и дипломатии, и политику поддержания социальной стабильности путем неизменного роста благосостояния британцев.

В основе финансово-экономической стратегии Чемберлена, ставшего в ноябре 1931 г. канцлером казначейства, лежала задача добиться сбалансированного бюджета. Это, по его мнению, создало бы чувство стабильности в кругах бизнеса и привело бы к росту капиталовложений. Добиться этого удалось рядом мер - путем сокращения государственных расходов (не обошлось и без сокращения ассигнований на социальные нужды, на заработную плату различным категориям служащих), пересмотром системы тарифов, отходом от золотого стандарта (что было

сделано еще в сентябре 1931 г. под влиянием Чемберлена) и созданием специального фонда для стабилизации фунта стерлингов. Эффективность этих мероприятий оказалась достаточно высокой. Примечательно, что, несмотря на отсутствие широкомасштабных программ общественных работ и сохранение положения депрессии в ряде регионов, Чемберлен продолжил осуществление важных социальных преобразований, особенно в сфере жилищного строительства; заметно изменились жизненные стандарты, британцы вышли на новые уровни потребления.

С 1935 г. финансово-экономическая стратегия Чемберлена, которая нередко оценивалась как ортодоксальная, стала предметом все возрастающей критики со стороны Д.Ллойд Джорджа, Р.Бутби, О.Стэнли, Г.Макмиллана, О.Мосли и многих других. Несмотря на существенные различия в предложениях критиков Чемберлена, всех их объединяло одно - они выступали за более решительное вмешательство государства в финансово-экономические и социальные отношения. Своего рода эталоном для многих стал "новый курс" Ф.Д.Рузвельта, чья деятельность нередко расценивалась как реальное воплощение идей Дж.М.Кейнса. Руководство консервативной партии настороженно и скептически отнеслось к большинству предлагавшихся рецептов, которые исходили как со стороны противников консерваторов, так и со стороны деятелей внутри партии (скажем, к идеям Г.Макмиллана о "среднем пути"). "Все это очень хорошо для людей, не ответственных за то, что может последовать," - отмечал Чемберлен. А Ф.Лейт-Росс, главный экономический советник правительства, указал в меморандуме в 1935 г., что Британия не может пойти по пути американского "нового курса"; в отличие от США, страна не обладает большим золотым запасом, благодаря которому можно было бы игнорировать эффект общественных работ, сказывающийся на платежном балансе.

Вместе с тем не следует расценивать экономическую политику Чемберлена исключительно как ортодоксальную. Скорее, это была смесь традиционности и инноваций. Последние проявились не только в отходе от золотого стандарта и в новой тарифной политике, но в усилении степени участия государства в экономической сфере, особенно на местном уровне. Центральные государственные структуры приняли ряд мер по контролю над конкуренцией (см., например, работы Д.Олдкрофта). Рост жилищного строительства также был вызван заметной помощью государства. Были sporadические попытки и в организации общественных работ. Однако ни Чемберлен, ни руководство консерваторов в целом, не собирались переходить некую грань в этих экспериментах, не без оснований опасаясь вызвать несбалансированность бюджета и рост инфляции, что автоматически усилило бы чувство нестабильности в кругах бизнеса и обострило бы социальные трудности.

Именно с этих позиций Чемберлен подошел к проблемам обеспечения безопасности Британии. Никто в кабинете и не думал опаривать мнение Чемберлена о том, что риск утраты финансовой стабильности намного опаснее риска военной неподготовленности. Во внешней политике на первый

план выдвигалась идея компромисса с агрессивными державами, их умиротворение. Но это вовсе не означало отказа от перевооружения. Наиболее важные решения в этой сфере правительство сделало в начале 1936 г. Если в 1935 г. оборонный бюджет составлял 135 млн ф.ст., то в 1936 г. - более 225 млн. Темпы роста военной продукции к весне 1939 г. стали в Великобритании даже выше, чем в Германии, хотя ее общий объем был меньшим (подсчеты Дж.Пидена). Объяснение этому следует искать в нескольких плоскостях. Во-первых, оказалось непросто убедить деловой мир перейти с выпуска гражданской продукции на военную. Условия этого перехода все же удалось согласовать на встрече 17 октября 1935 г. С.Болдуина и Н.Чемберлена с лидерами Федерации британской промышленности. Но сразу же появились другие проблемы, в частности, нехватка квалифицированных рабочих на военных предприятиях. Перевод их из гражданских сфер в военные не только вызвал сопротивление тред-юнионов и предпринимателей, но и был сопряжен с сокращением значительного числа мест рабочих низкой квалификации.

Во-вторых, особенно важным оказался социально-политический момент. Вмешательство в производство товаров для гражданских нужд и в экспортную торговлю неизбежно вызвало бы трудности в поисках средств на социальные программы, а это, в свою очередь, привело бы к резкой парламентской критике и дало бы козырь оппонентам Чемберлена. Здесь-то, по мнению британского историка Р.А.Паркера, и был сокрыт порочный элемент всей стратегии Чемберлена. Последовательно и настойчиво отказываясь от искуса опасных экспериментов в экономике и социальной сфере, лидер консерваторов не увидел изменений (или не хотел увидеть), произошедших в общественном мнении Британии в 1938 г. После аншлюса Австрии, и особенно после Мюнхена, общество было настроено на быстрое увеличение военного производства и было готово отказаться от курса на умиротворение агрессоров. Однако Чемберлен продолжал по инерции прежний курс, плетясь в хвосте событий.

В целом в 30-е гг. британские консерваторы избрали такую стратегию внутреннего развития и внешней политики, которая наиболее адекватно отражала особенности британского общества. Многочисленные рецепты иного свойства могли бы привести к опасным последствиям для основ либеральной демократии в Британии. И вместе с тем недостаточная гибкость и дальновидность лидера в соединении с абсолютизацией прежнего опыта привели к тяжелейшим внешнеполитическим провалам, которые могли завершиться уничтожением самой британской демократии.

ЭВОЛЮЦИЯ КОНСЕРВАТИЗМА В ФРГ И РЕФОРМЫ

Важнейшей специфической чертой западно-германского консерватизма, отличающей его от любого другого европейского или американского варианта, является то, что отсчет этому процессу был дан после окончания второй мировой войны. Первые послевоенные годы были весьма сложными для всего правого лагеря Западной Германии, который нес на себе печать исторической ответственности за пособничество национал-социализму, идейные и политические позиции которого в связи с этим ослабли. Поэтому консерваторы в ФРГ стремились всячески отмежеваться от фашизма, доказать, что гитлеровская диктатура корнями уходит совсем в другую почву, нежели германский консерватизм, который они хотели бы представить таким же респектабельным, как консерватизм англо-саксонского образца.

Уже самые первые реформы, проведенные правительством Адэнауэра-Эрхарда, продемонстрировали серьезность и результативность намерений первой в истории ФРГ консервативно-либеральной коалиции ХДС/ХСС-СвДП двигаться путем решительных экономических преобразований и создать на основе свободного рыночного хозяйства высокопроизводительную экономическую структуру. Благодаря ей предполагалось решить главные внутривнутриполитические задачи того времени: преодолеть потребительский дефицит и разруху послевоенных лет и обеспечить занятость основной массы населения. И хотя социал-демократы на первых выборах в бундестаг критиковали программу консерваторов как реставраторскую и антисоциальную, предлагая свой вариант борьбы с дефицитом на путях государственного регулирования, контроля и распределения, именно рыночные реформы, разработанные Эрхардом и проведенные в жизнь под руководством Адэнауэра, позволили Западной Германии добиться исключительного экономического подъема.

Этот продолжавшийся на всем протяжении 50-х гг. подъем стал основой успешного восстановления разрушенного войной хозяйства Западной Германии и социального умиротворения миллионов немцев, которые были избавлены от голода, нужды и дефицита, у которых появились чувство стабильности и уверенности в завтрашнем дне, заинтересованность в поддержке правительства консерваторов, а у левых радикалов не оставалось поводов для выдвижения лозунгов классовой борьбы. Таким образом, благодаря проведению либерально ориентированных экономических реформ консервативный блок ХДС/ХСС под руководством канцлера К.Адэнауэра достиг своей цели. "Никаких экспериментов", - таков был в то время ответ большинства избирателей ФРГ политическим программам оппозиции.

В результате достигнутых успехов во внутренней политике стала меняться стратегия идейной борьбы консерваторов за свои притязания на роль ведущей политической силы страны. Основной заботой идеологов консерватизма постаденаузовского периода становится уже не легитимация, а обоснование эффективности консерватизма, который вследствие “экономического чуда” обрел респектабельность, престиж, серьезную массовую поддержку. Консервативно настроенные ученые-теоретики, публицисты и политики ведут речь уже не столько о правомерности консерватизма, сколько об обеспечении его приоритета. В ФРГ складывается и активно пропагандируется новое оплодотворенное неолиберальными экономическими идеями направление в консерватизме - так называемая “технократическая” модель консерватизма. Ее стержнем стала теория “стабилизации” известного философа Г.Шельского. Шельский утверждал, что новейшие достижения науки и техники, обеспечивающие эффективно работающее производство и как следствие - бескризисное развитие и расцвет экономики, являются главными стабилизирующими факторами, способными “законсервировать” благоденствие, наступившее в равной мере для всех социальных слоев и групп. Решающую роль в государстве, построенном по рецептам Шельского, должна была играть технократическая элита, определяющая направление развития страны и способы модернизации условий хозяйственно-экономической жизни. Демократическое большинство общества, соответственно, становится лишь инструментом в ее руках¹. Шельского поддерживал теоретик государства и права Э.Форстхоф, утверждавший, что “техника, чем выше она развита, ... тем более антилиберальное воздействие она оказывает и в такой же степени устанавливает границы демократии”². Концепцию, близкую по духу Шельскому, выдвинул маститый философ А.Гелен, окрестив ее теорией “кристаллизации”³. Философские теории Шельского и Гелена, знакомые в основном интеллектуалам, перевел на общедоступный язык масс и популяризировал известный в ФРГ публицист Р.Альтман, бывший советником Л.Эрхарда и автором многих его речей. Придуманная им для характеристики достигшей технических и технологических высот ФРГ формула “сформированное общество” получила благодаря Эрхарду официальный характер. Раскрывая ее содержание, Альтман по сути отразил основное устремление находящихся у власти консервативных кругов: “придать экономической функциональности ранг высокой политической значимости”⁴.

Однако, вопреки утверждениям теоретиков, фраза долговечной “стабилизации” и “кристаллизации” экономических и политических достижений первой консервативно-либеральной коалиции в ФРГ так и не наступила. Более того, экономический спад 1966 г. привел к разрыву союза консерваторов и либералов. Когда же в 1969 г. в результате выборов канцлером стал социал-демократ В.Брандт, консерваторы вообще были поставлены в положение оппозиционеров. Потеря политической власти очень быстро активизировала весь правый лагерь Федеративной республики.

Внутри самого консерватизма происходит все более резкое размежевание. Правые консерваторы и консерваторы-экстремисты, ведомые своими идеологами Г.-К.Кальтенбруннером и А.Молером, с гневной критикой обрушились на умеренные консервативно-реформистские стереотипы, доминировавшие в предшествующий период. Теперь уже правоконсервативные элементы пытаются обеспечить себе ведущую роль в идейно-политической борьбе консерваторов со своими оппонентами слева, стараются предстать в качестве выразителя принципов всего западно-германского консерватизма. Активизация правых консерваторов способствовала усилению экстремистских тенденций в консерватизме, сближению его с правыми радикалами. Особенности процессов, происходивших внутри германского консерватизма в конце 60-х - начале 70-х гг., нашли свое выражение в таких формулах, как "реконструкция консерватизма" и "смена тенденций".

Таким образом, отстранение ХДС/ХСС от рычагов государственного управления и набирающее силу противостояние консерваторов социал-либеральному правительству Брандта-Шееля, с одной стороны, и резко обострившаяся идейная борьба правых консерваторов против умеренно настроенного реформистского крыла внутри самого консерватизма, с другой стороны, привели к тому, что в "реконструируемом" консерватизме начинает господствовать иная точка зрения на реформы. В период пребывания в оппозиции такие понятия, как "реформа", "реформистский курс", ассоциировались у западно-германских правых с действиями своих политических противников из социал-либеральной коалиции. Отсюда неприятие таких реформ и жесточайшая их критика, начиная с критики проводимой социал-демократами политики государственного регулирования экономики, чрезмерных, непосильных для бюджета государственных расходов, ведущих, по мнению консерваторов, к разбуханию государственного аппарата, бюрократизации, росту числа контролеров, воспитанию иждивенческих настроений, и кончая критикой новой Восточной политики В.Брандта, которая, по мнению бывшего капитана вермахта А.Дреггера, ставшего со временем председателем фракции ХДС/ХСС в бундестаге, является предательством по отношению к памяти павших германских солдат⁵.

Еще одно обстоятельство оказывало влияние на усилившуюся в 70-е гг. среди консерваторов ФРГ антиреформистскую риторику. Если доминировавший в годы "экономического чуда" "технократический" консерватизм был преимущественно ориентирован на научно-технический прогресс, на реформы в управлении производственно-экономическими процессами и достижение на этой основе общественной стабильности и согласия, то традиционалистский консерватизм, потеснивший в 70-е гг. реформистов на внутриконсервативном пространстве, для достижения этих же целей стремился в первую очередь использовать духовно-ценностные категории: германскую национальную традицию, уважение к авторитету, религиозную мораль, укрепление семьи и т.п. Впрочем, изменение

приоритетов вовсе не означало абсолютизацию одного и отказ от другого. Не случайно консервативная идеология представлялась на Западе “единственной альтернативной моделью.., способной соединить мораль и микропроцессор”⁶.

Длительный мировой экономический кризис наложил свой отпечаток и на ФРГ. К началу 80-х гг. стало окончательно ясно, что предложенные правительством Шмидта-Геншера методы управления страной оказались недостаточно эффективными перед лицом мощного экономического потрясения. Находившиеся у власти в одной упряжке СДПГ и СвДП не справлялись с грузом экономических и социальных проблем. В то же время многие интеллектуалы, влиявшие на умонастроения, подобно Р.Левенталлю или К.Зонтхфимеру, пришли к выводу, что наступает время, когда нужно покончить с “вызванным студенческим движением периодом переизбытка антиавторитарных эмоций и склонности к радикальному утопическому и идеологизированному мышлению” и вернуться к лоно привычных стереотипов консервативного и либерального мировоззрения. “Консервативная волна”, поднявшаяся в конце 70-х гг. на Западе, не миновала и ФРГ. Осенью 1982 г. решение бундестага, а в марте 1983 г. федеральные выборы де-юре оформили “консервативный поворот” - названное так возвращение к власти блока ХДС/ХСС, заключившего новый союз с либералами из СвДП.

Однако “поворот” в том виде, как он произошел, не удовлетворил агрессивное правоконсервативное крыло, явно не желавшее возвращения к консервативно-либеральному консенсусу и мечтавшее о более глубоком сдвиге вправо. Однако новый канцлер Г.Коль, несмотря на жесткую критику со стороны поборников чистоты консервативных принципов, неизменно показывал себя политиком-реалистом, приверженцем консенсуса с либералами. Вместе со своим кабинетом он стремится достичь стабилизации в обществе на путях буржуазного реформизма, отличается гибкостью и пластичностью политического поведения. Да и в самом консервативном лагере, несмотря на обострившиеся после “поворота” внутренние противоречия, спровоцированные недовольством идеологов крайне правого толка (К.Шренк-Нотцинг, А.Молер, Г.Рормозер и др.), достаточно сильные позиции сохранили те умеренно или реформистски настроенные политики и идеологи, цели которых не простирались так далеко, как основательный демонтаж демократического правового государства. “Быть консерватором для меня - значит сохранять ценности Конституции 1949 года”, - высказался на одной из дискуссий в начале 80-х гг. Г.Бёлль⁷. В годы канцлерства Г.Коля современный либеральный консерватизм 80-90-х гг. так же, как и в аденауэровскую эпоху, ориентирован в первую очередь на достижение максимальной экономической эффективности. Его представители пытаются решать социальные и политические проблемы, стоящие перед Германией, прежде всего технократическими средствами. В этом плане весьма показательна политическая карьера бывшего премьер-министра земли Баден-Вюртемберг и заместителя Г.Коля по ХДС Л.Шпэта. Эффективность и

целесообразность - для него главные критерии. Вопреки изначальному значению слова, его консерватизм устремлен в будущее, где находится тот общественный идеал, который должен быть создан в результате НТП. Картину постиндустриального общества, названного им "информационным", Шпэт нарисовал в своей книге "Поворот в будущее".

Почти полувековая история консерватизма в ФРГ свидетельствует, что большая часть его исторического пути так или иначе определялась идеями и политикой консерваторов реформистского толка. Во многом это зависит от реального соотношения политических сил в стране. Консерваторы на выборах не набирают абсолютного большинства и не получают единоличного мандата на управление страной. Общество предпочитает консервативно-либеральный консенсус, усматривая в нем гарантию, с одной стороны, стабильности и порядка, с другой - свободы и прогресса. Такого рода ориентированный на компромисс выбор не могут не учитывать консерваторы, стоящие на позициях реальной политики. Не случайно даже такой традиционалистски настроенный деятель, как председатель ХСС Ф.-Й.Штраус, в свое время заявил: "Быть консерватором - значит маршировать во главе прогресса"⁸.

¹ Shelsky H. Der Mensch in der wissenschaftlichen Zivilization. Köln, 1961.

² Forsthof E. Technisch bedingte. Strukturwandlungen des modernen Staates// Technik in technischen Zeitalter. Dusseldorf, 1965. S.22.

³ Gehlen A. Über kulturelle Kristallisation// Ders. Studien zur Anthropologie und Soziologie, Neuwied; B., 1963.

⁴ Altmann R. Formierte Gesellschaft// Ders. Späte Nachricht vom Staat. Politische Essays. Stuttgart, 1969. S.3-51.

⁵ Френкин Л.А. Западно-германские консерваторы: кто они? М., 1990. С.103-107.

⁶ Исследования по консерватизму. Вып.1. Консерватизм в современном мире. Пермь, 1994. С.5.

⁷ Die Zeit. 1981. Oktober. 16. S.41.

⁸ Suddeutsche Zeitung. 1968. Dezember. 16. S.3.

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

*Чувство меры и чувство
ответственности
незнакомо унылой
посредственности.
Б. Окуджава*

Границы феномена "политическая культура" весьма размыты, содержание понятия продолжает уточняться. В настоящее время, однако, достаточно распространен взгляд на политическую культуру как совокупность ценностей.

Можно ли считать такую общественно значимую ценность, как социальная ответственность личности, элементом ее политической культуры? От ответа на этот вопрос зависит не только адекватность утверждения, вынесенного в заголовок данной статьи, но, возможно, и попытка посильного участия в теоретических спорах по поводу содержания понятия "политическая культура".

Критикуя немецких социалистов, преуменьшающих личную ответственность индивида и преувеличивающих ответственность государства, Ф.Й.Штраус утверждал, что, "чем выше в среде какого-то народа процент людей, действующих... под собственную ответственность, тем выше демократическая зрелость этого народа"¹.

Чувство социальной ответственности не может быть врожденным, оно возникает и воспитывается в определенной духовно-политической среде и, возможно, становится одной из социально значимых этических норм и ценностей. Однако общество ожидает проявления этого качества прежде всего от лиц, находящихся на вершине политического Олимпа. В последней думской речи П.А.Столыпина есть такие слова: "Для лиц, стоящих у власти, нет греха большего, чем малодушное уклонение от ответственности... Ответственность - величайшее счастье моей жизни".² Трагическая судьба Столыпина, возможно, есть результат несоответствия политической культуры личности и политической культуры общества.

Идея ответственности человека вызревала с древности. Еще в гимнах Зороастра содержится мысль об ответственности человека не только за свою душу, но и за весь мир. Учение Гераклита предусматривало ответственность человека за выбор варианта своего поведения. Согласно Аристотелю, только нравственному индивиду свойственна потребность принять всю ответственность за принимаемые решения.

Особый интерес к проблеме ответственности в Новое время был присущ немецкой мысли. И. Кант полагал, что лучший удел политического деятеля - прощение, худший - проклятье. Ф. Шиллер ввел в изучение и оценку прошлого идею ответственности, подчеркивая, что история включает в себя весь нравственный мир. И. Гете утверждал, что действующий всегда бессовестен, а совесть может быть лишь у наблюдающего. Ф. Ницше пояснял свою приверженность понятию "свобода воли" тем, что люди хотят не перекладывать ответственность за содеянное на бога, на предпосылки, на случайность, на общество, на мир, а нести ее сами³.

Мировосприятие отдельных людей и социальных групп отражает и иерархию ценностей, и стиль жизни, и общую направленность духовной и политической культуры. Одним из первых исследователей, кто включил концепцию этоса в общую теорию объяснения социально-политической и экономической жизни общества, был М. Вебер.

Всякое этически ориентированное действие, по Веберу, может подчиняться двум противоположным максимам: оно может быть ориентировано либо на "этику убеждения", либо на "этику ответственности"⁴. При этом Вебер не пытается утверждать ни безответственность этики убеждения, ни беспринципность этики ответственности. Речь идет о конечной обусловленности данных этических комплексов и о возможной реакции на последствия и результаты их воплощения в действиях.

Некоторые западные авторы понимают этику ответственности как стиль поведения, определяемый взаимопроникновением всех видов социальной ориентации, выделенных М. Вебером, - и целерациональной, и ценностно-рациональной, и аффективной, и традиционной⁵. Однако у Вебера этика ответственности и этика убеждения основаны все-таки на различии целей и ценностей. Так, он подчеркивает, что "если последствия действия, вытекающего из чистого убеждения, оказываются скверными, то действующий считает ответственным за них не себя, а мир, глупость других людей или волю Бога, который создал их такими"⁶. Тот же, кто исповедует этику ответственности, заранее просчитывает возможные неудачи, включает заурядные человеческие недостатки в систему своих расчетов и не заблуждается в определении мотивов того или иного поведения. Вот почему успешная политика, по Веберу, это "искусство знать границы возможного".

Различение "этики убеждения" и "этики ответственности" связано у Вебера с проблемой различия целей и средств, с этой вечной политико-этической проблемой. Уже "первые христиане весьма точно знали, что... тот, кто связывается с политикой, то есть властью и насилием как средствами, заключает пакт с дьявольскими силами", и что по отношению к его действию не то истинно, что из доброго может следовать только доброе, а из злого лишь злое, но зачастую наоборот"⁷.

Выделением двух побудительных этических мотивов Вебер решает чисто исследовательские задачи анализа различных сторон человеческой деятельности. Он подчеркивает, что этика убеждения и этика ответственности не являются абсолютными противоположностями, они

скорее взаимодополняют друг друга и "совместно составляют подлинного человека, того, кто может иметь призвание к политике"⁸.

Этика ответственности, согласно Веберу, должна быть обязательной принадлежностью политического лидера. Она предполагает реальную оценку политической ситуации, рациональную формулировку альтернативных возможностей, сознательный выбор одной из них, а главное - личную ответственность за этот выбор. Германский автор В.Моммзен подчеркивает, что Вебер требовал от политика ответственности за каждый конкретный результат его деятельности или бездеятельности, так как он должен представлять себе возможные результаты своего образа действий⁹.

Социальная ответственность политического деятеля наиболее ярко проявляется в его склонности к социальному реформированию. Основатель династии Чемберленов сделал себе имя в качестве сторонника социальных реформ¹⁰. А сын Джозефа - Невилл, получив в 1923 г. предложение занять пост министра финансов, засомневался: "Я больше люблю тратить деньги, чем копить их", - писал он сестре¹¹. "Тратить деньги" - означало проводить социальные реформы. По мнению Л.Е.Кертмана и П.Ю.Рахшмира - авторов одного из значительных исследований по истории социального реформизма, присущий традиционному либерализму крайний индивидуализм уже к концу XIX в. был потеснен принципом "социальной ответственности", а вера в возможность социальной реформы стала доминирующим течением в европейском образе мышления¹². При этом не устранялись, да и не могли исчезнуть национальные особенности социального и политического действия - практика социального реформизма окрашена этнической спецификой политической культуры. Лондонская "Таймс" отмечала, что "британская политическая культура, которая зиждется на свободе личности и ее возможностях, была модифицирована коллективным трудом на общественные нужды, но не устранена им. Она стала политической философией консервативной партии и представляет собой здоровый подход"¹³.

Первые социальные реформы, о которых историки имеют письменное свидетельство, были осуществлены в шумерском городе-государстве Лагаше в XXIV в. до н.э. Реформы были направлены против злоупотреблений чиновников, произвольно повышавших налоги и посягавших на храмовую собственность. Об этом рассказывает документ, составленный одним из писцов правителя Урукагины по случаю освящения нового канала¹⁴.

С тех далеких времен именно социальные реформы стали таким способом общественных преобразований, который обеспечил существенные и бескровные цивилизационные и формационные сдвиги в целом ряде стран Европы и Азии. Люди, бравшие на себя политическую ответственность за их проведение и результаты, могли осознавать или не осознавать всю глубину и социальную значимость своих действий, но, как правило, они были носителями более рациональной политической культуры своего времени.

История реформ насыщена парадоксами. Авторы некоторых преобразований преследовали незначительные цели, но результаты

оборачивались общественным скачком. С другой стороны, можно найти примеры чрезмерных социальных претензий, диктуемых чувством ответственности, при осуществлении которых достигался весьма слабый эффект.

Независимо от типа реформ, от условий и результатов их проведения у них всегда есть конкретные авторы - люди с большим или меньшим чувством социальной ответственности.

Практика проведения реформ в различные исторические эпохи показывает зависимость их результативности от уровня политической культуры в целом и от степени развитости чувства социальной ответственности в частности. Только с ростом элементов гражданской, активистской политической культуры возможно изменение и образа жизни, и даже характера деятельности людей.

На наш взгляд, социальная реформа - это не только "адаптация" или "реакция", и не только некая вторичность (ответ на "вызов времени"), но прежде всего проявление социальной ответственности лидеров, а следовательно, результат их политической культуры. Облагороженность реформаторских мотиваций тем выше, чем рациональнее в них учтены ограничения, задаваемые обществом и нравственностью, чем выше осознание ответственности и долга.

¹ Штраус Ф.Й. Выгода и свобода // Новое время. 1992. N 17. С.58.

² Стенографический отчет IV Государственной Думы. Заседание 101. 27 апреля 1911 г. С.2863.

³ Nietzsche's Werke. Bd.8. Leipzig, 1906. S.32.

⁴ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С.696.

⁵ См: Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность. М., 1991. С.227.

⁶ Вебер М. Избранные произведения. С.697.

⁷ Там же. С.699.

⁸ Там же. С.705.

⁹ Mommsen W. Max Weber und deutsche Politik 1890-1920. Tübingen, 1959. S.49.

¹⁰ Кертман Л.Е. Джозеф Чемберлен и сыновья. М., 1990. С.399.

¹¹ Там же. С.415.

¹² Кертман Л.Е., Рахшмир П.Ю. Буржуазия Западной Европы и Северной Америки на рубеже XIX-XX веков. М., 1984. С.87, 101.

¹³ Цит. по: Социал-демократический и буржуазный реформизм в системе государственно-монополистического капитализма. М., 1980. С.435.

¹⁴ Крамер С. История начинается в Шумере. М., 1991. С.56.

СОЦИАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И "ОБРАЗОВАННЫЙ КЛАСС"

Социальные проблемы находятся в центре внимания не только политической элиты, стремящейся, как правило, предотвратить их обострение и различного рода катаклизмы. "Образованный класс", который в данном случае понимается как слой людей, профессионально занятых умственной деятельностью, играет немаловажную роль в осмыслении стоящих перед обществом проблем, в формировании и распространении новых идей и представлений, в подготовке и оформлении социального законодательства. В особенности это относится к странам, в которых образованный класс не ставил своей целью конфронтацию с правящей элитой. Такого рода феномен сложился в Великобритании в XIX в.

Основы этого феномена были заложены еще в XVII в. юридической профессией, которой удалось добиться определенной независимости от государственных органов, утверждения принципа профессионального самоуправления, права на определение профессиональных стандартов. Поскольку профессия юриста всегда занимала в Англии высокий социальный и материальный статус и обладала престижем, равно как и чувством стабильности и комфорта, эта профессия стала своего рода эталоном, которому стремились следовать врачи и преподаватели, инженеры и учителя. Борьба за утверждение профессиональных принципов в XIX в. стала составной частью реформирования и модернизации английского общества.

"Образованный класс" Англии на первый план выдвигал решение собственно профессиональных задач, в нем трудно обнаружить всеобщую увлеченность неопределенными социальными идеалами. Тем не менее, различные профессиональные группы, выдвигавшие конкретные планы в интересах своей профессии, в совокупности способствовали переменам в самых различных сферах общественной жизни. Кроме того, собственно профессиональные функции дополнялись у разных категорий "образованного класса" и отдельных его представителей функциями просветительскими, исследовательскими, модернизирующими. Традиционная форма социальной деятельности и проявления "социального стыда" - благотворительность была дополнена в последней трети века новыми видами социальной активности. К ним относятся прежде всего своеобразные английские "хождения в народ" и установление в рабочих кварталах "сеттльментов", поселений интеллектуалов. Одним из наиболее известных поселений такого рода был Тойнби-холл в Ист-Энде. Его организовал священник С.Барнетт, посещали Б.Вебб и У.Бeverидж.

Старейшие английские университеты - Оксфорд и Кембридж - также основали собственные селтлменты. Цель такого рода поселений заключалась в том, чтобы беднота стала более образованной, культурной, цивилизованной, вела более трезвый, более достойный образ жизни.

Исследовательские функции образованного класса проявились в проведении и публикации серии исследований условий жизни рабочего класса и причин бедности в Англии. Наибольший общественный резонанс вызвали исследования З.Раунтри и Ч.Бутса. Доведение до общественности того факта, что треть населения Лондона проживает ниже черты бедности, вызвало настоящий шок. Во многом благодаря этому была подготовлена психологическая почва для отхода от принципов фритредерства и взгляда на государство как на "ночного сторожа" и к принятию идеи "социальной ответственности" государства. Молодой журналист Г.Сэмюэль в 1904 г. опубликовал очерки под названием "Новый либерализм" и тем самым положил начало целому направлению социально-политической мысли. Другой журналист - Л.Хобхауз в 1907 г. выдвинул идею о "прогрессивном государстве", которое должно было поддерживать и укреплять позиции своих граждан, обеспечивать благоприятные условия для развития общества.

"Интеллектуальная аристократия" Англии (по выражению Н.Аннана) оказывала не только опосредованное, но и непосредственное влияние на политиков - с помощью как личных контактов, так и совместного участия в работе различного рода организаций. Например, с 1857 г. в стране действовала Ассоциация социальных исследований, в которую входили представители как либеральной, так и консервативной партий, а также беспартийные члены. В деятельности этой Ассоциации выявилось несколько направлений, в том числе и по разработке социального и уголовного законодательства. Как известно, при разработке скандально известного "революционного" бюджета (а точнее было бы сказать - социального) на 1909 г. Ллойд Джорджу помогал выпускник Кембриджа Ч.Мастерман. Даже социалистически ориентированные интеллектуалы создали по инициативе Веббов "Клуб содействующих" осуществлению либеральной политики, в котором состояли профессиональные эксперты в разных областях, и среди них такие известные люди, как Уэллс и Рассел, Вебб и Холдейн. Исследователи отмечают, что "их вдохновлял не идеал рабочего класса, основанный на равенстве, а профессиональный идеал элитарного общества, управляемого профессиональными экспертами".

Проведенные либералами после победы на выборах 1906 г. социальные реформы в Англии нередко именуют "социальной революцией". Закон о трудовых конфликтах 1906 г., закон о пенсиях для стариков (1908), закон о восьмичасовом рабочем дне для шахтеров, а также Билль о социальном страховании (1911), введший страхование по болезни, инвалидности и (впервые в мире) по безработице - этот комплекс законодательных актов предоставлял англичанам социальные гарантии, правда, на минимальном уровне. Понадобились потрясения XX века - мировые войны и экономические кризисы - для осознания необходимости

более глубоких реформ, а успехи НТР обеспечили возможности для их реализации.

Новая волна социального законодательства была связана в Англии с приходом в 1945 г. к власти лейбористского правительства К.Эттли. "Лейбористский эксперимент" создал основы современного "государства всеобщего благоденствия" - Welfare state. Говоря о роли и значении "образованного класса" в становлении "социального государства" следует отметить, что профессии безусловно не были пассивными наблюдателями роста "государства благоденствия". Влияние профессиональной идеологии и принципов профессионализма на этот процесс несомненно. Профессиональные ассоциации приняли самое активное участие в разработке социальных законопроектов. В частности, при создании Национальной системы здравоохранения врачи добились того, чтобы центральные административные органы советовались по всем проблемам медицины с комитетом, представлявшим медицинскую профессию. Юридическое общество взяло на себя ответственность за все общественные фонды, обеспечивающие юридическую помощь.

Усилившиеся со второй половины 1970-х г. жалобы на снижение эффективности "социального государства" естественным образом сочетались с критикой корпоративного духа профессий, "образованного класса". "Консервативная революция" Маргарет Тэтчер, начатая с 1979 г., ставила своей целью демонтаж "государства благоденствия". В отношении "образованного класса" Тэтчер взяла курс на его "менеджеризацию" путем привлечения менеджеров частного сектора к руководству государственными службами и путем внедрения методов управления крупными частными корпорациями в различные сферы. Правительство стремилось ограничить власть профессиональных институтов. Однако, если в отношении медиков и учителей это получилось, то с университетскими преподавателями дело обстояло сложнее, а попытки правительства реформировать юридическую профессию вылились в так называемую "войну адвокатов". Государство пыталось посягнуть на самоуправление и суверенитет юристов, предлагая сделать арбитром не профессиональные, а государственные органы. Но эти планы остались на бумаге. Юристы, имеющие долгий опыт автономии и саморегулирования, сумели отстоять свой статус и независимость.

Жесткость тэтчеристского курса, его радикализм вызвали противодействие большинства англичан, за несколько столетий политической умеренности успевших привыкнуть к "золотой середине". Принятие консерваторами после вынужденного ухода Тэтчер в отставку "Социальной хартии", дополненной 18 конкретными хартиями, свидетельствует о стремлении смягчить сложившийся имидж консервативной партии и скорректировать ее политическое направление. Консерваторы объявили о своем намерении улучшать и модернизировать британскую систему социальной безопасности и в своем манифесте "Лучшее будущее для Британии". Таким образом, корректировка курса консервативной партии может рассматриваться как отказ от полного

демонтажа "социального государства" и победу тех, кто выступает "против Кейнса, но не против Бевериджа", как очередное доказательство сохраняющегося влияния "образованного класса" Великобритании на различные стороны жизни общества, в том числе на сохранение и модернизацию социального законодательства.

М.Г.Суслов
Пермский университет

РЕФОРМИЗМ КАК МИРОВАЯ ТЕНДЕНЦИЯ

Последние 200 с лишним лет потребность реформирования общества в национально-государственных границах неуклонно возрастает во всех странах, вставших на путь индустриального развития. Эта потребность приводила к реформам во многих странах. Там, где с реформами запаздывали или не могли провести достаточно радикальные реформы, происходили революции.

Мировая история знает более 70 революций, происходивших в разное время, в разных странах. Каждая революция есть свидетельство отказа правящих политических сил от реформ или недостаточно глубокого реформирования общества. С конца XVIII в. прошла череда революций и только на закате XX в. четко обозначилась устойчивая тенденция перехода от революционности к реформированию.

И реформы, и революции имели и имеют под собой реальную почву. И то, и другое зависит от множества факторов, но есть и основные. К числу определяющих факторов, предопределяющих реформы и революции является социализация. Как реформы, так и революции зависели от уровня достигнутой социализации и, в свою очередь, влияли на подвижки в социализации. При низком уровне социализации уровень напряжения и конфликтности в обществе велик и, чем ниже был уровень социализации, тем больше было условий для революционного движения и революции. Чем выше уровень социализации, тем благодатнее почва для реформ.

XIX и XX вв. демонстрируют очень жесткую связь между революционным и реформистским движением и социализацией. Чем выше уровень жизни основной массы населения и чем выше степень социальной защищенности всех слоев общества, тем меньше запрос на революцию.

Запад хорошо показал, как социализацией снималось социальное напряжение в обществе, как понижался уровень конфликтности. Первым явственным признаком социализации было появление так называемой "рабочей аристократии". Не случайно появление "рабочей аристократии" марксисты расценивали как рассадник оппортунизма, как питательную

почву реформистских настроений в рабочем движении. Они в этом не ошибались. Сила и влияние реформизма всецело зависели от уровня социализации.

Западу потребовалось почти сто лет, чтобы на пути социализации от тонкого слоя "рабочей аристократии" перейти к формированию так называемого "среднего класса".

На путь социализации, как альтернативу революции, указывали в России многие, но первые заметные практические шаги в этом направлении предпринял начальник Московского охранного отделения жандармский полковник С.В.Зубатов. Именно он еще в 90-е гг. XIX в. дал теоретическое обоснование политики социализации и сделал первые шаги на пути ее реализации. Не случайно В.И.Ленин и социал-демократы остро отреагировали на зубатовщину. Прими самодержавие идеи Зубатова, и реформистский вариант развития России стал бы более реальным. Отвергнув зубатовщину, а с ней и возможную социализацию, царское правительство привело Россию к революции.

Революционные события 1905-1907 гг. все равно вынудили правительство пойти на уступки в деле социализации, но, поскольку эти уступки были явно недостаточными, Россия пришла к революции 1917 г.

История советской России, где проводилась насильственная и избыточная социализация, вынудила западные страны уже в 30-е гг. встать на путь государственной политики масштабной социализации. Лидерами в этом оказались Соединенные Штаты Америки и, как ни странно, фашистская Германия.

Именно социализация понижала, а то и сводила на нет революционное рабочее движение, обеспечивала реформистский путь развития во многих странах. Уровень социализации в послевоенный период повышался почти во всех странах, был достаточно высок.

С падением советской власти и крушением социалистической системы мы можем прогнозировать снижение уровня социализации не только в республиках бывшего Советского Союза, но и во всех странах Запада. В этом понижении есть черта, за которой будет заметно сужаться операционное поле для реформ и резко возрастать почва для леворадикальных настроений, вплоть до революционной и классовой борьбы. Значит, почвой для реформистского пути развития России является лишь достаточный уровень социализации, т.е. построение социализированного капитализма. Единственный путь к нему - через реформы, и тот, кто не умеет реформировать общество, доживает до революции. Эту простую истину следует почаще вспоминать реформаторам в нашей стране и за рубежом.

ИСТОРИСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РЕФОРМ

До последнего времени изучение реформизма в отечественном общественном занимало весьма скромное место. В советской науке реформы в любой стране, проводимые в досоциалистический период, воспринимались "как побочный продукт революционной классовой борьбы пролетариата"¹, а после - как элемент планомерного строительства коммунизма. Между тем реформы - это самостоятельный, важный, в истории применяемый чаще и, по понятным соображениям, более предпочтительный, чем революции, механизм саморегуляции общества. Его задача - сохранять устойчивость системы, поддерживать баланс между механизмами ее функционирования и развития. Слабая изученность реформ создает сегодня странную ситуацию: все политические силы и отчасти население ожесточенно спорят о том, стоит ли "доводить реформы до конца", но ни те, ни другие не имеют достаточно четкого представления, в чем их суть.

Очевидно, что начиная реформирование общества, надо определить его цели, направленность, сферы действия, масштаб и сроки осуществления. Для этого необходимо иметь не только общее представление о способах проведения того или иного типа преобразований, но и вероятностный прогноз. Аксиологический подход к прогнозированию реформ, как правило, отличается жесткостью, безальтернативностью и субъективизмом, выражающимся в преобладании ценностных ориентаций и взглядов самих реформаторов или тех социальных групп, интересы которых они пытаются защищать, а не интересы общества в целом. Поскольку шанс на осуществление такого подхода к реформированию в большинстве случаев появляется в предкризисных и кризисных ситуациях, его реализация (из-за сопротивления недовольных) чревата усилением традиционно консервативных (сохранение статус-кво) и радикальных тенденций, что, в итоге, снижает идеологический и практический потенциал реформизма. Наглядный пример - история России, где слабость гражданского общества постоянно стимулирует проявление названных тенденций в этатистско-бюрократической форме, которая, в свою очередь, приводит либо к половинчатости реформ (следствие этого - застой), либо к их сверхрадикализму.

Поэтому при прогнозе предпочтительнее рационально-логический подход. Однако у него жесткие теоретические пределы. Так, по К.Попперу, возможны два варианта прогноза: пророчество и "технологическое" предсказание. Пророчества утопичны и опасны, т.к. следование им приводит к вышеназванным результатам. Лишь частичное технологическое проектирование, основанное на методе проб и ошибок и не требующее

знания общих законов социального развития, может стать реальной теоретической базой для реформ². Его действительно достаточно для ликвидации дисбаланса в функционирующей системе, и такой способ с успехом практикуется на Западе в рамках различных моделей консервативно-либерального консенсуса. Однако нынешние российские реформы носят иной, системообразующий характер, который требует стратегического прогноза. Нынешнее обществоведение пока не может гарантировать ни его точности, ни объективности. Сторонники постмодернистской социологии, справедливо отмечая ограниченность рациональных методов познания современного и будущего общества, сами также далеки от создания методик прогноза³.

Но это не мешает появлению все новых подходов к решению проблемы "расчета" вариантов будущего. На наш взгляд, в плане определения направленности реформ и их сроков небезынтересны ряд наработок современной социальной ритмологии, изучающей волновые процессы в общественном развитии. Так, хотя А.Л.Чижевскому и не удалось полностью объяснить механизм взаимосвязи солнечной и социальной активности, он тем не менее еще в 1922-23 гг. достаточно убедительно предсказал, что в 1927-29 гг. максимум солнечной активности вызовет в мире принципиальные изменения и их вероятный характер⁴. Заметим также, что всплеск социальной активности, стремление к новациям в 1989-90-е гг. и сегодняшняя социальная апатия, защита корпоративных и личных интересов, а также ориентация значительной части общества на "добрые старые времена" приходится соответственно на пик и спад в деятельности Солнца.

В настоящее время предпринимаются попытки обобщить результаты исследований различных социальных циклов. Причем один из них, связанный с так называемыми "длинными волнами" в развитии экономики (48-50 лет), рассчитанный в 1920-е гг. Н.Д.Кондратьевым, может, по мнению ряда отечественных и зарубежных исследователей, претендовать на роль интегрального, выражающего связь экономических, культурных и политических ритмов⁵. С этих позиций вполне объяснимы свертывание НЭПа в СССР и усиление госрегулирования во всем мире в 30-е гг., пришедшиеся на конец "понижательной волны" и быстрота перемен в социалистических странах в начале 90-х гг., совпавших с началом "повышательной волны". Отношение к ритмологии неоднозначно. Борьбу с "кондратьевщиной" начал еще Л.Д.Троцкий, а завершил в 1929 г. И.В.Сталин⁶. Это не помешало западным специалистам с успехом использовать идеи Н.Д.Кондратьева при подготовке ряда экономических реформ.

Наконец, возможно прогнозирование реформ по аналогии с прошлым, хотя за его точность и корректность трудно поручиться. Но, в любом случае, изучение отечественного и зарубежного опыта и его теоретическое осмысление может показать преимущества реформистского типа развития перед радикальным, помочь в выборе наиболее продуктивных моделей реформ и избежать типичных ошибок в их проведении.

¹ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.15. С.108.

² Полпер К. Нищета историцизма. М., 1993. С.138-150; Ракитов А.И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М., 1982. С.235-247.

³ Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас: Учебное пособие. Новосибирск, 1995. С.13-14 и др.

⁴ Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924. С.38-41, 63-69 и др.

⁵ Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989. С.22, 31; Волновые процессы в общественном развитии. Новосибирск, 1992. С.108, 112-113; Пантин В., Лапкин В. Краткий миг российской свободы// Знание - сила. 1991. N 8.

⁶ Волновые процессы в общественном развитии. Новосибирск, 1992. С.112; Сталин И.В. Соч. Т.12. С.146.

Н.М.Рычкова
Пермский педуниверситет

РАССТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В ГЕРМАНИИ В КОНЦЕ XIX В. ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ВОПРОСА О РЕФОРМИРОВАНИИ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Проблемы образования занимают особое место в духовной жизни каждого народа. От степени распространения различных ступеней образования, от организации школьного дела, наконец, от самого характера внедряемых в сознание обучающихся идей, взглядов, представлений во многом зависит культурный уровень страны в целом.

Германская буржуазия, ведя борьбу со старыми капиталистическими державами за мировые рынки, не могла не учитывать и возросшие потребности в технически грамотных рабочих. Разумеется, этот аспект больше занимал промышленную буржуазию, чем землевладельцев или банкиров, что создавало объективную предпосылку для определенных расхождений между различными группировками господствующего класса.

В конце XIX в. в Германии наметилось столкновение двух тактических систем консерватизма и либерализма - характерное для буржуазной политики во всех ее сферах, проявилось оно в полной мере и в вопросе о путях развития образования. Германская социал-демократия также оказывала воздействие на политику правительства в этой области, хотя степень активности сложившихся направлений в партии была далеко не адекватна.

Между тем сам Бисмарк признавал, что если бы не было социал-демократии и если бы она не внушала такого страха, мы не имели бы и этих крох социальных реформ.

Немаловажным дополнительным фактором, усложняющим и без того непростую картину разнообразных концепций в области просвещения, было наличие в Германии соперничающих церквей (евангелистской, католической,

иудейской). Церковь имела абсолютное право контроля над всей системой просвещения вплоть до 1872 г.

В начале 90-х гг. министром просвещения Госслером была предпринята попытка реформы начального образования в рамках "нового курса" Каприви. Главная идея законопроекта, хотя и непоследовательно реализованная в нем, заключалась в том, что резко усиливалась роль государства и контролируемых им местных органов власти в руководстве школьным делом. Под нажимом либералов Госслер в законопроекте резко повысил роль светской общины в вопросах административного руководства школ, чем несколько ослабил централизацию управления. Национал-либералы безоговорочно одобрили законопроект.

Усиление влияния государства и местных светских органов власти на школу противостояло сопротивлению церковных кругов и, в особенности, партии Центра. Центр повел борьбу против законопроекта с позиций слабо завуалированного сепаратизма. Центр стремился не только сохранить, но и усилить влияние католической церкви на подвластную ей школу.

Партия свободных консерваторов рассматривала новый законопроект "как логическое осуществление конституции".

Сложнее дело обстояло с консерваторами. Недовольные "новым курсом" и находящиеся под влиянием протестантской иерархии, консерваторы, отмечала "Кельнише фольксцайтунг", как правило, "сдержанно высказывались о проекте". В целом, однако, консерваторы поддерживали правительство.

Партия свободомыслящих выступала против законопроекта слева. Социал-демократы, особенно левые, придерживались общих программных установок в решении этого вопроса - отстранить как правительство, так в равной степени и церковь от всякого влияния на школу.

Имея прочное большинство в ландтаге, правительство все же решило взять законопроект обратно, т.к. боялось обострения борьбы в лагере буржуазных партий.

Такая же участь постигла и законопроект министра просвещения Цедлица (1892 г.). Основная идея законопроекта заключалась в резком усилении церковного контроля над школой. Однако, по мнению католического Центра, некоторые статьи законопроекта носили непоследовательный характер, поэтому он выступал в роли своеобразной "оппозиции" справа. В целом Центр поддержал предполагаемую реформу.

Оппозицию законопроекту слева составили буржуазные партии, от свободомыслящих до свободных консерваторов. Позиция правого крыла социал-демократов была близка к либеральной оппозиции законопроекту.

При обсуждении данных проблем явно наметилась тенденция сближения тактики левых либералов и правых социал-демократов.

Левые социал-демократы по-прежнему ограничивались критикой политики государства в области образования, не противопоставляя им конкретных требований социал-демократии. Такая пассивность исходила, прежде всего, из упрощенного понимания марксистского положения о

возможности коренного улучшения просвещения только в условиях социализма. Позиция левых социал-демократов при обсуждении данных проблем способствовала не только потере мощного источника идеологического влияния на массы, но и дальнейшему внутрипартийному размежеванию.

Таким образом, при обсуждении проблем реформирования школьного образования четко прослеживаются основные концепции различных политических сил, поскольку эти вопросы занимали видное место в общей системе социальных реформ Германии в конце XIX в.

Т.З. Шмидт
Пермский университет

ГЕРМАНСКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ И СОЦИАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ

Класс промышленников в Германии на рубеже XIX-XX вв. был неоднороден. В качестве фактора, в большей степени влияющего на характер и формы государственной социальной политики, выступали магнаты тяжелой индустрии, которые, по словам либерального историка Ф.Майнеке, отличались "несоциальным, господским духом".

В широких кругах германского предпринимательства современная технология сочеталась подчас с докапиталистическими социальными взглядами и повсеместной верой в сильную государственную власть. Поскольку позиция германских предпринимателей по социально-политическим вопросам формировалась на фоне мощного экономического роста немецкой промышленности и существования государственных мер полицейского характера в отношении организационного рабочего движения, то в ней нашло отражение догматизированное представление о преимуществах патерналистских рецептов и "свободного договора" в промышленности.

По мнению Центрального союза германских промышленников, опыт Англии учит, что тарифные договоры станут большим препятствием для технического и организационного прогресса германской индустрии. Экономический подъем в условиях ограничения свободы профсоюзного движения становился в этой среде идеалом.

Серьезной преградой для осуществления буржуазно-реформистских программ в Германии была ярко выраженная политизация социально-экономической борьбы со стороны работодателей. Как ни старались здравомыслящие политики локализовать конфликт между трудом и капиталом в экономической сфере, превратить его в исключительно

индустриальный конфликт, который можно разрешить в процессе переговоров между двумя сторонами при определенном посредничестве государства, достичь этого до первой мировой войны не удалось. Прежде всего в силу устойчивых традиций, сложившихся в обществе, предпочитать меры политического характера для разрешения конфликта между рабочими и предпринимателями. Причем обе стороны возлагали надежды на государство. Рабочий класс в лице СДПГ и "свободных профсоюзов" - на "государство будущего"; промышленники в лице влиятельных предпринимательских союзов - на "государство исключительного закона".

Свои антипрофсоюзные настроения предприниматели оправдывали "патриотизмом", а любой конфликт между трудом и капиталом переносили в политическую плоскость. Робкие ростки "конституционных отношений" в промышленности вызывали их настороженность не только из опасения, что в органах рабочего представительства доминирующие позиции могут занять "враждебные государству" люди, но и в силу того, что эти проекты, по их мнению, расшатывают сложившуюся систему политических отношений в стране.

Хотя, как свидетельствовали современники, накануне первой мировой войны позиция предпринимателей, которые принципиально ничего не хотели знать о правах рабочих на "коалиции", тарифном договоре, воспринималась как анахронизм, все же законодательную базу для цивилизованного урегулирования трудовых конфликтов в Германии создать так и не удалось из-за сильного влияния на партии в рейхстаге предпринимательских и работодательских союзов, которые в основной массе своей руководствовались страхом перед "подрывными", на их взгляд, стремлениями рабочего класса и предостерегали против политики "настроений и чувств". Этатистски настроенная германская буржуазия, одобрив в 80-е г. XIX в. идеи обязательного рабочего страхования, которые соответствовали ее собственной патриархальной идеологии, дальнейшие буржуазно-реформистские программы встречала настороженно.

Социал-реформистски настроенные предприниматели в основном из "новых" отраслей промышленности имели ограниченное влияние на всю систему социально-политических отношений в стране. Зарождавшаяся в этих кругах новая предпринимательская идеология, опирающаяся на концепции "социального партнерства", "классового сотрудничества", "социальной ответственности бизнеса", с трудом проникала в предпринимательскую среду.

РЕФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И АНГЛИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

До начала первой мировой войны Великобритания по уровню развития государственного вмешательства в экономику значительно отставала от таких стран, как Германия и США. Вмешательство государства в экономическую жизнь даже в виде традиционного протекционизма вызывало протест английского буржуа, в сознании которого свободная конкуренция четко ассоциировалась с эпохой расцвета.

Мировая война потребовала небывалой мобилизации всех финансовых и промышленных ресурсов страны, глобальной реорганизации производства. При помощи прежних методов хозяйствования добиться этого было невозможно.

В первые военные месяцы вмешательство государства в экономику носило эпизодический характер. Политика "бизнес как обычно" отражала надежды на скорое окончание войны, победа в которой возможна и без принципиальной перестройки экономики.

Однако переход к позиционной войне (начало 1915 г.) обозначил иллюзорность этих надежд и, как следствие, необходимость отказа от принципов невмешательства и решительного перехода к государственному регулированию. "Акт о производстве вооружений" 1915 г. знаменовал собой четкое осознание правящими кругами Великобритании насущности государственного вмешательства в экономическую сферу.

Государственное регулирование экономики осуществлялось в разнообразных формах. Значительно выросла доля государственного сектора в военной промышленности, развивались и другие формы государственного контроля, не связанные с огосударствлением ("контролируемые предприятия", "реквизиции" морского транспорта, "вступление во владение" железными дорогами и шахтами и др.).

Наиболее существенные результаты в деле перевода английской экономики на государственные рельсы были достигнуты вторым коалиционным кабинетом во главе с Д.Ллойд Джорджем, когда контролем со стороны государства было охвачено почти все хозяйство, включая сферу производства и сферу распределения.

Ограничения свободы предпринимательской деятельности вызывали недовольство в широких буржуазных кругах, поскольку в социально-психологическом комплексе английских буржуа очень велика была ценность индивидуальной свободы, вырвавшаяся из прочных традиций политики невмешательства. Аргументы, приводимые против усиления власти государства в экономике, отличались разнообразием (неэффективность государственного вмешательства; некомпетентность государственного

управления; увеличение расходов на содержание государственного аппарата, что в сознании предпринимателей было напрямую связано с ростом налогов на военные сверхприбыли и т.п.).

Однако в буржуазном сознании, наряду с широко распространенным негативизмом по отношению к государственному вмешательству в экономику, формировалась и противоположная тенденция. Положительная оценка буржуазией государственного механизма стимулировалась пониманием необходимости такого рода реформирования экономики в чрезвычайных обстоятельствах мировой войны. Факт, что без вмешательства государства невозможно было консолидировать усилия нации в такой войне, стал практически общепризнанным. Благодаря опыту военных лет многие предприниматели увидели в государстве своего помощника.

Старые протекционисты (О.Чемберлен, У.Лонг) использовали ситуацию для укрепления своей стратегической линии, подготавливая общественное мнение к мысли, что хотя эти меры и были вызваны военными обстоятельствами, они вообще необходимы для Британии. Эта часть буржуазии, в основном из консервативного лагеря, более благосклонная к протекционизму, быстрее и легче приходила к признанию принципа государственного вмешательства в экономику, но и она отводила государству лишь роль помощника в экономике, стремясь оставить за собой руководящее положение.

Что же касается той части господствующего класса, которая превыше всего оценила индивидуальную свободу, традиции невмешательства (либералы - фритредеры), то она, вынужденно мирясь с государственным регулированием на время войны, была настроена на его скорейшую ликвидацию в послевоенное время.

В связи с перспективами развития государственного регулирования и государственной собственности в буржуазном сознании можно выделить два типа реакции. С одной стороны, паническая боязнь всего, от чего "пахнет" социализмом, соображения социальной опасности системы государственного регулирования. Это один из важнейших мотивов отказа от сохранения и расширения системы государственного контроля и государственной собственности после войны. С другой стороны, более тонкая позиция: коль скоро такие "социалистические" меры ставятся в повестку дня, надо проводить их "сверху", пока рабочий класс не добился их осуществления "снизу".

Однако в целом преобладали все-таки соображения, порождавшиеся отрицательным отношением к огосударствлению, которое в сознании многих буржуа ассоциировалось с социализмом. Немалую роль играло стремление скорее снять государственный контроль, т.к. адаптация к нему может привести общественное мнение к некоторому смягчению оппозиции идеям социализма. Иначе говоря, демонтаж государственного контроля был не только желателен большинству господствующего класса Британии, но и соответствовал его представлению о путях упрочения социальной стабильности.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ ПАРТИЯМИ ВЕЙМАРСКОЙ КОАЛИЦИИ

Завершающееся столетие продемонстрировало многообразие форм реформаторской деятельности политических партий разной ориентации в различных сферах общественной жизни. Особое место уже в межвоенный период заняла в этом реформаторстве сфера культуры. По мере осознания необходимости реформ в целях модернизации духовной жизни в соответствии с потребностями развивающегося общества как буржуазные, так и социал-реформистские партии определяли свои приоритеты в этой области, отражая их в своих программах, прессе и конкретных действиях в парламентах и за их пределами.

Значительный интерес представляет в этом отношении опыт культурно-политической деятельности в эпоху Веймарской республики в Германии. Политическая обстановка того времени определила активизацию различных направлений в немецкой культуре, их конфронтацию и взаимодействие. Это заставляло партии и правительства выступать с инициативами реформ, способных обеспечить подлинную свободу культурного развития страны.

После ноябрьской революции 1918 г., невзирая на остроту политической борьбы, была начата разработка культурно-политического направления формирования нового немецкого государства. Первыми вступили на этот путь Социал-демократическая партия Германии, Немецкая демократическая партия и партия Центра, входившие в состав созданной в феврале 1918 г. Веймарской коалиции.

Программы этих партий в рассматриваемой области существенно отличались по своей направленности. Центр, как и раньше, акцентировал конфессиональные основы развития немецкой культуры с ориентацией ее на предшествующие достижения. Партия много внимания уделяла совершенствованию системы просвещения, выступая за расширение возможностей для основания средних и высших частных школ, за свободу религиозного воспитания детей ¹. Она отстаивала жесткий государственный контроль над средствами массовых коммуникаций и зрелищными мероприятиями, основанный на религиозной этике.

Основные принципы подхода СДПГ к культуре определились еще на рубеже XIX-XX вв. В актуализированном варианте они нашли место в программных публикациях 1918-20 гг. и Герлицкой программе 1921 г. Партия требовала "предоставления всему народу права на культурные блага"². Первое место среди них занимало образование высокого уровня, доступное всем слоям общества. Социал-демократы выступали за создание единой светской системы образования на основе отделения церкви от

государства, бесплатности обучения, учебных средств и содержания детей в школах³. Целью реформы школы провозглашалось "превращение подрастающих людей в семье, школе и свободном молодежном движении в сознательных членов социального, национального и общечеловеческого сообщества, верных идеалам республики, социальному долгу и миру в мире...", способных участвовать в создании "живой народной культуры"⁴. В своей политике в области культуры СДПГ ориентировалась на гармоничное сочетание социальных и общечеловеческих интересов.

В связи с этим в период своего пребывания у власти социал-демократы пытались использовать государственные институты в демократическом духе. Как подчеркивал министр культов Пруссии в 1918-19 гг. социалист К.Хэниш: "Государство должно заботиться о справедливом распределении света и тени и о равных, возможных развитиях для всех. Тогда оно сделает действительно достаточно. Играть полицейскую роль в делах искусств не его служба. ... Руки прочь от художников и художественных направлений на свободной арене, создать которую, может быть, единственная задача государства".⁵

О подлинной культурно-политической демократии в Германии мечтали идеологи Немецкой демократической партии. Они признавали значение государственного единства и "воспитания в немецком народе государственно-гражданских убеждений"⁶. Вместе с тем партия отстаивала духовную самостоятельность индивида в демократическом массовом государстве, призывая к разделению общества и государства в таких сферах духовной жизни, как школа и религия⁷.

Большинство демократов считало религию частным делом и выступало против государственной поддержки конфессиональных школ и религиозного инструктажа в прочих школах. Они предлагали создать единую национальную светскую школьную систему, которая позволила бы решать вопросы воспитания немецкого народа в духе единства и демократии⁸. В предвыборной программе Немецкой демократической партии в 1919 г. говорилось о свободе совести, равных правах на использование благ культуры, обязанности государства обеспечить всем способным равное образование в средней и высшей школе⁹.

Программные установки партий Веймарской коалиции легли в основу соответствующих положений проекта Веймарской конституции. Вопросы культуры поднимались в нем при определении прав граждан, институционализации религиозной практики, решении проблем народного образования. Впервые в истории Германии в проекте основного закона духовная жизнь общества заняла столь значительное место.

При обсуждении проекта в феврале-марте 1919 г. наиболее острые дискуссии вызвали разделы, касающиеся реорганизации школы. Депутатов не устраивали общие фразы о "подъеме всеобщего народного образования путем высокого развития школьного дела снизу доверху"¹⁰, очевидное стремление переложить ответственность за школьную реформу на имперские школьные конференции и администрации земель. Демократы Кох, Щюкинг,

Вейс¹¹, социалисты Фишер, Фогель, Хеллман¹², критикуя слабости этого раздела проекта, предлагали унитарный подход ко всему процессу преподавания и воспитания в школе.

Если в начале дискуссии в отношении к проблемам культуры была очевидна близость позиций демократов и социалистов, то при втором чтении проекта в начале июля 1919 г. стал заметным поворот социал-демократов к компромиссу с Центром. Идея единой светской школы уже не встретила широкой поддержки. Депутаты Центра настаивали на внесении в конституцию положений о свободе преподавания религиозных предметов в школе, создании школ для детей одного вероисповедания, учете религиозности родителей при определении ребенка в школу. В ходе обсуждения социал-демократы предложили идею компромиссной симультантной школы, в которой бы обучались дети разных конфессий¹³.

В результате дискуссии в статье 146 появилась формулировка, гласившая, что "на местах народные школы устраиваются на основе своих вероисповеданий или своего мировоззрения" при условии соблюдения норм органического оформления публичного школьного дела; ландтагам земель предоставлялось право создавать свое законодательство по этому вопросу¹⁴. Таким образом, бурное обсуждение проблемы при создании Веймарской конституции не завершилось утверждением действительно демократических принципов политики в этой области. Это отразилось и на решениях последующих имперских конференций, что в итоге не позволило провести школьную реформу в демократическом духе.

Левому крылу Национального собрания не удалось добиться успеха и при обсуждении статей 117 и 118 проекта Веймарской конституции, касающихся свободы выражать свое мнение устно, письменно, в печати, изображении или любым другим способом. Консервативное большинство депутатов настояло на формулировке, позволяющей возродить систему цензуры, в частности, в отношении киноискусства, публичных выступлений и представлений¹⁵.

Вместе с тем культурно-политические дискуссии в Национальном собрании 1919 г. и активность в них социалистов и демократов позволили оформить такой текст Веймарской конституции, в котором были отражены не только социальные и политические проблемы, но и вопросы духовной жизни нации. Правовое обеспечение всех сфер немецкой культуры создало благоприятные условия для подлинно плюралистического подхода к конкретной практике деятельности в этой области и бурного развития всех направлений национальной культуры в Веймарский период.

¹¹ Abelein M. Kulturpolitik des Deutschen Reiches und der Bundesrepublik Deutschland. Koeln, 1968. S.71.

¹² Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands in Goerlitz. B., 1921. S.VI.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Haenisch K. Neue Bahnen der Kulturpolitik. Aus der Reformpraxis der deutschen Republik. Stuttgart;Berlin, 1921. S.156

¹⁶ Moeller A. Weimar. Die unvollendete Demokratie. Nordlingen, 1987. S.216.

⁷ Frye B.B. Liberal Democrats in the Weimar Republik. The History of the German Demokratie Party and the German State Party. Carbondale, 1985. P.10.

⁸ Ibid. P.84.

⁹ Die Deutsche National Versammlung in Jahre 1919. Bd.I. B., 1919. S.140.

¹⁰ Verhandlungen der Verfassungsgebenden Deutschen Nationalversammlung. Stenographische Berichte. Bd.326. S.44.

¹¹ Ibid. S.478; Bd.328. S.1627, 1673.

¹² Ibid. Bd.326. S.376, 461, 671.

¹³ Ibid. Bd.328. S.1678, 1679, 1706.

¹⁴ Die Verfassung des Deutschen Reichs. Muenchen, 1923. S.56.

¹⁵ Ibid. S.50.

С.Н.Дементьева
Пермский университет

РЕФОРМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

В условиях предвоенной Англии демократизация системы народного образования была одной из острых проблем внутренней политики "национального правительства". Сложившаяся к тому времени обстановка в школьном образовании находилась в полном противоречии с потребностями производительных сил и требовала проведения коренной реформы.

К началу 30-х гг. просвещение в Великобритании имело свои характерные особенности, отличавшие его от системы образования других европейских стран. Они заключались в следующем: значительную роль в финансировании школьных учреждений играли добровольные пожертвования; свобода учителей от официального контроля по вопросам учебной программы, расписания занятий и методов обучения. Эти особенности приводили к децентрализации ответственности и контроля¹.

Проводимый правительством курс "экономии", вызванный вступлением Англии в мировой экономический кризис 1929-1933 гг., в первую очередь сказался на государственных вложениях в систему народного образования. В течение 1931-1932 гг. правительство сократило вложения в систему просвещения на 5240 тыс. ф.ст.² За период 1932-1933 гг. и 1933-1934 гг. бюджет на просвещение был сокращен на 2210775 ф.ст.³, в то время как за эти же годы расходы на военные цели поднялись на 5 млн ф.ст.⁴

"Экономия" больше всего ударила по английскому учительству. Закрывались школы, тысячи учителей остались безработными. Количество безработных учителей пополнялось за счет выпускников учительских колледжей, не имевших возможности найти работу. Так, из 8250 студентов, окончивших учительские колледжи в 1932 г., 1110 человек (13,5 %) не имели работы⁵.

В этих условиях вопрос об улучшении школьного дела и всей системы образования в целом становится одним из центральных в предвыборных

манифестах различного рода рабочих организаций и резолюциях конференций тред-юнионов и съездов лейбористской партии.

Ухудшение положения учителей и в целом системы образования вынудило поставить эту проблему в центр обсуждения тред-юнионистских конференций учителей. Вопрос ставится так: демократизация системы народного образования и повышение школьного возраста до 15 лет⁶.

Под влиянием растущих выступлений палата общин должна была рассмотреть проект закона о повышении школьного возраста с 14 до 15 лет на очередной сессии парламента в 1933-1934 гг. Билль был внесен на рассмотрение депутатами-лейбористами. При обсуждении законопроекта дискуссия разгорелась по двум основным вопросам: положение учителей и угрожающий рост детской безработицы. Политика Министерства просвещения прежде всего подверглась резкой критике со стороны оппозиции - лейбористской фракции, члены которой обратили внимание на необходимость повышения школьного возраста до 15 лет, как "эффективного средства для снижения не только общего числа безработной молодежи, но и количества безработных учителей"⁷.

Резкая критика по поводу правительственных мер в области образования исходила и со стороны консерваторов. Оправдывая в целом политику экономии, они тем не менее критиковали циркуляры N 1427 и 1428⁸. Депутаты-консерваторы указывали, что сокращение расходов на просвещение вызывает недовольство в общественных кругах.

Но, несмотря на критику как справа, так и слева, парламент одобрил законопроект об улучшении системы народного образования, так как принятие подобного закона привело бы к увеличению расходов на просвещение (по подсчетам экономистов, к 1936 г. сумма этих расходов должна была бы увеличиться на 3 млн ф.с. т.)⁹, что в условиях всеобщей "экономии", с точки зрения правящих кругов, было немыслимо.

В середине 30-х гг. страницы прессы вновь запестрели требованиями пересмотра системы народного образования, в парламент посыпались запросы и предложения о повышении обязательного школьного возраста до 15 лет. И вновь, как и в 1933 г., на рассмотрение парламента был вынесен билль о просвещении. Обсуждение законопроекта вылилось в массовую дискуссию не только в рамках парламента, но и на страницах печати, тред-юнионистских и лейбористских конференциях и других рабочих и демократических организаций.

Билль о просвещении был представлен на рассмотрение палаты общин первый раз 10 декабря 1935 г. В нем говорилось о повышении школьного возраста, о материальном обеспечении местными органами просвещения тех школ, которые не получали от них помощи¹⁰. Сразу же после чтения билля началась дискуссия. Так же, как и в прежние годы, критика шла в основном со стороны лейбористской оппозиции.

Министр просвещения О.Стенли внес дополнение к биллю, конкретизируя пункт об обязательном повышении школьного возраста до 15 лет¹¹. Тем самым он подчеркнул, что правительство идет навстречу

требованиям общественности. Однако, добавил он, поскольку повышение школьного возраста требует дополнительных государственных расходов, дополнительных кадров учителей, правительство планирует введение в действие этого закона только с октября 1939 г.²

После трехкратного обсуждения законопроект о просвещении с учетом поправок и дополнений был принят палатой общин 31 июля 1936 г. и стал законом. "Закон об образовании" или "Акт об образовании" предусматривал установление предельного возраста пребывания в школе в 15 лет, причем он вступал в силу лишь 1 октября 1939 г. При третьем голосовании за билль высказалось 256 депутатов, против - 128³.

При утверждении Акта об образовании в 1936 г. предусматривалось его вступление в силу в октябре 1939 г., поэтому парламентская сессия 1939 г. вновь вынуждена была обратиться к этому вопросу. Вопрос рассматривался в одной плоскости - дополнительные ассигнования⁴. Но Англия уже вступила во вторую мировую войну, а в этих условиях не могло быть и речи об увеличении государственных расходов на образование.

Акт 1936 г. так и не был приведен в действие в 1939 г. Только в 1944 г., когда вновь обострилась борьба за демократизацию системы образования, правительство вынуждено было пойти на уступки и принять новый Акт об образовании, который предусматривал завершение реформы системы образования, начатой в предвоенные годы. На этот раз реформа предполагала увеличение возраста обязательного обучения до 15 лет, а в перспективе - до 16 лет, введение всеобщего бесплатного среднего образования, "обеспечение равенства образовательных возможностей для всех классов и социальных слоев общества", причем при переходе детей из начальной школы в среднюю предполагалось проведение тестирования (так называемый "тест интеллекта")⁵.

Но и этот закон еще не завершил реформы системы образования. В 1947 г. парламент принимает новый акт, установивший возраст обязательного обучения в средней школе 19 лет⁶. Так была завершена реформа системы народного образования, установившая на долгие годы относительную стабильность в начальном и среднем образовании Великобритании.

¹ Parliamentary Debates. 1930. V.272. P.990.

² Ibid. 1933. V.277. P.1028.

³ Educational Worker. 1934. September. P.7.

⁴ Ibidem.

⁵ Educational Worker. 1934. November. P.4.

⁶ Parliamentary Debates. 1935. V.278. P.2272.

⁷ Ibidem.

⁸ Daily Worker. 1933. December 2. P.7.

⁹ Parliamentary Debates. 1937. V.307. P.1958.

¹⁰ Ibidem. V.308. P.1168.

¹¹ Ibid. P.1169.

¹² Ibid. P.1262.

¹³ Ibidem. V.311. P.1163.

¹⁴ H.L. The War and Society Views. British society in Second World War. Manchester. 1986. P.112.

¹⁵ Ibid. P.116.

¹⁶ Ibidem.

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ РЕФОРМАТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШВЕДСКИХ ЛИБЕРАЛОВ

"Государство всеобщего благосостояния равномерно перераспределяет средства как для каждого конкретного лица на протяжении всей его жизни, так и между богатыми и бедными". Это определение содержится в только что изданной в Швеции "Национальной энциклопедии"¹. Исследователи много раз давали определение шведской политике "всеобщего благосостояния" и пытались выявить ее отличительные черты. Одним из основных методологических подходов к изучению моделей "государств всеобщего благосостояния" является определение характера проводимой ими социальной политики. Существует два основных ее типа: 1) всеобщая социальная политика и 2) селективная социальная политика. Шведскую (и, шире, скандинавскую) модель "государства всеобщего благосостояния" отличает ее всеобщий характер. На практике это означает, что социальные и экономические блага распределяются на все население и по одинаковым для всех граждан правилам².

Основы "государства всеобщего благосостояния" закладывались в 30-е гг. XX в. В риксдаге разрабатывались законопроекты, направленные на решение социально-экономических проблем, возникших в результате мирового экономического кризиса. Социал-демократы призывали в своих программных документах построить "дом для народа". Их программа предусматривала увеличение налогов на лиц с высокими доходами, введение пенсий по труду и другие меры социальной защиты.

В 1930-е гг. наступил новый этап в идеологии и политике шведских либералов. Приспособить идеологию либерализма к новым условиям выпало на долю либерального идеолога и политика Бертиля Улина. Он выступил за более гибкую социально-экономическую политику государства, которая должна была содействовать экономическому развитию общества, росту национального дохода и уровня жизни. Б.Улин предложил ряд мероприятий по государственному регулированию экономики, призванных устранить конъюнктурные спады и связанную с ними безработицу. Все это означало, что интересы либералов переместились из сферы чистой политики в социально-экономическую сферу. Социал-либеральные взгляды Б.Улина нашли отражение в программе Народной партии, принятой 11 июня 1944 г.³ Первые десятилетия после окончания второй мировой войны оказались периодом процветания для социал-либерализма.

Возникнув как реакция на отрицательные стороны развития индустриального общества и как противовес идеям радикального индивидуализма, сторонниками которого являлись либералы

экономического толка, социал-либерализм провозгласил, что государство несет ответственность за то, чтобы все граждане имели равные возможности.

В связи с этим социал-либералы одобряли осторожное вмешательство в социальную и экономическую жизнь. В послевоенный период социал-либеральные идеологи акцентировали внимание на двух главных постулатах: первый - с помощью кейнсианских рецептов пытаться управлять экономикой и противодействовать безработице; второй - построить государство всеобщего благоденствия для всех граждан.

Первые признаки увеличения влияния Народной партии проявились в результатах коммунальных выборов 1946 г. После первых побед Народная партия, успешно вытесняя Правую в качестве крупнейшей несоциалистической партии, возглавила оппозицию и готовилась к решительному сражению на выборах 1948 г. за большинство во второй палате риксдага. Доминирующей фигурой избирательной кампании со стороны оппозиции стал лидер либералов Б.Улин. Социал-либеральная программа реформ в основном совпадала с социал-демократической. Однако в вопросе о том, как эта политика будет финансироваться, партии расходились⁴. В связи с этим социал-демократические правительственные мероприятия подвергались ожесточенным нападкам. Правительство обвинялось в неспособности осуществлять экономическое планирование и контроль за внешней торговлей. Либералы стремились доказать, что усиление государственного регулирования есть ни что иное, как социализация страны. Отстаивая право предпринимателя на экономическую свободу, либералы выступали против широкого государственного вмешательства в хозяйственную жизнь.

Ожесточенная избирательная кампания завершилась в сентябре 1948 г. выборами во вторую палату риксдага. Надежды Народной партии стать крупнейшей во второй палате не оправдались, но, несмотря на это, либералы имели большой успех и стали крупнейшей партией оппозиции, оттеснив Правую партию, потерпевшую поражение. Либералам удалось более чем удвоить свое представительство в риксдаге.

В 1952 и 1956 гг. в Швеции прошли очередные выборы во вторую палату риксдага, в результате которых парламентская база правящей коалиции, образованной СДПШ и аграриями в сентябре 1951 г., сузилась. Ухудшение парламентских позиций "красно-зеленой" коалиции стало особенно очевидным после выборов 1956 г. Впервые за много лет три несоциалистические партии, во главе с крупнейшей - Народной, приобрели во второй палате больше мест, чем партии рабочего класса.

После выборов 1956 г. социал-демократы подняли вопрос о введении всеобщей обязательной пенсии по труду, который стал главным во внутривнутриполитической жизни страны. СДПШ, обеспокоенная падением своей популярности у шведских избирателей, предприняла этот шаг для изменения настроений в стране в свою пользу. Несocialистические партии, и прежде всего либералы, также понимали, что подобная социальная реформа

необходима для дальнейшей трансформации шведского общества в направлении к "государству всеобщего благосостояния".

Пенсионный вопрос, как и вопросы социальной политики вообще, уже давно обсуждались в Народной партии. В ответ на предложения социал-демократов либералы, однако, предлагали повышение пенсий лишь по мере роста "общественных ресурсов" и создании системы добровольного пенсионного страхования, регулируемой договорами между работодателями и профсоюзами. Народная партия, таким образом, довольно сдержанно отнеслась к социал-демократическому проекту пенсионной реформы, несмотря на провозглашаемое ею принципиально положительное отношение к социальному реформаторству.

В начале 1957 г. риксдаг принял решение о проведении всеобщего референдума по пенсионному вопросу. Основная политическая борьба развернулась между двумя альтернативами (из трех выдвинутых) - "линиями", вынесенными на всенародное голосование. Социал-демократическая "линия-1" требовала всеобщего и обязательного пенсионного обеспечения в зависимости от зарплаты. Народная и Правая партии выдвинули совместную "линию-3". Согласно этому варианту рабочие и служащие, занятые на частных предприятиях, могли добровольно, посредством переговоров с соответствующими организациями предпринимателей, договариваться о размерах пенсии и других пенсионных льготах. Предложение либералов и правых подразумевало проведение длительных переговоров и никак не гарантировало размера пенсии, оставляя решающее слово в этом вопросе за предпринимателями.

Большинство участников референдума, состоявшегося 13 октября 1957 г., одобрили социал-демократический проект.

В апреле 1958 г. пенсионный законопроект, поставленный социал-демократическим правительством на голосование в риксдаге, был отклонен буржуазным большинством второй палаты. Тогда правительство решилось на роспуск этой палаты и назначило внеочередные выборы.

Народная партия, несколько изменившая свои позиции после референдума, выступала перед избирателями с проектом так называемого "диспозитивного законодательства", которое предусматривало введение закона о трудовых пенсиях, причем отдельные граждане или группы по желанию могли не присоединяться к пенсионной системе, закрепленной законом. Компромиссные предложения либералов, стремившихся примирить интересы предпринимателей с требованиями рабочих и служащих, не вызывали доверия у избирателей. Буржуазные круги предпочли поддерживать более четкие позиции правых и центристов, а избиратели отдали голоса СДПШ. Попытка, предпринятая либералами в ходе борьбы по пенсионному вопросу, соединить свое положительное отношение к служебным пенсиям с явным стремлением лишить социал-демократов власти, привела к существенной потере популярности у избирателей. В итоге на внеочередных выборах 1958 г. Народная партия, своими колебаниями скомпрометированная в глазах избирателей, потерпела сокрушительное

поражение. Успех социалистических партий на выборах не разрешил пенсионного вопроса, так как в риксдаге сложилось равновесие голосов между противостоящими силами: социалистическими и несоциалистическими партиями⁵.

Пенсионное законодательство было одобрено второй палатой только в мае 1959 г. с перевесом всего в 1 голос.

Следует отметить, что хотя после катастрофы 1958 г. либералам уже больше не удавалось добиться того положения, каким они обладали в изучаемый период, тем не менее они и в последующем остаются влиятельной силой в политической жизни Швеции и участвуют в формировании внутри- и внешнеполитического курсов страны, искусно маневрируя среди актеров политической сцены.

С нашей точки зрения, общим для представителей либеральных политических организаций второй половины XX в. является понимание того, что рыночная экономика и демократия находятся в прямой зависимости друг от друга. Важной составной частью либерального мировоззрения стало положение о том, что не существует окончательных решений. Либералы восприимчивы к новому и готовы пересматривать устоявшиеся взгляды. Можно сказать, что либералы придерживаются релятивистского мировоззрения. Картина мира постоянно меняется и идеология либерализма всегда готова применить новые методы и решения возникающих проблем. Политика и идеология шведских либералов на протяжении XX в. хорошо иллюстрирует это положение.

---

¹ Nationalencyklopedin. 1996. Bd.XX. S. 106.

² Более подробно см.: Bo Rothstein. Vad blir staten göra? Om välfärdsstatens moraliska och politiska logik. Stockholm, 1994.

³ Более подробно в статье: Комаров А.А. Бертиль Улин и программа Народной партии Швеции 1944 года// Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1980. С. 84-95.

⁴ Йорген Вейбулл. Краткая история Швеции. Стокгольм, 1994. С. 131.

⁵ Liberal ideologi och politik 1934-1984. Falköping, 1984. S. 211 ff.

ЦЕРКОВНАЯ РЕФОРМА: К ПРОБЛЕМЕ ЖЕНСКОГО РАВНОПРАВИЯ В ЦЕРКВИ АНГЛИИ

Реформа играла большую роль в истории государственных протестантских церквей. Одним из ее результатов являлось постепенное разрушение барьера, отделявшего церковную жизнь от светской. Иллюстрацией этого могут служить реформы, имевшие место в государственной англиканской церкви (ее официальное название - Церковь Англии) после первой мировой войны и непосредственно в 90-х гг., которые повлекли за собой радикальные изменения статуса женщины в органах церковного управления и в иерархии церковнослужителей.

В целом же церковная деятельность как часть духовной и одновременно общественной деятельности человека остается во многих странах одной из самых недоступных сфер для проявления женской инициативы. Между тем большую часть прихожан всех христианских храмов составляют женщины. Они же несут на себе и бремя приходских обязанностей, обеспечивая своей церкви немалую долю доходов.

История сложилась таким образом, что все протестантские церкви с их более свободным отношением к христианским догматам, либеральными формами религиозной жизни и отсутствием непреодолимой грани между духовенством и мирянами оказались более подготовленными к восприятию новшеств, происходящих в светской сфере.

Традиция равноправия женщин начала утверждаться в протестантских конфессиях Соединенного Королевства еще в XVII в. с британских квакеров, а в последней четверти XIX в. получила свое развитие в христианской филантропической организации - Армии спасения¹.

В общеconfессиональном плане практические шаги в признании права женщины на пасторскую деятельность в конце XIX в. были сделаны в британских зарубежных миссиях. К этому побуждали чрезвычайно сложные условия, в которых приходилось действовать миссионерам, и установившаяся самостоятельность института миссионерства.

Что же касается государственной англиканской церкви, то здесь развитие движения за равноправие женщин, получившее название церковного феминизма, шло параллельно с развитием такого же явления в светской жизни. А для признания новшеств в обеих областях общественной деятельности требовался официальный юридический акт - реформа, осуществленная государством или высшим церковным органом, находящимся под контролем государства.

Церковный феминизм питался за счет двух источников: благодаря усилению тенденций к равноправию среди женщин-мирян и путем неофициального проникновения женщин в церковные структуры низшего звена.

© Г.С.Остапенко, 1997.

С начала XX в. его приоритетной задачей стало обеспечение равенства женщин в праве избирать и быть избранными во все органы церковного управления начиная с приходских советов и кончая такими авторитетными учреждениями церковной власти, как Кентерберийская и Йорская конвокации. При этом события развивались на фоне борьбы церкви за самоуправление.

В это же время в центр политической жизни Англии выдвинулось суфражистское движение, отстаивающее равные с мужчинами избирательные права в парламент. Наиболее влиятельная суфражистская организация “Социальный и политический союз Женщин”, включавшая немало представительниц церковного феминизма, одобрила тактику насильственной борьбы с правительством.

В 1909 г. священник Клод Хинскифф при поддержке женщин-членов англиканского вероисповедания основал “Церковную лигу за избирательные права женщин”. В отличие от суфражистского союза она предпочла путь ненасильственных действий. В апреле 1914 г. Лига насчитывала более 5 тыс. членов. Свою главную цель основатели Лиги видели в решении двух задач: обеспечении равноправия женщин при выборах в парламент и в члены церковных советов, т.е. общеполитической и церковной. Лига имела собственное печатное издание, организовывала конференции и пользовалась поддержкой среди влиятельных деятелей либеральной партии.

Движение за равноправие женщин в церковной жизни имело и своих противников, притом не только в лице высшего англиканского духовенства и правительства, решавшего все основные вопросы государственной церкви. Немалое число консервативно настроенных прихожан и церковнослужителей, ассоциированных в “Английский церковный союз”, направляли петиции в адрес Архиепископа с требованием не отступать от вековых традиций англиканства².

Вместе с тем с начала XX в. в ряде приходов женщины-миряне уже получили места в приходских советах и имели возможность выступать с докладами на церковных конференциях. Такое положение сложилось, в частности, в Кентерберийской епархии. В годы первой мировой войны в связи с уходом на фронт мужского населения такие случаи стали более частыми.

Складывалось положение, при котором развитие демократических процессов снизу в одних приходах англиканской церкви и следование прежним установкам в других грозило ломкой традиционных церковных структур и хаосом всей сферы духовной жизни.

Среди высших сановников Церкви в 1917 г. произошел раскол. Часть из них, руководимая будущим архиепископом Уильямом Темплом, основала движение под названием “Жизнь и свобода”. В него вошли видные представительницы церковного феминизма Луиза Крейтон и Мод Ройден. Почти одновременно был создан полуофициальный орган “Центральный комитет по женской церковной работе” под председательством жены архиепископа Дэвидсона и с Луизой Крейтон в качестве вице-председателя. Обе организации обращались к официальному государственному органу -

Совету церковных представителей, рассматривавшему вопрос о равноправии женщин, с предложениями обеспечить женщинам право быть избранными в церковные советы всех уровней.

В январе 1918 г. большая часть членов "Церковной лиги за избирательные права женщин" образовали новую организацию - "Лигу церковной войны". Был проведен ряд акций, продемонстрировавший сопротивление старой традиции.

И все же решающим моментом, определившим поворот в церковной политике, явился парламентский акт 1918 г., предоставивший женщинам право избирать и быть избранными в парламент.

26 февраля 1919 г. Совет церковных представителей вынужден был принять решение о равноправии женщин в церковном управлении. В том же году по решению парламента Церковь Англии получила самоуправление в форме Национальной Ассамблеи, состоящей из трех палат: палаты епископов, палаты духовенства и палаты мирян. В последнюю были допущены женщины. Новый верховный орган Церкви собрался летом 1920 г. Палата мирян состояла из 357 представителей, в том числе 85 женщин.

Таким образом, одна из задач, которую ставило церковное феминистское движение, была решена в значительной мере благодаря демократическому движению снизу, но утверждена государственным актом. В дальнейшем в рамках предоставленного самоуправления Церковь Англии получила право самостоятельно решать вопросы внутреннего устройства, но контроль со стороны законодательной и исполнительной властей Соединенного Королевства сохранился.

В том же 1920 г. по инициативе "Лиги церковной войны" началась кампания за равноправие женщин при посвящении в духовный сан. При этом большую роль в этом процессе сыграл полуофициальный институт диаконис, складывавшийся с 60-х гг. XIX в. и подготовивший кадры для женщин-церковнослужителей.

С 20-х гг. ряд представительниц церковного феминизма без санкции церковных властей проводили проповеди в англиканских храмах, выполняя по существу функции пасторов³.

Демократизация и феминизация Церкви Англии снизу продолжалась в военные и послевоенные годы, достигнув своей кульминации в 80-90-е гг. Большую популярность в это время получило "Движение за священство женщин", насчитывающее более 6 тыс. членов. Несколько большее число сторонников, около 7 тыс., охватывало "Движение против священства женщин". Духовенство, протестующее против феминизации церкви, создало организацию "Укрепимся в вере", объединяющую англокатолические общества по всей стране и представлявшую так называемое "высокоцерковное" течение англиканства.

В ноябре 1992 г. Генеральный Синод, сменивший в 1970 г. Национальную Ассамблею, учитывая демократические процессы, происходящие в структурах Церкви и тот факт, что двумя десятилетиями раньше вторая по числу верующих Церковь Шотландии допустила женщин к исполнению обязанностей пасторов, большинством всего в два голоса принял

решение в пользу рукоположения женщин. Уже в следующем году в епархиях Англии и Уэльса более тысячи женщин готовились к посвящению в сан священника. Все они в течение многих лет являлись диаконами или членами зарубежных миссий.

Вместе с тем расклад голосов в Генеральном Синоде не был случайным. Обострение противоречий среди духовенства обнаружилось почти сразу. С жестким протестом от имени ряда епископов выступили епископ Лондона Дэвид Хооп, а также организация "Укрепимся в вере". Для духовенства и прихожан, придерживавшихся традиционных взглядов, англикатолики потребовали свободы проведения отдельных богослужений⁴.

В 1994 г. Генеральный Синод принял закон, по которому Церковь Англии обязалась выплачивать в течение трех лет две трети минимальной зарплаты священникам-мужчинам, вышедшим из состава церкви в знак протеста против рукоположения женщин. Тем же священнослужителям, которые достигли 50-летнего возраста, назначалась досрочная пенсия (установленный срок выхода священников на пенсию - 70 лет). Число священников, покинувших Церковь Англии и присоединившихся к католицизму, к этому времени достигло 200.

Новый акт Синода можно рассматривать не только в качестве шага навстречу иерархам, протестующим против рукоположения женщин, но и как попытку обновления состава церковнослужителей за счет нового поколения, проявлявшего терпимость к церковным реформам.

В 1995 г. в англиканской церкви насчитывалось 1 387 женщин, посвященных в сан, но 500 из них не имели работы. Причина, по мнению многих экспертов, заключается в достаточно сильном сопротивлении женскому священству.

В англиканских колледжах к концу того же года женщины-учащиеся⁵ составляли 30 %.

Таким образом, радикальная церковная реформа и на этот раз была проведена под давлением демократического движения снизу. Среди факторов, ускоривших ее осуществление, можно назвать следующие: религиозная жизнь Великобритании не была изолирована от светской; отсутствие жесткой централизации в церковном управлении способствовало развитию демократических процессов снизу; под влиянием либеральных идей оказались и часть епископов Церкви Англии.

Заслуживает внимания и еще один момент. Ко времени принятия акта о рукоположении женщин в Церкви Англии в ряде церквей Англиканского содружества, объединявшего англиканские церкви всего мира, этот вопрос уже был решен. Так, в Новой Зеландии уже имела женщина-епископ Пенелопа Джеймисон, а в США такой же пост занимала Барбара Харрис.

¹ См. например: Hastings A. A History of English Christianity. 1920-1985. L., 1986. P. 43.

² Heeney B. The Women's Movement in the Church of England 1850-1930. Oxford/New York, 1988. P. 105; Guardian. 1912. 23 Aug.

³ English Churchman. 1928. 9 Aug.

⁴ Church Times. 1993. 22 Jan.

⁵ Данные взяты из шведской газеты: Svenska dagbladet. 25.08.94; 27.08.94; 4.09.94.

РЕФОРМЫ СЕРЕДИНЫ 40-Х - СЕРЕДИНЫ 90-Х ГГ. В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

За прошедшие полвека со времени окончания второй мировой войны в социокультурном пространстве Западной Европы прошли многочисленные преобразования во всех основных сферах жизни общества. При всем разнообразии и различии в сроках и темпах в тех или иных странах эти реформы образуют довольно четкую логическую и хронологическую структуру, в которой выделяются три этапа, или три волны.

Первая волна середины 40-х - середины 50-х гг. оказалась весьма значительной. Ее истоками стали такие мощные факторы, как Великая депрессия и застой 30-х гг., фашизм, принявший в ряде стран самые крайние формы, наконец, вторая мировая война.

Коренные структурные реформы прошли в экономике: ликвидация или раздробление "старых" монополий в таких странах, как Германия, Италия, Австрия, Франция; национализация крупных предприятий и целых отраслей, составлявших инфраструктуру экономики, и введение значительных элементов планирования. В 1948 г. создается Организация Европейского экономического сотрудничества - механизм координации и оптимизации восстановления народного хозяйства 17 стран с использованием помощи по "плану Маршалла". Составной частью этих реформ стало создание Европейских сообществ, заложивших основу подлинной интеграции на континенте.

Весьма значительными оказались социальные перемены. Сложилась "система участия", или система "двойного контроля", в которой предприниматели и трудящиеся договаривались о равновесном участии в управлении производством. Была создана обширная структура социальной защиты: пособия, пенсии, страхование здоровья. Возникла система государственно-корпоративного регулирования зарплаты наемных работников: национальный минимум, тарифные соглашения по отраслям и предприятиям. реформа образования серьезно обновила структуру, содержание и формы обучения.

Политическая сфера также претерпела крупные перемены. Рухнули многие авторитарные и тоталитарные режимы, сложилась широкая представительная демократия в Австрии, Италии, Франции, ФРГ. Прошла демократизация партийно-политических систем в других странах Западной Европы.

Все эти реформы имели важный результат: сложилось достаточно устойчивое равновесие трех основных сфер жизни европейского общества. Смешанная экономика, социально ответственное государство и широкая политическая демократия обрели серьезную опору друг в друге.

Важным условием и особенностью успешного проведения реформ первой волны стал сравнительно высокий уровень политического согласия

своего рода национальный консенсус почти во всех странах Западной Европы. Только в Великобритании и Франции в силу определенных причин перемены оказались дестабилизирующими, и лишь своеобразные "контрреформы" середины - конца 50-х гг. установили социально-политическое равновесие.

Вторая волна реформ середины 60-х - середины 70-х гг. в целом продолжила и углубила наметившиеся тенденции первой волны. В экономической и социальной сферах усилился этатизм, особенно в планировании и регулировании трудовых отношений, в налогообложении. Получили дальнейшее развитие евроинтеграционные процессы. В рамках общей тенденции укрепления демократии заметно расширилось местное самоуправление, усилился этнополитический регионализм. В большинстве стран сохранялся сравнительно высокий уровень национального согласия, но и оппозиция консервативных сил в ряде стран заметно возросла.

Хотя европейский постиндустриализм, сложившийся в результате двух этапов реформаторства, разрешил или смягчил некоторые кризисные тенденции западной цивилизации, неизбежным следствием этих преобразований, особенно второй волны, стало обострение противоречий в системе личность - социoproфессиональная группа - гражданское общество - государство. Стагнация в экономических процессах в 70-е гг. также стала тревожным фактором.

Ответом на эту ситуацию стала третья волна реформ начала 80-х - середины 90-х гг. Ее основные направления: значительное сокращение вмешательства в дела индивидуального и корпоративного бизнеса, или дерегулирование; приватизация национальной собственности в ряде стран и усиление поддержки государством мелкого и среднего бизнеса; серьезная перестройка социально ответственного государства, а именно переход от экстенсивного типа социальной защиты, порождавшей иждивенчество и даже паразитизм, к интенсивному типу, стимулирующему активность личности в поисках более разнообразных способов ее самореализации.

Произошли важные перемены в "системе участия": жизнь потребовала снижения роли массовых организаций грядущих в управлении производством. Вместо жесткого "треугольника" бизнес-власть-профсоюзы сложилась более гибкая двухуровневая система, в которой сохранившийся более гибкий треугольник активнее дополняется вновь окрепшими парами отношений бизнес-власть, власть-профсоюзы, бизнес-профсоюзы.

В политико-административной области перемены также оказались значительными, хотя и не столь однозначными. Весьма расширился и углубился процесс интеграции. К началу 1995 г. "Европа пятнадцати" близко подошла к конфедеративному типу государственного образования. В то же время еще более мощный импульс получил этнополитический регионализм, ставший важным фактором своеобразного равновесия между евроинтеграцией и традиционной национальной государственностью, особенно в Бельгии, Великобритании, Испании, Италии.

Условием и особенностью проведения третьей волны реформ стала серьезная партийно-политическая перегруппировка в большинстве стран региона, в которой порвавшие с левыми силами либералы вошли в блок с

консерваторами и правоцентристская коалиция провела указанные преобразования вопреки значительной оппозиции левых сил.

Общий смысл реформ этой волны, как и первой, - восстановление и поддержание динамического равновесия между экономикой, социальным государством и политической демократией на новом организационно-техническом, социопсихологическом и политико-административном уровне, при гораздо возросшей роли личности и малых социoproфессиональных групп за счет уменьшения удельного веса массового общества и государства, прежде всего в экономической сфере.

Если попытаться в сравнительном плане определить характер преобразований трех этапов с точки зрения существа западного общества, его "затронутости", первую волну реформ следует назвать восстановительно-оздоровляющим типом преобразований, вторую - системоподдерживающим и третью - системооздоровляющим типом, по смыслу сходным с реформами первой волны.

Третья волна реформ далеко не завершена как в силу противодействия левого, социалистического сектора политической сцены, так и потому, что естественные противоречия внутри и между тремя названными уровнями европейского общежития - интеграционным, национальным и региональным - остаются постоянно действующими факторами. В ближайшие годы следует ожидать развертывания одного из двух возможных "сценариев". Третья волна реформ завершится формированием более прочного равновесия неоконсервативного образца либо маятник партийно-политической перегруппировки двинется влево, и тогда развернется четвертая волна европейских реформ, или контрреформ, с частичным возвращением к массовому постиндустриализму и повышением роли государства в социально-распределительной сфере.

БУДУЩЕЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: КАКОГО ТИПА СОЮЗ?

Этот текст представляет собой попытку краткого комментария к главным вопросам европейской интеграции. Угол зрения ограничен проблемами Европейского Союза.

Комментарии следует рассматривать как личные взгляды автора, поскольку в шведской политике существует множество различных точек зрения по проблемам Европейского Союза. По вопросам членства в Европейском Союзе и его политики расколоты и профсоюзы.

Введение

Деятельность Межправительственной конференции внутри Европейского Союза в качестве объекта сегодняшней дискуссии дает хорошую возможность для обмена мнениями по стратегическим, долгосрочным вопросам будущего сотрудничества в Европе, что весьма актуально в данный момент. Разве не были высказаны критические замечания относительно подготовки и формирования повестки дня конференции? Решение провести ее созрело уже давно, как подчеркивалось в договоре, и сроки ее созыва должны синхронизироваться с графиком работы экономического и валютного союза (ЕВС). Я полагаю, если повестка дня совещания открыта, то ни у кого нет оснований чувствовать себя отчужденными от общей дискуссии о будущем сотрудничестве. Правда, из-за слишком широкого подхода возрастает угроза поверхностных дискуссий и принятия распылчатых решений.

И вновь возникает опасность слабого вовлечения в обсуждение широких слоев населения, рядовых европейских граждан. Существует возможность разрыва между правительствами, с одной стороны, и европейской общественностью - с другой. В определенной мере это происходило до и после Маастрихтского процесса. Но ситуация может повториться.

Есть, по меньшей мере, семь различных тем, по которым мне хотелось бы высказаться вкратце.

1. Прежде всего несколько слов о **ВНУТРЕННЕМ РЫНКЕ (ВР)**

Его формирование - великая реформа, заслуживающая самой высокой оценки во всех отношениях. Поставленная цель почти достигнута, но не на сто процентов из-за незначительных отсрочек, отдельных исключений и некоторого количественных решений переходного характера. Но успех проекта практически гарантирован.

До настоящего времени, однако, не удалось в полной мере использовать появившиеся экономические преимущества. В Европе, по оценке "доклада Чеккини", в течение пятилетнего периода, с 1993 по 1998 гг., должен быть достигнут дополнительный прирост ВПП от 2 до 5 процентов.

По этим осторожным оценкам, которые не учитывают так называемые динамические эффекты, должна увеличиться и занятость.

К настоящему времени стало очевидно, что этот дополнительный потенциал роста производства и благосостояния нам использовать не удалось. В последние годы темпы экономического роста скорее упали, чем возросли. Однако возможности роста еще остаются. При разумном использовании ресурсов рано или поздно экономический рост и увеличение занятости станут реальностью. Вопрос заключается лишь в следующем: способны ли те, кто принимает в Европе решения, достигнуть такого баланса и таких производственных показателей, которые позволят нам эффективно использовать этот потенциал?

Среди других остается принять и претворить в жизнь некоторые принципиальные решения насчет свободы создания новых предприятий и свободы конкуренции, например, на транспорте, в сфере коммуникаций, энергетике и некоторых других.

Имеется одна сфера, которая исключена из свободного международного соревнования, - это протекционистская система в сельском хозяйстве, ОСП (Общая сельскохозяйственная политика). Вполне рациональное требование заключается в том, чтобы Европейское сообщество продвигалось вперед и в этой области и создавало все более свободный, открытый рынок для продовольственных и прочих сельскохозяйственных продуктов. До сих пор, однако, реформы ОСП были недостаточны. А это центральный вопрос для ЕВС, который намерен избавляться от заложенных в его систему заповедников протекционизма, поскольку они создают проблемы для стабилизации. Точнее, необходимо принять условия конкуренции мирового рынка, чтобы добиться сочетания полного использования ресурсов и низкой инфляции.

Подобная проблема стоит также и в отношении сталелитейной отрасли, и мы надеемся, что она будет решена, по крайней мере, после переходного периода. К этому сектору следует отнести, как и к прочим отраслям промышленности, имеющим отношение к торговому и рыночному протекционизму. Исторически ему всегда принадлежала особая роль в процессе европейской интеграции вследствие его чрезвычайной важности для производства вооружений.

2. Планы и видение **общей внешней политики и безопасности** до сих пор продвинулись не так уж далеко. Здесь особенно важны процедуры. Опыт бывшей Югославии продемонстрировал явную слабость ЕС в этом отношении. Что же касается шведов с их особой приверженностью к нейтралитету и неучастию в союзах, то они колебались, присоединяться ли полностью к другим европейцам или нет. За последнее время произошли такие грандиозные сдвиги в глобальной мощи и структуре интересов стран, что трудно определить, какие из проблем являются наиболее глубокими и первостепенными.

Важно то, что многие страны уже вовлечены в обсуждение назревших и назревающих вопросов безопасности и что у них есть для этого хорошо структурированные процедуры. Межправительственная конференция 1996 г.,

возможно, не дает больших результатов в этом направлении. Большим количеством различных вопросов наполнен портфель по внешней политике и безопасности. С одной стороны, приходится иметь дело одновременно со многими острыми кризисами. С другой стороны, распознавание и определение грядущих угроз европейской безопасности и соответственно планирование на случай чрезвычайного положения не достигает такой же степени настоятельности, как некоторые другие проблемы.

3. Относительно **ЕВС** также имеется несколько критических вопросов, которые следует поднять. В нашем контексте будут упомянуты наиболее важные из них:

а) ЕВС - не достаточно хорошо сбалансированная конструкция, так как он тесно привязан к Валютному союзу и ему не хватает системы экономических трансферов между государствами-членами в качестве ответа на асимметричные внешние потрясения и негативные эффекты жесткой общей валютной политики.

б) Упор на стабильность цен как макроэкономическую цель, формально в контексте Валютного союза, не является достаточным доводом в пользу экономического роста и высокой нормы использования ресурсов. Система многостороннего надзора и специальные ссылки на бюджетный дефицит и совокупный государственный долг среди главных условий конвергенции косвенно сковывают **фискальную** политику государств в том, что касается инициатив и стимулов, хотя по идее она должна быть не более чем сигнальной системой относительно стабильности валюты. Таким образом, Договор не трактует сколько-нибудь убедительно столь важный вопрос, как баланс между ростом производства и стабильностью цен.

в) Формальная независимость Центрального банка (ЕЦБС) является потенциальной угрозой для бесперебойного сотрудничества между теми, кто принимает главные макроэкономические решения. Прагматическое сотрудничество, однако, не исключено. Спектр наших ожиданий достаточно широк: от беспроblemной координации до враждебных конфликтов. Худшим вариантом является так называемая стабилизирующая рецессия, сознательно организуемая Центральным банком, чтобы противодействовать тому, что он расценивает как назревающую угрозу инфляции.

Мы предполагаем, что в результате Межправительственной конференции в Договор **не будут внесены поправки** относительно ЕВС. В этом случае еще более необходимо принятие некоторых принципиальных идей об оптимальной многоцелевой макрополитике и развитие диалога между сторонниками монетаристских и фискальных решений, чтобы способствовать консенсусному сценарию.

4. По вопросу о **расширении Союза** я ограничусь лишь небольшим комментарием. Это положительный и важный факт, что ЕС настаивает на демократической конституции и реализации основных прав человека в связи с просьбами других стран о приеме в члены союза. Проверка выполнения этих условий - весьма деликатный процесс

Важно и то, чтобы новые члены имели открытую и "прозрачную" экономику, базирующуюся на свободной конкуренции и равных возможностях на их внутренних рынках. По вполне понятным причинам переходный период в экономике центрально- и восточно-европейских стран еще не завершен.

Как ранее говорилось и как уже осуществляется на практике, ЕС в конечном счете принял определенную асимметрию в соглашениях о торговле и сотрудничестве с этими странами в качестве переходного решения. Это мудрый подход. Открытая для сотрудничества позиция, а затем и возможное членство, крайне важны, поскольку эти страны нуждаются в новой и стабильной среде, базирующейся на политической демократии и эффективной экономике. В прошлом они намного отстали, но имеется большой потенциал для взаимовыгодной торговли между Востоком и Западом в Европе.

Определенные круги увязывают Общую аграрную политику и ее реформирование, с одной стороны, и расширение ЕС за счет включения в него центрально- и восточно-европейских стран, с другой. Подобная увязка, на мой взгляд, сомнительна. Реформирование ОАП в направлении отмены протекционистских барьеров, свободного импорта и реконструирование ЕС собственного сельскохозяйственного сектора - необходимая и важная задача сама по себе. Выигрыш для потребителей и граждан союза вообще будет аналогичен тому, какой прогнозируется в "докладе Чеккини" для внутреннего рынка. Дальнейшее расширение - это миссия политического характера, а также и экономическое устремление, чтобы раскрыть потенциал взаимовыгодной торговли, который ранее подавлялся за железным занавесом, разделявшим Европу.

5. На первый план в процессе образования ЕВС выдвинулись **аспекты сплоченности и солидарности**. Схема ЕВС, несомненно, была инспирирована прежде всего политическими принципами. Итак, очевидно, что общая экономическая и валютная политика, включая принятие общей валюты, необходимы для создания механизма принятия совместных решений и наднациональных органов власти с тем, чтобы ЕВС и общий макроэкономический курс функционировали без осложнений.

В некоторых отношениях следует отказаться от прежнего принципа независимого национального подхода к принятию решений по социальному обеспечению, региональной политике, рынку труда и трудовому законодательству. Внутри ЕВС его члены должны принять новый трансфер и не признающие границ системы компенсации, чтобы эффективно встретить асимметричные потрясения и региональную (или какую-либо другую) сегрегацию. Рыночные силы, работающие в ЕВС и на внутреннем рынке, могут справиться с такими проблемами.

Существуют ли еще теперь установки в пользу активного комплекса мер и общеевропейских солидаристских трансферов для перераспределения благосостояния? Ответ таков: **нет или еще нет**. Структурные фонды вносят в это некоторый вклад, но совершенно недостаточный.

Хартия о системе солидарности, достаточной для того, чтобы определить и преодолеть последствия поляризации и сегрегации для ЕВС и

внутреннего рынка, еще не написана и едва ли будет написана на Межправительственной конференции 1996 г. Задача трудна, ибо это может привести к дальнейшему расколу и во мнениях относительно наилучшего пути к Европейской интеграции.

6. Европейское **видение социальной структуры и распределения социальных благ** четко не определено. Метод "просачивания благосостояния сверху вниз" в систему серьезных вертикальных классовых различий отвергается многими. Альтернативой служит система базисных, обусловленных потребностями, комплексов социальной поддержки с широким охватом и без индивидуальных гестов на право ее получения. Не очень обнадеживающе наблюдать тенденции к снижению социальных пособий и сокращению их сферы как реакции на проблемы с бюджетным дефицитом в Европе последних лет. Но эти проблемы связаны еще с ответственностью на **национальном** уровне. Формирование и поощрение более позитивных установок по отношению к солидаристским схемам социального обеспечения в ЕС и среди его членов - это постепенный процесс. Он будет подкреплён ростом международных контактов, поездок, мобильности рабочей силы и разного рода экономических обменов. Но эти солидаристские установки еще не получили достаточного распространения в то время, когда ЕВС предстоит старт в следующее столетие.

7. Совершенно очевидно, что Маастрихтская ревизия Договора и дальнейшее функционирование ЕВС приведут к все большему **перемещению процесса принятия решений из национальных институтов на уровень союза**. А это в свою очередь увеличивает потребность в усилении элемента прямой демократии в процессе разработки и принятия решений в ЕС. В конечном итоге должна быть введена прямая отчетность органов ЕС перед своими гражданами. Если этого не произойдет, то останется почва для распространения скептицизма и неуверенности. Усилия, направленные на расширение федерализма и демократии, в определенном смысле могут блокировать друг друга.

СУМЕРКИ "ГОСУДАРСТВА БЛАГОДЕНСТВИЯ"

В центре предстоящих дискуссий, естественно, будут стоять пути, промежуточные итоги и общие судьбы российских реформ.

Наша общая, все еще полная драматизма, противоречивая ситуация: недостаточная выясненность и теоретическая обоснованность многих проблем и аспектов грандиозной трансформации с неизбежностью требуют сосредоточения всех интеллектуальных сил общества.

Оборотная сторона этой самососредоточенности - явное ослабление общественного интереса к проблематике "первого, цивилизованного, западного мира". Налицо до известной степени сужение диапазона исследований даже в академических институтах, призванных по определению заниматься Западом. И по научному интересу, и по гражданскому долгу их коллективы в последние годы развернулись в основном в сторону отечественной проблематики.

Нередко наш угол зрения на Запад сужается до утилитарного вопроса: а как там, у них, решают такой-то вопрос? Что, само собой разумеется, и полезно и естественно, в определенных пределах. По-видимому, мы сейчас оказались менее склонны к широким, основательным исследованиям западного мира и в методологически- концептуальном плане... Нацеленность нашего реформистского курса на рынок и демократию "их типа" волюн или неволю подталкивает (на уровне обывательского сознания и второсортной публицистики) к известной идеализации "первого мира", к вытеснению из нашего восприятия серьезных противоречий, социально болезненных и опасных конфликтов и явлений. (Что-де они по сравнению с нашими невзгодами!)

Упрощенно было бы не видеть, что крах "реального социализма" реабилитирует западный капитализм лишь относительно и до известной степени, как и не делает его исторические перспективы вполне безоблачными. Во всяком случае, "конца истории", по Фукуяме, в либерально-демократическом государстве на рыночном фундаменте определенно не ожидается.

На исходе XX в. западные государство и общество ускоренно дрейфуют к некоему критическому рубежу, за которым встает масса сложнейших вопросов: об общей направленности социального прогресса, о характере и типе социально-классового доминирования и общественного консенсуса, о роли, месте и функциональности национального государства в интеграционных образованиях и в процессе глобализации экономики, вообще - о возможностях политики перед стихией всемирных экономических связей и потоков, о месте труда в жизни социума и индивида.

Я имею в виду нарастающие симптомы кризиса "государства всеобщего благоденствия", той самой "волшебной формулы", которая

втриедино увязывала рыночную экономику, либерально-плюралистическую демократию и социальные функции государства, которая обеспечивала стабильность общества, социальную интеграцию в него лиц наемного труда через систему социальных гарантий, материальных уступок, партнерских отношений. Вызревшее в Западной Европе в 50-70-е гг. "Государство благоденствия" представляло собой интегральную формулу социального прогресса, в соответствии с которой перераспределение общественного продукта релятивировало логику капиталистического накопления, ограниченность либеральной демократии и узость частного патернализма. Этому вектору прогресса вынуждены были в той или иной форме, в том или ином масштабе следовать все правительства и партии Запада, но основными его протагонистами были, естественно и прежде всего, социал-демократические, лейбористские партии и профсоюзы. Социальная и политическая реальность, внутренняя и внешняя ситуация послевоенных десятилетий настойчиво подталкивали к этому, а быстрый рост общественного продукта и массы прибыли делали этот проект осуществимым. Только в 70-е гг. в странах ЕЭС доля социальных расходов в ВВП выросла на треть¹ - с 17,3 до 24,2 %.

И вот на исходе столетия судьба социального государства поставлена под вопрос, причем там, где оно достигло наиболее зрелых форм - в Швеции, Дании, Федеративной Республике Германии.

Собственно, уже неоконсервативная волна рубежа 70-80-х гг., "рейганомика" и "тэтчеризм" сигнализировали о том, что социальное государство, по крайней мере в отдельных странах, наталкивается на определенные пределы, что связанные с ним социальные расходы, "негибкость" трудовых отношений сковывают экономическую динамику, структурную перестройку, освоение нового витка технологической революции и, в конечном счете, негативно сказываются на общей конкурентоспособности данной страны. Общеизвестно, что американско-английская инициатива по социальному демонтажу получила тогда широкий резонанс в деловых правительственных кругах многих стран, представители различных идейно-политических ориентаций (вплоть до отдельных социал-демократических лидеров) отдали в разной степени дань неоконсервативным идеям и лозунгам. Но в 80-е гг. практически осуществить поворот к так называемой "экономике предложений", освобожденной от "социального балласта", удалось в сущности только в Великобритании и США. В континентальной Европе и Скандинавии, где механизмы социальной защиты гораздо более надежно ограждены от покушений конституционно-правовыми нормами, традициями, авторитетом социал-демократических партий и профсоюзов, "социальный демонтаж большого стиля" не состоялся.

В ФРГ, где возвращение ХДС во главе с Г. Колем в 1982 г. к власти идеологически-пропагандистски широкообъявлено было объявлено "поворотом", дело, однако, ограничилось "полуповоротом". Да, за полтора десятилетия это правительство немало позаботилось о перераспределении материального богатства "снизу вверх"², в результате чего зона бедности и необеспеченности расширилась, а разрыв между "верхами" и "низами" углубился, были повышены ставки страховых взносов, подрезаны некоторые

льготы и выплаты. Но "социальный демонтаж" все же не состоялся, более того, не только абсолютные суммы, но и доля ВВП, идущая на поддержание "социального государства", даже несколько возросла. Именно правительство Г.Коля пошло в 1993 г. на введение нового вида обязательного социального страхования - по патронажному медицинскому уходу на дому за одинокими престарелыми хроническими больными. По некоторым оценкам в настоящее время около 1/3 экономического потенциала страны работает на поддержание "государства благоденствия".

В целом же в пределах "интегрированной" Европы неоконсервативное наступление 80-х гг. материализовалось только в блокировании, недопущении дальнейшего роста доли социальных расходов в ВВП. (По данным Ж.Делькура, на уровне 25%, увеличившись в то же время по покупательной способности на 29%³).

По-видимому, рецессия конца 80-х - середины 90-х гг. должна рассматриваться как новый - гораздо более масштабный и критический - рубеж, с которого судьбы западноевропейского "государства благоденствия" ставятся под вопрос принципиально и уже не в качестве отдельных страновых казусов. К обретшим новую мощь и зрелость прежним факторам добавились и некоторые новые. В ряду последних существенное место принадлежит краху реального социализма, исчезновению межсистемной конкуренции. Косвенно это негативно затронуло и социал-реформистское движение в целом, нанеся удар по социалистическим и социальным компонентам всего левого сознания, по демократическим ценностям солидаристской окраски и вообще по сложившимся критериям общественного прогресса. В подобной исторической ситуации все сильнее становится соблазн рассматривать социальные амортизаторы рыночной экономики прежде всего под углом зрения стоимостных категорий как фактор, снижающий эффективность и конкурентоспособность экономики.

Но главные аргументы в пользу решительного и безотлагательного демонтажа "социального" государства произрастают из нового качества всемирных экономических связей, так называемой глобализации экономики, и из нового качества острейшей международной конкурентной борьбы.

На современном этапе "глобализации" национально-территориальные экономические организмы невосполнимо утрачивают способность к макроэкономической управляемости в пользу международных финансовых рынков и их структур. Их же решения по инвестиционным потокам диктуются исключительно мотивами прибыли и конкуренции. Фактор расходов на рабочую силу (в том числе, и особенно, отчислений в фонд страхования) становится все более весомым при принятии решений по инвестициям, равно как - и стремление действовать на наименее защищенном, не "зарегулированном" рынке труда. Поскольку же в природе стихийной "глобализации" лежит тенденция к выравниванию по нижнему уровню ("социальный демпинг"), то у национальных правительств, партий и профсоюзов все меньше рычагов и возможностей для защиты "государства благоденствия". И это в условиях в целом вялого экономического роста Запада последних лет, то и дело прерываемого прямыми спадами. Массовая

(в ЕС - 18 млн) застойная безработица и является опаснейшей миной под фундаментом "государства благоденствия".

Мне ближе германский сюжет. В известном смысле он и особенно показателен. Речь идет не о "больном человеке" Европы 70-х гг., Великобритании, не о США с их, по европейским меркам, слабой кодифицированностью системы социальных гарантий и со среднегодовыми темпами роста, которые уже на протяжении четверти века ниже, чем в любой, сопоставимый по протяженности исторический период⁴. ФРГ - "экономический гигант", лидер европейской интеграции Европы, страна с высокой степенью правовой защищенности и социальных выплат и услуг, колдоговорного процесса и вообще "социального партнерства".

Так вот число безработных в Западной Германии с 1980 г. утроилось, достигнув весной 1996 г. 2,9 млн. В экс-ГДР - 1,3 млн (20 % самодеятельного населения). В действительности - не 4,2 млн, а около 6 млн. И по наиболее пессимистическим оценкам - до 8 млн.

Германия занимает среди ведущих держав Запада 1-е место по почасовой заработной плате и по доле обязательных отчислений с нее в социальные фонды. Сегодня они равны 41 % (1970- 26,5 %, 1990 - 35,6 %). В международном сопоставлении издержки предпринимателя в один час на одного рабочего в 1994 г. составляли (в немецких марках): ФРГ - 44 (из них 20 - отчисления); США - 28 (8,4); Великобритания - 22 (6,3); не говоря уж о Тайване или Юго-Восточной Азии, где издержки за час равны 9 немецким маркам.

Удивительно ли, что немецкие предприниматели все охотнее инвестируют за океаном, в Восточной Европе или Азии? В 1995 г. - 40 млрд нем. марок вложено за рубежом.

Дороговизна немецкой рабочей силы служит постоянным мотором технологической модернизации на базе полной автоматизации и компьютеризации, сопровождающейся неуклонным вытеснением рабочей силы. Круг представляется порочным: растущая застойная безработица резко увеличивает бремя социальных расходов. (В этом же направлении действует удлинение продолжительности обучения и образования, пенсионного отрезка жизни, рост числа неполных семей и пр.) А база сбора налогов и отчислений в социальные фонды между тем сжимается. Кроме того, безработица и урезывание различного рода социальных выплат ограничивают потребительский спрос и в конечном счете также подрывают производство.

Наложение друг на друга последствий присоединения ГДР (а на ее население был, если не сразу, распространен уровень и набор основных социальных выплат и услуг) и устойчиво вялой конъюнктуры после 1991 г. повели по оценке "Шпигеля" к "тяжелейшему кризису за весь послевоенный период"⁵. И суть его теперь не в сокращении темпов роста ВВП (он все же положительный), а в беспрецедентной безработице (почти 12 % самодеятельного населения), небывалом бюджетном дефиците (2,1 трлн марок), в общей неясности экономических и социальных перспектив страны и "государства благоденствия".

Нет ни одного вида социальных услуг и форм страхования, для граждан ФРГ само собой разумеющихся, которые не были бы поставлены под

вопрос в ходе острой дискуссии последнего времени о "Германии с точки зрения ее конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности" - от вопроса о 100 % оплаты по бюллетеню с первого же дня до обсуждения размеров взносов в пенсионный фонд, уровня самой пенсии и пенсионного возраста, от размеров выплат по социальному вспомоществованию и до введения платы за высшее образование. Профсоюзы опасаются покушений на основные и классические инструменты их деятельности - на защищенность колдоговорного процесса от государственного вмешательства, на коллективные соглашения в отраслевых масштабах, на "участие рабочих и служащих в управлении производством".

Пространная дискуссия в ФРГ о путях преодоления кризиса за пределами широко распространившегося понимания того, что безработица такого масштаба представляет собой угрозу национального масштаба и что для ее сокращения придется пойти на социальные жертвы, не привела к выявлению некой стратегической линии в реформе "социального" государства; линии, могущей рассчитывать на широкую общественную поддержку.

В крупном концептуально-стратегическом плане кабинет Г.Коля демонстрирует беспомощность, непоследовательность. В практико-политическом - долго медлил и не отважился перейти к провозглашенным им большой налоговой реформе и общей перестройке "социального государства". Пока все свелось к правительственному решению (апрель 1996 г.) сэкономить на социальных расходах 50 млрд марок и покуситься на действующий с 1957 г. закон о выплате по бюллетеню полной зарплаты (с первого же дня и на 1,5 месяца. Отныне - 80 %). Последнее с точки зрения ОПН и есть первый принципиальный удар по всему механизму социальной защиты.

Насколько можно судить по отдельным заявлениям, следующие шаги по снижению цены рабочей силы для предпринимательства могут выглядеть следующим образом:

а) некоторое снижение ставок отчислений в социальные фонды (прежде всего - в пенсионный и по безработице), с уменьшением, естественно, размеров выплат;

б) перекладывание части социальных расходов со страховых фондов на государственный бюджет (например, по переобучению и трудоустройству безработных), что, правда, еще несколько увеличит его дефицитность;

в) поднятие ставок налога на добавочную стоимость с 15% до (в перспективе) 20%. Увеличение именно этой формы косвенного обложения должно, по мысли авторов, вернуть в общий котел то, что будет недополучено из-за снижения ставок страховых взносов. Эти меры должны снизить расходы предпринимательской стороны на рабочую силу и подогреть их "инвестиционную" готовность". При этом важно, что налог на добавленную стоимость никак не влияет на экспортную продукцию и не очень важно, что по сути своей эта разновидность налога болезненно задевает прежде всего экономически менее благополучные слои.

По мнению многих экспертов, включая правительственную группу "пяти мудрецов", эти разрозненные, не сведенные в концептуальную программу меры не возымеют заметного эффекта на рынке труда.

Каков же потенциал сопротивления ожидаемому жесткому правительственному курсу?

На сегодня создается впечатление, что руководство и профсоюзов, и СДПГ внутренне так или иначе уже восприняли основную логику правительственно-предпринимательского наступления. Они не в состоянии сформулировать некую альтернативную стратегию. Некоторые ее элементы, приближение к ней можно было увидеть в инициативе "ИГ-Металл" (осень 1995 г.). В этой программе компромисса с предпринимателями предлагался отказ от "зарплатных" требований в обмен на обязательство предпринимательской стороны создать до .... 300 тыс рабочих мест. Коль, лично председательствуя на трехсторонних круглых столах, похваливая лидеров ИГМ, тактически обезоружил профсоюзы и затем уже поставил их перед фактом правительственного "пакета экономии". Воинственные высказывания руководящих органов и отдельных лидеров СДПГ и профсоюзов не маскируют факта - перед вызовом "социального демонтажа" они поведут сугубо оборонительную линию.

Глобальный капитализм ("капитализм без границ") в тенденции подрывает исторический компромисс между капитализмом, социальным государством и демократией.

Если мы в российской ситуации не устали напоминать, что базой стабильной демократии являются частная собственность и средние слои, то положение вещей на Западе заставляет обратить внимание и на другую взаимообуславливающую связь: западная демократия возникала и созревала как демократия, базирующаяся на труде граждан, включенных так или иначе в трудовой процесс, воспринимающих его как основу личной обеспеченности, как центральную жизненную установку. Труд являлся основой не только частного, индивидуального бытия, но и политического. Протестантская трудовая этика сущностно, генетически связана с республиканско-демократической традицией Запада.

Абсолютное сокращение объема труда, подрыв традиционной стабильности профессионального и социального статуса, разрастание армии "дешевых", "гибких", незащищенных работников чреваты опасностями.

Речь идет не "только" о миллионной безработице, не только о "государстве благоденствия", не только о расширяющихся зонах бедности. Речь идет о будущем политических свобод и демократии на Западе.

¹ Delcourt J. Globaliation de l'economie et Progresse Social// Futuribles. 1992. N 164.

² За годы пребывания правительства Г.Коля у власти налоговая политика обрела, мягко говоря, односторонний характер. Доля налогов на зарплату в общем объеме поступлений составила в 1994 г. 36% (в 1960 - 16% и в 1980 - 30%). В то же время для стимулирования капиталовложений налоги на различные виды прибыли и сверхдоходы были заметно понижены, и их доля упала с 35% (1960) - 25% (1980) и до 13% в 1994 г.

³ Delcourt J. Op. cit.

⁴ Производительность труда за последние 20 лет выросла в США всего на 25%, а в Западной Германии - на 100%.

⁵ Spiegel. 1996. N 19. S.23.

МЕМОАРЫ ВИЛЛИ БРАНДТА: АВТОПОРТРЕТ РЕФОРМАТОРА¹

В 1989 г. в берлинском издательстве "Пропилеи" вышел объемистый том "Воспоминаний", принадлежавших перу почетного председателя Социал-демократической партии Германии, президента Социалистического Интернационала, лауреата Нобелевской премии мира Вилли Брандта - политика, оказавшего заметное влияние на германскую, европейскую и мировую историю второй половины XX в. Достаточно быстро (1991 г.) в Москве был опубликован полный перевод, сопровождаемый авторским предисловием к русскому изданию. Примечательны заключительные фразы предисловия, в которых содержится политическое кредо Брандта: "Необходимо устранить влияние тех, кто смотрит назад и привык все упрощать. Обращенные в будущее уроки прошедших десятилетий не должны пройти даром. Тогда наши сотрудничающие друг с другом государства (и сообщества государств) впишут прекрасные страницы в будущую историю Европы".

Хронологический диапазон воспоминаний достаточно велик: от становления Веймарской республики до кануна объединения германских государств. Мы получаем возможность проследить, как формировалась личность политика-антифашиста, как он стал активным участником политической жизни послевоенной Германии - на постах депутата бундестага, признанного лидера социал-демократов, правящего бургомистра Западного Берлина. Мы видим, как Брандт вырабатывал качества, необходимые реформатору: искусство анализа политической обстановки, предвидения результатов своих действий. Но в центре повествования оказывается государственная деятельность автора, преобразования в социальной жизни ФРГ, в ее внешней политике в 1969-1974 гг., когда он был канцлером ФРГ.

Свидетельства Вилли Брандта, конечно, не могут служить ни важнейшим, ни единственным источником достоверных знаний о событиях этих лет. Существуют многочисленные издания материалов заседаний бундестага и о деятельности правительства ФРГ, документов политических партий и профсоюзов. Исследователи внутренней и внешней политики правительства "малой коалиции" обращаются к безбрежному морю немецкой и иностранной прессы и публицистики. Но судить о побуждениях канцлера, о его оценках событий, о закулисной стороне политической жизни ФРГ невозможно без мемуаров Брандта.

Поражение на парламентских выборах 1969 г. партии Конрада Аденауэра, правившей практически монопольно в течение двух десятилетий, открыло дорогу для существенно необходимых перемен в социальной жизни, во внутренней и внешней политике ФРГ ("смена власти была требованием момента"). Подготовка и проведение реформ в Западной Германии сказалось бы невозможным без учета мирового опыта преобразований (удавшихся и неудавшихся), а также опыта стран, не сумевших своевременно осуществить назревшие преобразования: "наглядное обучение за границей было весьма

убедительным". Вилли Брандт указывает в этой связи на хорошо известную ему по годам эмиграции практику скандинавской демократии: "Что получается, когда государство и общество постоянно находятся в процессе изменения к лучшему, и куда это ведет, я видел в Скандинавии". Свою роль сыграл, отмечает автор, и негативный опыт "авторитарного коммунизма", который оказался "ложным путем, усеянным огромными жертвами и вымошенными экономическими и социальными неудачами".

Принципиально важной представляется постоянно волновавшая автора мемуаров проблема массовой базы реформ. Коалиционное правительство социал-демократов и свободных демократов во многом опиралось в своей внутренней политике на присущий молодежи (особенно студенческой молодежи) "пафос модернизации конца 60-х годов". Именно с требованиями молодого поколения, профессиональных союзов было прямо связано осуществление реформы высшей школы, преобразований в сфере социальной политики. Речь шла о создании для граждан ФРГ прочной системы социальных гарантий, о качественных сдвигах в реализации демократических прав. Уже в первом своем заявлении в качестве канцлера Брандт выдвинул необычный лозунг "Отважиться на расширение демократии", который, отмечает он, "вызвал, с одной стороны, готовность к соучастию, с другой - противодействие".

Ожесточенное сопротивление реформам "малой коалиции" оказывалось консервативной оппозицией, группировавшейся вокруг Христианско-демократического союза и Христианско-социального союза. Для деятелей этих партий было характерно, по оценке Брандта, "преклонение перед догмами", "претензии на государственную непогрешимость".

Противодействие исходило отнюдь не только со стороны консервативных кругов. Многим искренним сторонникам реформ, ждавшим от преобразований немедленных результатов, не хватало, как констатирует Брандт, "воли к терпимости". От взбудораженной студенческой молодежи, оказывавшей поначалу "стимулирующее воздействие" на процесс преобразований, все же исходили, по мнению автора мемуаров, "импульсы, чаще мешавшие, нежели помогавшие обществу". Выдающийся немецкий писатель Гюнтер Грасс, принадлежавший к числу личных друзей Вилли Брандта, указывал, что символом прогресса может служить двигающаяся (медленно, но двигающаяся) улитка. Но далеко не всем было понятно, с какой скоростью и по какому маршруту ползла улитка.

Преобразования во внутренней жизни Федеративной Республики Германии, осуществленные правительством Брандта, были органически связаны с "новыми рубежами" в сфере дипломатии, с "новой восточной политикой". Канцлер сказал, обращаясь к советским руководителям в августе 1970 г., после подписания Московского договора: "Я рассматриваю этот договор как заключительную черту и как новое начало, позволяющее обоим нашим государствам направить свои взоры вперед, в лучшее будущее. Этот договор должен освободить как вас, так и нас от тени и груза прошлого и как вам, так и нам дать шанс начать все сначала".

Комплекс реформ, начатый канцлером Брандтом, оказался незавершенным. Мемуарист - и это понятно - предпочитает сконцентрировать

внимание читателя на факторах субъективного порядка (акции политических оппонентов, измены союзников по коалиции, интриги ряда деятелей в руководстве СДПГ, происки иностранных разведок и халатность спецслужб ФРГ, утрата контроля над осуществлением преобразований, отсутствие жесткости в спектре политических и психологических качеств автора мемуаров). Значительно меньше мы узнаем о том, какие объективные факторы привели к постепенному свертыванию реформ, к поражениям социал-демократов на земельных и федеральных выборах.

К Брандту, в отличие от многих (если не большинства?) политиков-реформаторов, судьба была благосклонна. Он умер своей смертью, а не был застрелен, подобно Столыпину или Кеннеди. Вынужденно покинув высокий государственный пост и сохранив, в отличие от Хрущева и Горбачева, уважение своих сограждан, он увидел собственными глазами важнейшие результаты осуществленных под его руководством преобразований.

В речи, посвященной немецкому политику 20-х гг. Густаву Штресману, он назвал его "реалистическим романтиком". Вольно или невольно, Брандт сказал и о себе. Он был человеком, умевшим рисковать, не страшившимся идти против течения, не боявшимся мужественно выступать против предрассудков, укоренившихся среди немецких политиков (в том числе в своей партии) и в немецком народе. "Мой опыт подсказывает, - писал Брандт, - что стрелки можно переставить, даже имея лишь ничтожное меньшинство". И далее: "Не надо бояться экспериментов - мы построим современную Германию. Кто хочет быть уверен в завтрашнем дне, должен бороться за реформы сегодня".

"Эра Брандта" повлекла за собой - несмотря на смену правящей партии - ряд необратимых перемен во всех сферах жизни Федеративной Республики. В стране утвердился модифицированный вариант двухпартийной системы. ФРГ обрела сбалансированную внешнюю политику. Сформировались определенные предпосылки объединения Германии. Брандт сам подвел итог своей деятельности: "Если будет сказано, что я помог открыть путь к новому чувству реальности в Германии, то это явится осуществлением самой большой надежды моей жизни".

Внимательное чтение воспоминаний Вилли Брандта позволяет выйти за временные и пространственные рамки событий, о которых идет речь в книге, позволяет приблизиться к научному пониманию реформы как определенной историко-политической ситуации, к научному пониманию типа личности реформатора.

РЕФОРМА, РЕВОЛЮЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ В ПОСТИМПЕРСКОМ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Сегодня в России почти все мыслящие гласно интеллектуалы являются сторонниками реформ и противниками революций. В преддверии президентских выборов заклатья по поводу того, что Россия не выдержит новых потрясений и не может быть полем для экспериментов, раздаются со всех концов политического спектра, изо всех уголков политического ландшафта. Такое единогласие, однако, заставляет задуматься над двумя вещами. Во-первых, если все так боятся потрясений, не означает ли это, что сейчас таковые, вполне реальные? И, во-вторых, если бы со стороны властей, либо со стороны оппозиции было бы больше новаторства и экспериментов, не был ли бы лучше результат?

Проблема, на наш взгляд, заключается в том, что события 1989-1991 гг. в нашей стране представляли собой настоящую революцию, которая побоялась, тем не менее, назвать себя таковой и, более того, по известным причинам проходила под антиреволюционными лозунгами. Термин "новая русская революция" получил распространение, да и то ограниченное, лишь на Западе. В России же революция выступала и выступает под маской реформирования и реставрации (термины "модернизация", "вестернизация" и т.д. - из другого понятийного ряда). Маска эта быстро приросла к лицу. Как представляется, именно здесь лежит одно из объяснений, с одной стороны, неспособности достичь официально провозглашенных целей, а с другой стороны - того, что данная революция до сих пор не породила ни своего Наполеона, ни своего Сталина. Как известно, и тот и другой, заявляя, что продолжают дело революции и, возможно, искренне, занимались строительством своей "революционной" державы. В современной же России, наоборот, под лозунгами ее державного возрождения происходит нечто иное. Данное обстоятельство, исходя из различных систем ценностей, может быть оценено по-разному и поэтому не должно предполагать однозначных политических выводов.

В отношении национально-государственного строительства на просторах бывшего СССР очень важное значение имеет оценка современного периода как имперского. В термин "империя" опять-таки не следует вкладывать однозначно негативный смысл. Исторический опыт свидетельствует, что распад империй часто порождает не меньше проблем и разного рода негативных моментов, чем их существование. В русском языке, однако, слово "империя", в отличие от "державы", всегда имело негативный оттенок. В других странах отношение к нему изменилось в эпоху, именуемую "империализмом". В 1917 г. генерал Сметс заявил, что "тот, кто придумает новое название для системы, именуемой Британской империей, сослужит ей хорошую службу". Название уже было к тому времени изобретено, а сам

Смэтс немало сделал потом для его популяризации, и в обиход таким образом вошло слово "содружество".

Идея преобразования в содружество возникла и муссировалась и в других имперских образованиях. В этом русле можно, например, рассматривать еще трансформацию державы Габсбургов в Австро-Венгрию и дальнейшие планы по поводу Австро-Венгро-Чехии и частично по поводу Дунайской федерации. Подобные планы, являясь порождением кризиса и начинающегося распада империи, служат при этом основным проявлением реформистского подхода к ее дальнейшей судьбе. Однако, что характерно, - процесс трансформации империи в содружество нигде не удался. Ни в одном случае не удалось, с одной стороны, сохранить позитивный потенциал империи - мощь, престиж, возможность для аккумуляции ресурсов и осуществления грандиозных проектов, своеобразии имперских наднациональных институтов и т.д. - а с другой - преобразовать структуру, основанную на отношениях "центр - периферия" или "метрополия - колонии" в равноправную и добровольную ассоциацию стран и народов. И это заставляет всерьез задуматься - а реформируема ли империя в принципе?

Судьба Британского Содружества - поучительный пример попыток трансформации империи. Уже в начале 1960-х гг. консерватор Инок Пауэлл охарактеризовал данное образование как "увенчанный короной призрак Британской империи, восседающий на руинах ее". Оценка эта стала хрестоматийной и вряд ли может быть оспорена. Этот самый призрак во многом и есть та самая тень старого, которая, как утверждал один из классиков политической мысли, должна сопровождать всякие серьезные изменения, дабы обеспечить привыкание общества к ним. Но похоже, что этим своеобразным уроком и была исчерпана основная историческая роль Британского Содружества.

Видимо, такова же будет и судьба СНГ. Проистекает это, на наш взгляд, опять-таки из степени радикальности предпринимаемых реформ - этакой "боязливой революционности". Никакого жизнеспособного и при том добровольного объединения, подобного Европейскому Союзу, на просторах бывшего СССР не возникнет до тех пор, пока Россия будет оставаться гигантом, и в отношениях с которым даже Украина и Казахстан способны претендовать лишь на роль младших партнеров. Двумя сторонами одного и того же процесса могли бы стать объединение постсоветского пространства на подлинно федеративных принципах и при этом дальнейшее дробление России (не бесконечное, естественно). Однако в нынешних условиях вряд ли какая бы то ни было политическая сила решится на такой управляемый процесс, и нет уверенности в том, что можно сохранить контроль над ним до его завершения. А полностью отрицать державные ценности у нас в стране никто из серьезных политиков не решает.

В силу закрытости, таким образом, и реформистского, и революционного пути идейно-политическая борьба по поводу будущего национально-государственного обустройства России и всего бывшего СССР оказалась в тисках разного рода концепций державно-имперской реставрации. Если исключить еще и национализм, ориентирующий на другие центры притяжения в современном мире, речь идет либо о

возвращении к тому, что было до 1917 г. (идея губернского деления и т.д.), либо до 1989 г. (воссоздание Советского Союза), либо объединении того и другого вариантов, либо, наконец, о создании чего-то нового, но похожего.

Однако если исходить из опыта истории, то следует признать, что любая реставрация половинчата, относительна и ограничена во времени. Причем, чем решительнее проводится она в жизнь, тем скорее терпит крах. Возрождение же державных позиций в постимперский период, как это произошло во Франции при де Голле, отчасти в Турции, обусловлено решительным прощанием с прежней империей и обретением новых приоритетов. Для Великобритании, правда, такого рода попытка также завершилась неудачей и переломить тенденцию к ослаблению державных позиций этой страны, возникшую с началом распада империи, вплоть до настоящего времени не удастся. Даже сейчас, когда времена Британской империи давно уже ушли в прошлое, последствия ее распада накладывают свой отпечаток на развитие отношений внутри Соединенного королевства и собственно Великобритании, проявляются в борьбе вокруг планов девальюции т.д. Нечто подобное может быть уготовано и России, тем более, что обострение борьбы вокруг национально-государственного устройства в современных условиях может происходить даже на весьма благополучном фоне (вспомним, например, Канаду).

В целом же все происходящее в России наглядно показывает, как часто в политике результаты не совпадают с целями. Впрочем не всегда результат бывает хуже того, к чему стремились первоначально. На что, видимо, и следует надеяться.

Г.А.Янковская
Пермский университет

РЕФОРМЫ, "РОССИЙСКАЯ МЕЧТА" И "УСПЕХ" ПО-РУССКИ

Современные российские реформы породили странное явление в общественном сознании. Оно мечется в поисках утраченного национального идеала, иллюзии, мечты. От авторов самой разной политической ориентации и социокультурного опыта слышатся сетования на отсутствие в обществе интегративных, по возможности надыдеологических ценностей. Нередко эталоном подобной функциональной утопии называется "американская мечта" и американский "успех". Первоначально российские реформы во многом ориентировались на рецепты американской "консервативной волны". Среди них восстановлению чувств национальной гордости, определению государственно-культурной идентичности, устоявшимся стереотипам обыденного сознания придавалось отнюдь не последнее значение.

В самих Соединенных Штатах представления об "успехе" и "мечте" претерпели существенные изменения. Прежде всего они были вызваны вертикально понижающейся мобильностью в условиях современной

деиндустриализации, свертыванием индивидуального предпринимательства и другими проявлениями постиндустриального развития. Тем не менее американский пример мифологизации действительности не утратил своей привлекательности для многих критиков постперестроечных реформ.

В данном случае интересна не столько сама идея переноса реалий одной культуры в иную среду, сколько уверенность в совместимости, в возможностях перевода американских мифов на язык российских духовных традиций. Но всякий национальный идеал есть уникальное историческое предложение, которое личность получает в конкретных национально-государственных условиях. Рассмотрим с этой точки зрения американское толкование "успеха".

В культуре США категория "успеха" относится к системообразующим представлениям. В литературе и искусствах, прессе и обыденном сознании "успех" рассматривается в двух ракурсах - сравнительно-страноведческом и личностном. Духовная жизнь Соединенных Штатов Америки в целом отличается оптимистическим восприятием собственного исторического опыта. Политическая система, экономический, военно-стратегический, научный потенциал, статус сверхдержавы - эти, как и многие другие достижения, служили и служат доказательствами американской исключительности. В этом национальном идеале запечатлены представления об историческом "успехе", уникальности американского государства.

Во втором, личностном, измерении "успех" описывается в терминах, связанных со свободным соревнованием индивидов, вертикально повышающейся мобильностью, финансовым преуспеванием. Чаще всего он является показателем того, насколько личность вырвалась вперед в честном соревновании с другими. Причем подлинным считается успех, достигнутый благодаря собственным усилиям, без поддержки семьи, школы и прочих социальных стабилизаторов. Таков идеал "успеха", хотя и далекий от реальности¹.

Да и строго терминологически толкование слова "успех" в американском английском фиксирует внимание в первую очередь на личности, которая достигает либо запланированного и желанного результата, либо благосостояния. "Успешна" процветающая личность, обладающая высочайшим уровнем преуспевания².

Традиционно в Старом свете этот имидж "успеха" считается свидетельством духовного недоразвития, вульгарного материализма североамериканской нации. Столь некорректные оценки, однако, слишком упрощают реальную картину и связаны с застарелым антиамериканизмом европейцев.

Между тем исторически в США сложились и сосуществуют несколько различных, подчас несовместимых толкований "успеха". В этой мелодии американской культуры явно слышится не один, соревновательно-потребительский голос. "Успех" по-американски - как минимум трехголосие.

Пуритански-коммунитарная версия, берущая начало от идей одного из первых проповедников Дж.Уинтропа, трактует его не как материальное благосостояние, но как принадлежность к общине, в которой идет подлинно этическая и духовная жизнь. По романтической, контркультурной версии,

восходящей к У. Уитмену, успешной считается судьба, богатая впечатлениями, сильными чувствами, сопоставленная с природой и местом пребывания человека. Наконец в прагматической версии, продолжающей традицию Б. Франклина, доминирует вещно-бытовой образ "успеха", замешанный на представлениях о каждодневном трудолюбии и возможном социальном продвижении.

Напряжение, неизбежно возникающее между столь разнотональными темами, иногда создает подлинную социальную какофонию, конфликт ценностей. Но чаще плюрализм, выстраданный современной американской культурой, ее терпимость формируют такой идеал "успеха", в котором самоуважение от результатов профессиональной деятельности и престижного потребления гармонирует с семейными и коммунитарными ценностями.

Итак, американский "успех" сегодня являет собой тип сложного, но вполне реалистического национального идеала, приспособившегося к новым историческим реалиям. Каков же современный российский идеал незрешной, благополучной, иначе говоря, "успешной" жизни?

Прежде всего, ему также свойственны представления о национальной исключительности. Правда, они насыщены скептическими оценками пройденного исторического пути. В современной духовной среде нет идеального образа и мифологии государственного "успеха". Есть различные (генетические, ситуационные, мистические и прочие) обоснования исторической судьбы страны-неудачницы. По сути дела у личного "успеха" нет опоры. Сами же представления о личном преуспевании также отмечены ярким своеобразием.

Начнем с определений. Различные толковые словари указывают на многозначность смысла слова "успех" (не зафиксированного, кстати, в словарях и энциклопедиях XIX в.). С англо-американским сходно одно из четырех значений: "удача в задуманном деле, достижение поставленной цели, победа". Все остальные существенно отличны. "Признание удачи со стороны окружающих" и "внимание общества к кому-нибудь" - эти определения недвусмысленно подчеркивают неиндивидуальность "успеха". Соответствие различным социальным стандартам, требованиям, нормам, а отнюдь не собственные достижения придают "успешность" тому или иному деянию.

Просто несовместимо с западной традицией еще одно значение "успеха". Таковым считается все, достигнутое "легко, без затруднений"³. Таким образом, "успех по- русски" часто выступает результатом случая, несамостоятельного продвижения, несоревновательных льгот и привилегий.

В этом контексте было бы уместно упомянуть о том, что Россия не знала "благочестивой практики" протестантизма, что для более нее характерен "разинский" антропологический тип⁴. Что советский исторический опыт изменил структуру ценностей, мотивов, сформировал двойную мораль бюрократического общества, с характерными для нее равнодушием, пассивностью, сниженным чувством ответственности за свое благосостояние.

Но хотелось бы заострить внимание еще на одном аспекте этой проблемы. На свойственном для российской культуры пафосе неутилитаризма, бескорыстного служения. Речь не о партийной этике,

бичующей "хозяйственное обращение" и личные мотивы. Дело в том, что в российской культуре труд нередко был равнозначен лишению свободы, унижению, беспросветной бедности и даже рабству⁵. Традиционно в России трудовая обыденность противопоставлялась трудовому героизму и самопожертвованию.

В советский период труд, достойным образом вознаграждаемый, считался аморальным, если не мотивировался какой-либо высокой целью. На уровне обыденного сознания научный эвфемизм "трудовое инициативное поведение" оценивался жестко и однозначно: "Шабашник не руководствуется никакими иными целями, кроме желания заработать. Подобный труд не облагораживает и является аморальным"⁶.

Вынесение достигнутого трудом успеха за границы нравственных оценок не было только результатом многолетнего господства одной идеологии. В целом в России не сложилось традиции философского, религиозного, нравственного обоснования благополучия. В наши дни М.К.Мамардашвили, философ, далекий от политической ангажированности, формулировал категорический императив отрицания личного преуспевания так: "Любые аргументы, похожие на моральные, но теряющие качество "чистоты", т.е. прагматичности, неутилитарности, неприспособляемости, выпадают автоматически из сферы морали, не являются моральными суждениями по своей природе"⁷.

В такой социокультурной среде не сформировалась, да и не могла сформироваться этика личных достижений. Попытки же ее "внедрения" нередко расцениваются сегодня как недопустимая и обреченная на неудачу вестернизация.

Как видим, во многих отношениях американское и российское понимание "успеха" несовместимы и даже чужды друг другу. Но не во всем. Во-первых, российская культура готова к культивированию общенациональной мечты, способной, кстати, вовсе подменить идеал индивидуальный. Во-вторых, как и в США, в России существует традиция прогрессизма, нацеленности на будущее, в отличие от Западной Европы, где более сильны ценности каждодневной обыденности.

Современная российская действительность не содержит в себе какого-либо уникального исторического предложения, аналогичного тому, какое легло в основу общенациональной "социалистической мечты". Однако две традиции (приоритетность будущего перед настоящим и востребованность мечты в прошлом), а также ломка социокультурных ценностей создают сегодня все возможности для формирования нового идеала, базирующегося на неидеологическом уровне утопизма.

¹ *Habits of the Hearts. Individualism and commitment in American life.* N.-Y., 1985. P. 198.

² *Standard Desk Dictionary.* N.-Y., 1977.

³ Толковый словарь русского языка. М., 1940. С. 995.

⁴ Пляхов В. Станет ли Степа бухгалтером? // *Звезда.* 1995. N 1.

⁵ *Свободная мысль.* 1996. N 4. С.94.

⁶ Постыжение. Социология. Социальная политика. Экономика. Реформа. М., 1989. С. 117.

⁷ Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1990. С. 78.

РЕГИОНАЛИЗМ И ПЕРЕХОД К ДЕМОКРАТИИ

(К постановке проблемы)

Обращение к проблеме возникновения и развития регионализма в условиях переходного периода предполагает выбор несколько иного ракурса, чем тот, в котором данный феномен традиционно рассматривается в западной и отечественной регионалистике, а именно, как самостоятельное политическое явление безотносительно его возможной причинно-следственной связи с процессом перехода от авторитаризма к демократии? "Транзитологи" также практически оставляют без внимания проблему зависимости региональной и этнорегиональной напряженности в странах, вставших на путь демократических преобразований, от переходного состояния самого общества, характеризующего социально-политическим и экономическим кризисом предшествующего режима, а также изменениями в системе политических ориентаций и стереотипов. Однако, как показывает мировой опыт (Бразилия, Испания, Нигерия, Чехословакия, бывшая Югославия, Россия и т.д.), усиление регионализма и переход к демократии достаточно часто выступают как одновременные и, более того, взаимозависимые явления.

Ослабление институтов центральной власти в результате кризиса авторитарного /тоталитарного режима, с одной стороны, и подрыв доверия к ней у населения - с другой, способствуют разрушению традиционных ориентаций и стереотипов и, как следствие, возникновению политико-идеологического вакуума и кризиса коллективной идентичности политического сообщества. Стремление граждан восстановить утраченное в результате смены политического режима равновесие и найти новый ответ на вопрос "Кто мы?" подталкивает к реструктурированию системы коллективной идентичности, замене верховенства национально-государственной самоидентификации. Ущемление авторитарным/тоталитарным режимом прав отдельных наций (необязательно национальных меньшинств) и регионов способствует, в свою очередь, выходу на поверхность этнической и региональной идентификаций, которые, будучи несвязанными с изменением политических ролей и ценностных ориентаций и основанными на таких "объективных" факторах, как язык, единое культурное и историческое прошлое, общая и одновременно отличная от других территория проживания (например, Урал, Сибирь и т.д.), позволяют восстановить утраченное психологическое равновесие.

Одновременно у национальных и региональных элит появляется реальная возможность укрепления собственной власти за счет сокращения функций власти центральной. Учитывая, что граждане оказались в состоянии поиска новой самоидентификации, региональная политическая элита сознательно выбирает курс на усиление конфронтации с центром (подчеркивая, что именно регион, а не центр, способен обеспечить индивиду

выход из существующего кризиса) и, соответственно, формирование приоритетности этнорегионального элемента в коллективной идентичности. Все это создает благоприятные условия как для появления альтернативных, не ассоциируемых с прошлым общественно-политических движений, так и для укрепления региональных политических институтов. В результате происходит и смещение чувства лояльности граждан: от лояльности по отношению к политическому сообществу как единому целому к лояльности по отношению к отдельным его частям (регионам) или наднациональным структурам (в случае с Испанией в ее отношении к таким, например, как Европейский Союз). Возможным следствием подобных процессов может быть изменение национально-государственного устройства, в частности, его дезинтеграция и затруднение процесса демократизации.

Таким образом, формирование к моменту начала процесса демократизации бесспорной и единой национально-государственной самоидентификации представляет собой одно из условий, определяющих эффективность и перспективность проводимых преобразований. Более того, в гетерогенных обществах должна сложиться супранациональная идентичность, которая, в свою очередь, позволяет сохранить существующее политическое сообщество. Данный тезис, впервые сформулированный Д.Ростом в 1970 г., во многом на основании опыта возникновения и консолидации демократических режимов в результате кризиса феодализма, несмотря на различия в условиях, в принципе отражает характер отношений между переходным состоянием общества и усилением региональных и этнорегиональных движений.

Представляется также важным, с точки зрения возможности изменений в коллективной идентичности политического сообщества, и то, каким образом - сверху или снизу - данная идентичность формировалась. Создание национально-государственной идентичности сверху (или даже ее насаждение авторитарным/тоталитарным режимом, как это происходило, например, в случае с присоединением стран Балтии), несмотря на достаточно длительный период существования государственного образования, может служить причиной пересмотра как самой коллективной идентичности, так и смены определения политического сообщества как такового. В то время как сформировавшаяся снизу национально-государственная идентификация может, наоборот, выступать в качестве стабилизирующего элемента.

Отсутствие к началу демократических преобразований бесспорной коллективной идентичности создает благоприятные условия для ее реконструирования. Направление изменений в системе самоидентификации определяется рядом как объективных, так и субъективных факторов. Изменения в социально-экономическом положении как регионов, так и страны в целом могут рассматриваться как один из подобных факторов. Проводимая уже в условиях демократических преобразований национально-государственная политика также может способствовать усилению либо национально-государственной, либо этнорегиональной идентичности. Наприер, отсутствие в Российской Федерации четко сформулированной стратегии в области региональной и национальной политики, во многом адаптивный характер принимаемых центром решений явно помогает

укреплению этнорегиональной идентификации. В этой связи представляется интересной высказанная американскими политологами Х. Линцем и А. Штепаном гипотеза о зависимости изменений в коллективной идентичности политического сообщества, которые могут привести либо к дезинтеграции данного государственного образования, либо, наоборот, к укреплению его единства, от очередности проведения общенациональных и местных демократически организованных выборов. Действительно, общенациональные избирательные кампании способствуют укреплению национально-государственной идентичности, в то время как местные - идентичности этнорегиональной. Однако рассмотрение данной зависимости в качестве первопричины изменений в структуре коллективной идентичности политического сообщества вряд ли является обоснованным, в связи с тем, что выборы приобретают подлинно демократический характер только после проведения нескольких избирательных кампаний, да и выявить с высокой степенью точности, какие выборы уже можно считать демократическими, а какие еще нет, достаточно сложно.

Таким образом, определение причин и характера взаимозависимости регионализма, с одной стороны, и перехода от авторитаризма к демократии - с другой, представляется важным не только для понимания сущности обоих феноменов, но и для обеспечения успешной демократизации, поиска варианта адаптации коллективной идентичности к изменившимся условиям и сохранения существующих политических сообществ.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИКА-РЕФОРМАТОРА В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

(на примере депутатского корпуса Государственной Думы II-IV созывов)¹

Становление отечественной парламентской системы в начале XX в. сопровождалось формированием принципиально нового для России слоя политических деятелей. Выборный характер комплектования состава Государственной Думы привлек к участию в принятии государственных решений представителей самых разных групп тогдашнего российского общества. Учитывая неразвитость партийного начала в политической жизни России той поры, можно предположить, что весьма значимую роль, если не определяющую, в политическом выборе (электоральном поведении населения, например) играли факторы социокультурного порядка, прежде всего соотношение своего социального положения и интересов с социально-экономическими программами тех или иных политических сил. Подтверждением данного тезиса служит история образования трудовой группы в Государственной Думе первого созыва.

Практически идеально приспособленным для выяснения социокультурных детерминант политического поведения в России начала XX в. является депутатский корпус Государственной Думы. В распоряжении историка имеется целый комплекс источников, содержащих биографические сведения и социальные характеристики членов Думы (массив личных дел депутатов всех созывов в фонде 1278 РГИА; личные указатели к стенографическим отчетам заседаний Государственной Думы; справочники, изданные М.М.Боиовичем). Репрезентативность и сопоставимость данных по каждому депутату позволяет воспользоваться аппаратом теории вероятностей и математической статистики.

Применение метода корреляционного анализа, в частности, вычисление коэффициента связи (ассоциации), направленное на определение степени взаимосвязи (выраженную количественным образом) между принадлежностью депутатов к той или иной парламентской фракции и их социокультурными характеристиками (возраст, национальность, вероисповедание, сословная принадлежность, образование, род занятий, имущественное положение, опыт общественной и административной деятельности), позволяет не просто составить более или менее полный социальный портрет фракции, но выделить социальный тип того или иного политического направления, как систему со своей внутренней структурой, своими внутренними связями.

Коэффициент связи (ассоциации) Q принимает значения в интервале от -1 до +1. $Q = +1$, если все члены фракции обладают неким признаком или

---

¹ Материал подготовлен при содействии московского отделения Российского научного фонда.

© И.К.Кириянов, 1997.

последний встречается исключительно у членов данной фракции. $Q = -1$, если рассматриваемый признак отсутствует у депутатов данной фракции. Величину Q можно рассматривать как выражение степени влияния данной социокультурной характеристики на выбор данной фракции. Чем сильнее это влияние, тем теснее связь между политическим выбором и социокультурным признаком, тем ближе Q к значению $+1$. Чем характернее для данной фракции¹ отсутствие соответствующего признака, тем ближе Q к значению -1 .

Анализ парламентских дебатов и итогов голосований позволяет отнести к фракциям с ярко выраженной реформистской ориентацией кадетов, мирнообновленцев, прогрессистов, октябристов, группы польского коло, мусульманскую, польско-литовско-белорусскую.

Анализ взаимосвязей между социокультурными факторами и политическим выбором (фракционной принадлежностью) депутатов Государственной Думы на уровне порога сильных связей $= +0.4$ позволяет сделать следующие заключения. Для лиц, придерживавшихся реформистской ориентации, в большей степени была характерна социализация, пришедшаяся на период Великих реформ и контрреформ 80-х гг. XIX в. Среди думцев-реформистов всех созывов крайне мало было лиц, чья социализация пришлась на период бурных социально-экономических и политических потрясений рубежа XIX-XX вв. Напротив, противники реформистского курса, социал-демократы в первую очередь, ассоциировались с поколением, социализация которого прошла как раз на рубеже столетий. Отмеченное в определенной степени было характерно и для членов фракции правых.

Сторонники реформистского курса ассоциировались с одной стороны, с представителями городских сословий, прежде всего привилегированными, такими как почетные граждане и купцы, извлекавшими доходы из предпринимательской деятельности и частной службы; дворянами, осевшими в городах и получавшими доходы от занятий "интеллигентными" профессиями: преподаватели вузов, присяжные поверенные, врачи, учителя, инженеры и т.п. С другой стороны, сильное влияние на реформистскую ориентацию оказывала принадлежность к крупнопоместному дворянству, имевшему, как правило, помимо "аграрных" еще и сторонние, "городские", доходы.

Сторонники реформистского курса в Думе ассоциировались с высоким уровнем образования (за исключением предпринимателей) и доходов, опытом участия в деятельности органов местного самоуправления и экономических обществах.

Анализ взаимосвязей на уровне порога сильных связей $= +0.9$ позволяет выделить два типа социальной детерминации политического выбора, условно определяемые как открытый и замкнутый типы. Открытый тип характеризуется отсутствием жесткой детерминированности политического выбора какими-либо социокультурными факторами. Замкнутый тип представлен теми фракциями, принадлежность к которым ассоциировалась с жесткой привязкой к определенным социокультурным признакам. Более того, для данного типа характерно обилие сильных отрицательных (на уровне равном -1.0) взаимосвязей. Например, для социал-демократической фракции в Думе третьего и четвертого созывов

зарегистрировано по 26 таких случаев из 55 возможных; для мусульманской группы - соответственно 26 и 20; для польского коло - 29 и 24; для польско-литовско-белорусской группы - 25 и 27; для фракции националистов - 18 и 11; для правых - 13 и 13. Напротив, для открытого типа подобная ситуация не была характерной. Так, для кадетов эти показатели составляли соответственно 6 и 5; для прогрессистов в четвертой Думе - 3; для октябристов - 5 и 8.

Для замкнутого типа можно выделить два подтипа: социально-аутсайдерский (социал-демократическая фракция) и национально-конфессиональный (с одной стороны, группы польского коло, мусульманская, польско-литовско-белорусская, с другой - фракции правых и националистов). В первом случае принадлежность к социал-демократической фракции ассоциировалась с аутсайдерскими по понятиям того времени социальными признаками по принципу: "не был, не состоял, не участвовал". Во втором случае принадлежность к указанным фракциям ассоциировалась с конкретной национальной и конфессиональной принадлежностью.

К открытому типу относились фракции кадетов, прогрессистов, мирнообновленцев, октябристов, а также трудовики и умеренно-правые. Как представляется, именно такая толерантность к самым различным социокультурным признакам, своеобразная социокультурная всеядность, нетипичность жестко детерминированных (положительных или отрицательных) взаимосвязей между социокультурными признаками и политическим выбором в значительной мере предопределяли поведение указанных фракций в Думе, их ориентацию на тактику реформ. В конечном счете, с социокультурной точки зрения, фракции, отнесенные к открытому типу, представляли российское общество в целом, отражая его коренные интересы и потребности на данном этапе исторического развития страны. Фракции замкнутого типа представляли лишь определенные сегменты тогдашнего российского общества, выражая частные интересы конкретных социальных групп.

· Подробнее о методике исследования см.: Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России: Государственная Дума и ее депутаты, 1906-1917. Пермь, 1995. С. 90-92.

М.М.КОВАЛЕВСКИЙ И ЛИБЕРАЛЬНЫЙ РЕФОРМИЗМ В РОССИИ

Среди представителей либерально-демократической мысли в России конца XIX - начала XX вв. одной из наиболее видных фигур был М.М.Ковалевский. Будучи крупнейшим знатоком государства и права зарубежных стран, он, как и его политические единомышленники и соратники по науке П.Г.Виноградов и Н.И.Кареев, стремился активно использовать исторический опыт Запада применительно к России¹. В этой связи Ковалевский уже в конце XIX в. ставил проблему рецепции, т.е. заимствования и приспособления определенных общественных форм одних стран другими. При этом рецепция рассматривалась им не как некий механический процесс; она может быть успешной лишь тогда, когда заимствованные иностранные институты "не противоречат прямо всему тому наследию прошлого, которое слагается из верований, нравов, обычаев и учреждений известного народа"². Рецепция, считал Ковалевский, предполагает самостоятельное творчество, "приспособление не общества к заимствованным порядкам, а этих порядков к потребностям заимствующего их общества"³.

Немалый интерес представляет и предложенная Ковалевским типология рецепций. Французский вариант, проявившийся в революции XVIII в., он назвал "доктринерским". Деятели этой революции исходили "не от реформ действующих порядков, а от тех или других юридико-политических афоризмов, в жертву которым приносились эти порядки. Они делали не надстройку к существующему зданию, а ломали его до основания и на очищенной таким образом почве строили все снова"⁴.

Французскому варианту противопоставляется американский путь. Восприняв английские политические традиции, Америка явила пример революции не "доктринерской". Она создала тип государства, способного противостоять центробежным силам, гарантировать права граждан, обеспечить им самоуправление и лояльные формы политической борьбы. Опыт Америки давал Ковалевскому основание заключить, что с торжеством демократии завершается "эра политических авантур"⁵.

Тщательно изучая общественное развитие России, ее политические институты, обосновывая таким образом возможности использования опыта Запада, Ковалевский пришел к заключению, что России наиболее близким являлся английский опыт. В английской конституционной монархии он видел такую форму организации государства, которая гарантирует и политическую устойчивость, и гражданское равенство, и политические свободы. Наилучшей формой государственного устройства для России он считал конституционную, или, как он называл, "народную" монархию, которой должен быть свойствен "конституционализм, дополненный реформаторством".

Западный опыт лег и в основу воззрений Ковалевского относительно решения важнейших для России социально-политических проблем. Среди них - рабочий вопрос. По его мнению, первый положительный опыт решения этого вопроса дала Англия в последние десятилетия XIX в. В стране, "где менее всего обсуждались в печати теоретические требования социализма, проведено наибольшее число практических мер по его осуществлению"⁶. Высоко ценился им и опыт Германии, где при Бисмарке и Вильгельме II была создана целая система социального законодательства. И напротив, считал он, ни "шаблонное манчестерство", ни "исключительное законодательство" не смогли привести к социальному миру. Для России Ковалевский предлагал систему фабричного законодательства, запрещавшего детский и ограничивавшего женский труд, регулирующего продолжительность рабочего дня и т.д., а также государственное страхование рабочих, признание права на профессиональные союзы и деятельность рабочей партии, действующей на основе "европейских начал социал-демократии". Настойчивое отстаивание Ковалевским идей социальных реформ в отношении рабочего класса позволяет отнести его к числу первых представителей социального либерализма в России.

Опыт Запада лег в основу суждений Ковалевского о двух типах социал-демократических партий в России. Один тип - это "мистики-революционеры", влекущие рабочих к всеобщей стачке и вооруженному восстанию, что в конечном счете должно привести к тому, что "диктаторы пролетариата будут проводить свои социалистические эксперименты"⁷. Другой тип - это рабочая партия, действующая на основе "европейских начал социал-демократии". Симпатии Ковалевского вызывали такие деятели западной социал-демократии, как Жорес, Вандервельде, Фольмар. В русской действительности социал-демократическую партию такого типа он видел в меньшевиках, которые ступили на почву "трезвого реализма". Его особые симпатии вызывал Г.В. Плеханов. Европейский опыт подсказывал Ковалевскому идею о необходимости создания "левого блока" либерализма и реформистской социал-демократии, от чего, как он считал, будет зависеть будущее российского общественного развития.

Сквозь призму западного опыта Ковалевский рассматривал и проблемы аграрных преобразований в России. Особенно отчетливо его позиция проявлялась в связи со столыпинской аграрной реформой. Ковалевский не был безусловным сторонником сохранения крестьянской общины; наоборот, он высказывался за свободный выход из нее. Однако его беспокоили перспективы разрушения "сельской земельной общины и семейной собственности". Одна из таких перспектив была связана с опасностью быстрого перехода крестьянской земли в руки крупных земельных собственников, концентрацией земельной собственности на одном полюсе и массовой пролетаризацией крестьянства - на другом. А это может бросить массы пролетаризирующихся крестьян в объятия промышленного пролетариата. Вот почему Ковалевский выступал против столыпинской аграрной реформы.

В заключение отметим, что социально-политические идеи Ковалевского были ориентированы на либерально-демократическое

реформирование России с целью превращения ее в конституционное, правовое, демократическое, а в чем-то и в социальное государство. И хотя возможности такой общественной альтернативы были прерваны в 1917 г., многие идеи Ковалевского находят отзвук и в наши дни.

¹ Подробнее см. об этом: Мяков Г.П. Русская историческая школа: методологические и идеолого-политические позиции. Казань, 1988. Гл. III.

² Ковалевский М.М. Теория заимствования. Тарды. М., 1903. С.13.

³ Он же. Современные социологи. СПб., 1905. С.37.

⁴ Он же. Происхождение современной демократии. М., 1895-1897. Т.2. С.490.

⁵ Он же. Критика западных конституций// Вестник Европы. 1886. № 5. С.201.

⁶ Он же. История монархии и монархических доктрин. СПб., 1912. С.122.

⁷ Он же. Учредительное собрание или парламент// Страна. 1906. № 8.

Н.Р.Голубев
Пермская фармацевтика

ВЗГЛЯДЫ Н.Х.ОЗЕРОВА НА РЕФОРМЫ

Реформа и революция - две наиболее обсуждаемые проблемы в конце XIX - начале XX в. в России. Идеи и взгляды российских революционеров нам, в той или иной мере, известны, чего не скажешь о тех, кто придерживался эволюционного пути развития. В последнее время наметились некоторые сдвиги в этом направлении и российская общественность смогла получить определенное представление о российских реформаторах конца XIX - начала XX в. Заметным явлением стали международные конференции, проходившие в Перми, в особенности конференция, посвященная 125-летию П.Б.Струве (май 1995 г.).

Однако сделано в этом направлении еще очень мало, что не позволяет нам составить более или менее цельное представление о взглядах различных общественно-политических сил России конца XIX - начала XX вв. по животрепещущим вопросам, которые вновь встали перед россиянами в настоящее время. Большой интерес в связи с этим представляют взгляды известного ученого, государственного деятеля Н.Х.Озерова. Профессор, член Государственного совета Н.Х.Озеров был назван современниками "потомком экономического творчества, пламенным проповедником экономического ренессанса". Действительно, во всех его публикациях, выступлениях сквозит идея созидания, творчества через радикальное реформирование всех сторон российского общества и государства.

Н.Х.Озеров неоднократно подчеркивал, что он является сторонником "перевода России из стадии натурального хозяйства в денежное"¹, сторонников золотого рубля, умеренного протекционизма, превращения России в индустриально-аграрную страну и т.п. Осуществление этого, по его мнению, необходимо для того, чтобы Россия перестала впадать в жалкое существование, периодически испытывать голод, что во многом обусловлено аграрным характером ее экономики. Н.Х.Озерова беспокоило то, что российская промышленность на рубеже веков, как он считал, развивается за счет занятых на Западе капиталов, поддерживается искусственными мерами

посредством перераспределения бюджета, формируемого за счет сельского населения, в то время как на Западе это происходит за счет городского населения, за счет самой промышленности.

Отсюда не случайно ставилась задача превращения России в промышленную страну, что настоятельно требовалось и по причине все большего упадка сельского хозяйства. И.Х.Озеров отмечал необходимость проведения целого комплекса реформ, которые бы позволили России развивать свою экономику, крупную промышленность естественным, а не искусственным путем. Главными условиями развития крупной промышленности, по его мнению, были: 1) большой, емкий внутренний рынок; 2) интеллигентный рабочий. Гармонизация между различными сферами и отраслями производства, между различными социальными, классовыми и политическими силами - вот к чему должно стремиться и чего должно достичь общество, - считал И.Х.Озеров.

Идея социализации рыночных отношений является сквозной в его рассуждениях. Критикуя правительство за перенесение с Запада готовых экземпляров крупной промышленности, И.Х.Озеров в то же время не переставал обращать внимание на необходимость изменения отношения к рабочему классу со стороны предпринимателей и самого правительства. Безудержная погоня за сверхприбылью в конечном итоге может обернуться против предпринимателя, против правительства, - предупреждал И.Х.Озеров.

Говоря о родах нового строя в России, И.Х.Озеров призывал не ждать их окончания, а участвовать в этом, облегчать эти роды, в частности, и через социализацию. "В XX век разные страны переходят с неодинаковой психологией и потому пьесы будут разыгрываться с различными вариациями", - писал И.Х.Озеров². С разной психологией входили в XX в. и социальные слои, и классы российского общества. Задача состояла в том, чтобы влиять и направлять социальное творчество, причем сделать это следовало лучше, чем другие группы, - подчеркивал И.Х.Озеров. Помочь овладеть социальным подходом реформаторам может и наука, - считал И.Х.Озеров, давая определенные советы предпринимателям, которые, к сожалению, не были вовремя услышаны и востребованы.

И.Х.Озеров видел возможные парадигмы дальнейшего развития России в XX в. - революционную и реформистскую, эволюционную. Будучи сторонником последней, он писал: "... не с ясным и синим небом, не с прозрачным воздухом восходит над человечеством заря XX века, нет, перед нами не ясные и веселые, а скорее мрачные контуры будущего: зловещие, черные тучи собираются над головой несчастного человека. Рассеется эта туча или разразится, мы не можем сказать."³ Казалось бы, пессимизм, неверие в реформы сквозит в рассуждениях И.Х.Озерова, однако, в действительности здесь больше трезвого, научного прогноза, с которым обращался к обществу ученый и государственный деятель.

Революцию незачем ждать, незачем с ней бороться путем репрессий, - считал он, - революцию надо предупреждать комплексной реформой, которая должна дать ощутимые результаты простому человеку. Из того спора, который шел в России о том, что следует дать человеку - свободу или улучшение его материального и экономического положения, - И.Х.Озеров,

на наш взгляд, несомненно, отвечал в пользу последнего. Безусловно, он видел необходимость сочетания того и другого, но в тогдашних условиях российской реальности, когда самодержавие во многом являлось политической декларативностью, И.Х.Озеров понимал, что затягивание с реформами в конечном итоге отразится на предпринимателях, на либералах, отодвинет реформаторов и усилит позиции революционеров.

Касаясь животрепещущей для России проблемы - аграрного вопроса, И.Х.Озеров заметил: "... много прольется драгоценной крови, если не решаться "посягнуть на принцип частной собственности", притом, я, повторяю, говорю только о возмездном выкупе, следовательно, здесь едва ли даже применимо понятие посягательства на частную собственность, так как вопрос идет только о б о б м е н е о д н о г о в и д а и м у щ е с т в а (недвижимости - земли) н а д р у г о й (денежный капитал - процентные бумаги)." ⁴ Будучи рыночником, приверженцем частной собственности, И.Х.Озеров отмечал необходимость вмешательства государства в ход реформ, что могло не вполне отвечать интересам некоторых конкретных предпринимателей, но позволяло сохранить систему, рынок, рыночные отношения, частную собственность, продолжить реформы. Именно поэтому он настаивал на необходимости приведения в соответствие с действительностью устаревшего рабочего законодательства, повысить зарплату, разрешить создавать рабочие союзы как условия для прогресса промышленности, а следовательно, общества.

Социализация, как одно из условий успешности реформ, была необходима и потому, - писал И.Х.Озеров, - что в начале XX в. люди опять, как дети, начинают опьяняться утопиями. Историческая ситуация сегодня повторяется и опыт истории следует учесть, чтобы люди вновь не "опьянились" очередной утопией.

¹ Озеров И.Х. Экономическая Россия и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века. М., 1905. С. У11.

² Он же. Итоги экономического развития XIX века. Спб., 1902. С. 28.

³ Там же. С. 55.

⁴ Озеров И.Х. Земельный вопрос в России. М., 1906. С.46-47.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ XIX В.

Изучение истории отечественной общественной мысли прошлого столетия породило печальную традицию. Русский либерализм и консерватизм не включались в научную систему координат и либо отвергались учеными, либо, за редким исключением, рассматривались поверхностно и политизированно. В настоящее время ситуация меняется. И сразу же исследователь столкнулся с существенными трудностями. Отсутствие систематического изучения консервативной и либеральной традиций не позволило создать банк данных, интересных исследовательских гипотез и концепций. До сих пор у нас предпочитают издавать труды мыслителей прошлого столетия, которых мы относили к различным течениям общественной мысли. При этом до сих пор нет обобщающих работ по истории русского консерватизма и либерализма, все еще продолжается процесс поиска, обработки и осмысления материала отечественными специалистами.

Обратимся к имеющимся исследовательским проблемам по заявленной теме. Во-первых, можем ли мы сказать, что в XIX столетии в отечественной общественной мысли утвердился либеральная традиция? Если да, то кто являлся ее носителем, какой был механизм трансляции основных идей от поколения к поколению, то есть механизм сохранения и преемственности традиций? Дело в том, что очень сложно представить себе целостную картину развития либерализма в России применительно к прошлому веку. По обыкновению, либеральными объявляются взгляды западников (Т.Н.Грановского, К.Д.Кавелина, Б.Н.Чичерина и др.), а также идеи и деятельность представителей земского либерализма. Но только ли с ними связана история целого течения общественной мысли и политической практики? И, в случае утвердительного ответа, насколько корректно говорить о традиции?

Во-вторых, кто находился у истоков русского либерализма и когда происходило утверждение традиции? Очевидно, что речь идет о рубеже XVIII и XIX вв., когда появились и сформировались различные течения в отечественной общественной мысли. Это связано с формированием идейного арсенала, в том числе и либерализма. Однако русский либерализм возникает значительно позже. В начале XIX столетия в Россию проникают с Запада либеральные идеи, взгляды, теории. Частично они были восприняты некоторыми сановниками при дворе Александра I (не исключая самого императора). В гораздо большей степени философия реформаторства предназначалась российской бюрократии, чиновничеству, которые только-только обособлялись в отдельную социальную группу. Но среди блестящих

чиновников эпохи Александра I можно упомянуть лишь одно имя - М.М.Сперанский. Значительно позже, уже при подготовке великих реформ 60-70-х гг. XIX в. сформировалась та либеральная бюрократия, которая и сыграла одну из самых важных ролей в осуществлении преобразований. И все же был в первой четверти XIX столетия эпизод, когда либеральная мысль оказалась востребованной. В данном случае имеется в виду декабристское движение. Программные документы декабристов позволяют отнести их к представителям формировавшейся либеральной традиции. Тем не менее, вряд ли можно утверждать, что генезис русского либерализма относится к первой половине 20-х гг. прошлого века. Требовалось переработать западноевропейский опыт и адаптировать его к национальным условиям. Этот процесс происходил в России в 30-50-е гг. XIX столетия. Он прочно связан с именами П.Я.Чаадаева, Т.Н.Грановского, К.Д.Кавелина, Б.Н.Чичерина... Результатом их размышлений стали многочисленные научные труды, в которых авторы с либеральных позиций рассматривали историю России, ее современное состояние и исторические перспективы. Вот, к примеру, перед нами один из вариантов сугубо исторического объяснения своеобразия русского либерализма: "Так сначала в государственной сфере происходит отрицание исключительно кровного, семейного начала, последнего, самого ограниченного круга кровного союза и кровных отношений. На сцену действия выступает личность. Она не произвольно выходит из кровного союза, ставит себя выше семьи: она отрицает их во имя идеи, и эта идея - государство. Появление государства было вместе и освобождением от исключительно кровного быта, началом самостоятельного существования личности, следовательно, началом гражданского, юридического, на мысли и нравственных интересах, а не на одном родстве основанного, общественного быта".¹

В-третьих, в научной литературе отсутствует подробное описание истории русской либеральной мысли в XIX столетии. Это обстоятельство, в свою очередь, мешает исследовать проблему ее эволюции. Несомненно, что после периода знакомства с классическими идеями европейского либерализма наступил этап национальной рефлексии, результатом которого стало появления "западнического" течения в отечественной общественной мысли. Следует отметить, что термины "западничество" и "славянофильство" малосодержательны и неточны. Намного плодотворнее с научной точки зрения воспользоваться традиционным делением общественной мысли на радикальное, либеральное и консервативное течение. В 1830-50-е гг. русские либералы создали достаточно стройную концепцию российского либерализма, опираясь на своеобразие национального исторического пути развития и достижения западноевропейской мысли. Как происходил данный процесс? Ответ на этот вопрос потребует самых серьезных усилий отечественных ученых и специалистов. Несравненно лучше изучена история либерального движения (земский либерализм) в России во второй половине XIX в. Однако развитию мысли в рамках названного движения не уделялось необходимого внимания.

В-четвертых, русский либерализм не был однородным. В нем можно выделить разные направления. Более радикальные позиции занимали декабристы. Вряд ли следует выводить декабризм как течение мысли и декабристское движение за рамки либерального лагеря. В этой связи чаще всего обсуждаются рецепты преобразований России, предложенные участниками известных событий 14 декабря 1825 г. Однако, если вспомнить, то даже царевубийство входило в арсенал действий придворных заговорщиков на протяжении всего XVIII и начала XIX в. Поэтому самые решительные предложения членов "Северного" и "Южного" обществ не имели ничего общего с революционным вариантом переустройства российского общества. Постепенно к концу XIX столетия оформляется и либерально-консервативное направление. Сказалось влияние некоторых высших сановников в окружении императоров Александра I, Николая I и Александра II. Именно они (М.М.Сперанский, П.Д.Киселев, П.А.Валуев, М.Т.Лорис-Меликов и др.) предложили проекты преобразований различных сфер общественных отношений. Появились и те, кто был в состоянии осуществить задуманное - либеральная бюрократия. Именно власть на протяжении всего XIX в. инициировала процесс становления и развития либерально-консервативного течения в русском либерализме. Наконец, в центре либерального спектра находились идеологи отечественного либерализма, более известные в истории как "западники". Их деятельность в этом аспекте заслуживает пристального внимания исследователя. Дело в том, что до сих пор остается невыясненным как происходил процесс восприятия европейского либерального наследия, как формировался идейный арсенал русского либерализма. Вряд ли мы сможем уйти от столь важных вопросов отечественной истории.

---

¹ Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт Древней России: Собрание сочинений. СПб., 1897. Т.1. С.45.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ И РОССИЙСКИЕ РЕФОРМЫ

Одна из главных проблем, с которыми столкнулось российское общество при реализации реформ, - различное понимание сути и направления реформ со стороны различных политических сил. И если одни выступают за последовательное претворение в жизнь реформ, имея в виду установление представительной демократии и введение механизмов рыночной экономики, - к ним можно отнести сегодня тех, кто причисляет себя к сторонникам консерватизма и либерализма, то другие стремятся завернуть российский корабль во времена командно-распределительной экономики и системы Советов, за которыми стояла реальная власть одной единственной партии. Среди этих людей есть и те, кто хотел бы каким-то образом соединить рыночные отношения с государственным планированием и кто научился выговаривать понятие "политический плюрализм". Но к чему приводит попытка скрестить большевистский догматизм с элементами рыночной экономики, показала судьба новой экономической политики, проводившейся в 20-е гг.

Так или иначе, сегодня мы являемся свидетелями своеобразной ситуации. У штурвала российского корабля, если вновь прибегнуть к этому образному сравнению, стоят, пусть и непоследовательные, сторонники реформистского курса, а между тем в трюмах и на палубе уже забегали новые персонажи, готовясь легитимным образом, точно так же, как Гитлер в 1933 г., забрать штурвал в свои руки и круто завернуть в "застойные воды".

Удастся ли этот маневр, ответа ждать долго не приходится. Осталось меньше месяца. И размышляя сегодня о судьбах российских реформ, мы не можем упускать из вида этого принципиального, я бы сказал, судьбоносного обстоятельства. 16 июня мы не просто выбираем одного из кандидатов в президенты, мы выбираем ту или иную систему с совершенно различным подходом к самой сути реформ.

Но будем следовать по старинной русской пословице: "Готовься к худшему, надейся на лучшее". Хочется верить, что российское общество не упустит второй исторический шанс стать подлинно демократическим. И исходя из этого, на мой взгляд, очень вероятного предположения, я постараюсь изложить свое понимание сути российских реформ с позиций российских социал-демократов, к которым я принадлежу прежде всего по убеждениям.

Рассмотрение этой темы мне кажется важным прежде всего по следующей причине. Игнорирование социал-демократического опыта экономического и социального реформирования, которое продемонстрировала команда Ельцина, особенно в 1992-1993 гг., да и позже,

и явилось одной из главных причин оживления деятельности коммунистов. Гайдар и его сторонники, прибегнув к методам жестких экономических реформ и имея перед глазами относительно успешный опыт "шоковой терапии" в той же Чехии, Польше или Венгрии, не учли целый ряд важных обстоятельств: почти полное отсутствие навыка действовать по законам рынка и, что весьма существенно, ментальность населения, приученного тремя поколениями жить в условиях режима, где за тебя все решает начальство - ближнее и дальнее и где, пусть и плохо, но функционировала система социальной защищенности. Необходим был более мягкий вариант вхождения в рынок, на базе учета социальной ментальности населения. Словом, все то, что сейчас пытается учитывать Ельцин, исходя, к сожалению, прежде всего из предвыборных соображений.

Но сводить деятельность социал-демократов только к требованию социальных выплат - это значит упрощать суть и принципы движения, которое в организационном плане берет начало от Всегерманского рабочего союза Ф.Лассалья, основанного в 1863 г. Упомяну общеизвестные, по почему-то упускаемые из вида социал-демократические истины. Вступив в середине прошлого века в этап бурного капиталистического развития, промышленные страны столкнулись с необходимостью каким-то образом решать проблему взаимоотношений между предпринимателями и наемными работниками, число которых росло и социальное положение которых было крайне тяжелым. Как поступать рабочим? Как защищать свои права? Совет со стороны тогдашних радикалов - принципиально менять общественный строй путем революционного переворота. Житейский ответ, который вызревал в среде самих рабочих, - надо как-то миром договариваться с предпринимателями, подключая к этому делу и государство. Только путем договорных отношений, только путем установления консенсуса в рамках существующих противоречивых интересов можно добиться улучшения положения трудящегося населения без крови, без насилия, без ненужных жертв. Так родился социал-демократический реформизм, благодаря которому открылась возможность постепенно повышать уровень жизни населения, расширять область социальных и политических прав. С тех пор сам принцип реформ взят на вооружение всеми политическими силами, кто намерен действовать по честным правилам представительной демократии. Отсюда вывод: реформа и социал-демократия - близнецы-братья, как говорил известный поэт.

Другой важный признак социал-демократии - отношение к государству. В этом вопросе социал-демократы еще в середине прошлого века оказались зажатыми как бы с двух сторон. Либералы и консерваторы говорили: "как можно меньше государства", отводя ему роль "ночного сторожа". Коммунистические интеллектуалы полагали, что государство следует уничтожить как орган насилия, как орудие господства имущего класса над всеми остальными. Известен спор по этому поводу между Марксом и Лассалем. Лассаль считал, что сам институт государства есть порождение человеческой цивилизации, и его надо не уничтожать, а улучшать с тем, чтобы оно служило всему обществу. Именно этим путем и

пошли социал-демократы, к этому приучали и других, в том числе и либералов. Без государственной политики сегодня не обходится ни одно общество цивилизованного мира. Спор идет лишь о масштабах вмешательства. Это обстоятельство дало основание европейскому либералу Ральфу Дарендорфу утверждать, что весь XX век в Европе был по своей сути социал-демократическим.

Но тот же Дарендорф полагает, что, отработав политику реформ и механизмы их реализации, в том числе и через государство, социал-демократия тем самым сыграла свою роль и, следовательно, исчерпала себя. Германский либерал, при всей его компетентности, однако упустил из виду еще один важный момент в деятельности социал-демократии. Это движение с самого начала вдохновлялось нравственным побуждением добиваться как можно больше справедливости в обществе, как можно больше очеловечивать отношения между людьми. Одно время социал-демократы полагали, что все это можно осуществить в рамках концепции социализма, предложенной Марксом. Но еще на пороге XX в. (Бернштейн) засомневались в прогнозах Маркса. Когда же увидели, чем обернулся социалистический эксперимент в Советском Союзе, убедились окончательно, что якобы теоретически обоснованные социалистические намерения ведут в ад тоталитаризма. Но от мечты, от возможности двигаться в сторону социальной демократии не отказались, руководствуясь теми же нравственными побуждениями, что и середине прошлого века, действуя, однако, в принципиально новой обстановке. Важно понять, что техника социал-демократического реформирования, оторванная от принципов нравственности, вырождается в голый прагматизм и в конечном итоге поступающая таким образом партия просто вырождается. Красноречивый тому пример: социалистическая партия Италии с ее столетней историей утратила было политическое влияние и авторитет после того, как доверила руководство нечистоплотному политикану Кракси, который сейчас прячется где-то на заморской вилле от рук итальянского правосудия.

Таковы три основные максимы, три составляющие социал-демократии. Подходят ли они нам? Созрела ли Россия для политики социал-демократического реформирования? Распространено мнение, что социал-демократия не про нас. Один из свежих примеров - статья генерала Лебедева в газете "Известия" накануне президентских выборов (25.04.96). Он так и пишет: "Социал-демократия - это вообще, извините, не для нашего климата. Она немного больше. И всякую трескотню про "шведские модели" я бы посоветовал всерьез не принимать". Полагаю, что боевой генерал не разобрался в сути дела. К одним "шведским моделям" социал-демократия не сводится. И то, что Россия не готова к восприятию социал-демократического опыта сейчас, еще не значит, что этот опыт для нее принципиально неприемлем.

В чем же он может быть полезен России? Прежде всего в осмыслении происшедшего в нашей стране и в определении ориентиров дальнейшего движения.

Выше отмечалось, что социал-демократы вначале поверили в необходимость обобществления средств производства с целью устройства справедливого общества. Требование обобществления переходило из одной программы в другую. И только после второй мировой войны отношение к обобществлению меняется. Точно так же, как меняется отношение к рыночным механизмам, действующим на основе частной собственности. Годесбергская программа СДПГ 1959 г. закрепила этот подход. Хотя отметим, ради объективности, что французские социалисты шли под лозунгом обобществления на выборы 1980 г. и даже победили, после чего национализировали ряд крупных предприятий и банков. Дальнейшие события показали, что этот эксперимент не оказался успешным. Так или иначе, социал-демократы на основе учета практики в этой области пришли к выводу, что рыночная экономика, в отличие от командно-распределительной, доказывает свою эффективность. Но на определенных условиях. Должны в полную силу работать механизмы конкуренции, сама экономика должна носить социальную направленность. При этом допустимо огосударствление тех отраслей, которые служат интересам всего общества - транспорт, полезные ископаемые, энергетика.

Применительно к России это означает, что при осуществлении экономических реформ должен быть выстроен разумный, научно обоснованный баланс между частными предприятиями и огосударствленными, действующими также по правилам рыночной экономики. Разве предосудительно посмотреть, как это делается в других странах, где социал-демократы правили или правят много лет?

В этой связи другая проблема: как влиять на всю эту совокупность экономических субъектов. Давать приказ из центра или косвенно воздействовать, выступая в роли тонкого дирижера, умело управляющего оркестром, состоящим из множества музыкантов? Мы знаем точку зрения либералов: как можно меньше вмешательства со стороны государства. И знаем точку зрения социал-демократов - без государственного вмешательства не обойтись, особенно в кризисных ситуациях. Кстати, те же шведские социал-демократы поступали таким образом еще до рекомендаций, выработанных Кейнсом, и до того, как к принципам кейнсианства обратился американский президент Рузвельт в своей известной программе "Новый курс". Мы знаем, что в 80-е гг. кейнсианству были противопоставлены монетаристские подходы в экономике. Горячими сторонниками этих подходов были Рейган и Тэтчер. Но даже они не смогли отказаться от государственного вмешательства полностью. Для России опыт противоборства двух подходов также чрезвычайно полезен, ибо позволяет выявить границы оптимального государственного вмешательства в экономику.

В процессе разгосударствления российской экономики мы столкнулись с еще одним проявлением, где опыт социал-демократов оказался также чрезвычайно полезен. Работники предприятий получили возможность стать совладельцами этих предприятий на основе владения акциями. К сожалению, большинство работающих на этих предприятиях не было готово стать

собственниками акций ни психологически, ни практически. В результате контрольный пакет акций постепенно перешел в руки директората, лиц, примыкающих к директорскому корпусу. И мы сегодня имеем парадоксальную ситуацию: благое намерение сделать всех совладельцами выродилось в формирование новой прослойки собственников, прикрывающихся интересами предприятия, а на деле устранивающих свои личные дела.

Как могло произойти такое? По разным причинам. Но прежде всего по той причине, что за минувшие годы существования однопартийного режима рабочих полностью отучили от навыков соучастия в управлении предприятиями. Даже выбрать бригадира в цехе представлялось проблемой. А профсоюзы играли роль "приводного ремня". Вот почему многие называли себя в то время не рабочими, а работягами.

Вот этих "работяг" и обвели вокруг пальца представители администрации предприятий, которые ловко сумели "словить момент". Хорошо помню, как знаток рабочего движения Л.Гордон метался между Москвой и Кузбасом, стремясь подсказать шахтерам, как лучше отстаивать их интересы. Но что могли сделать одиночки-энтузиасты. Отсутствовала продуманная государственная политика, которая смогла бы воспрепятствовать всем этим негативным процессам.

Положение остается критическим и по сей день. Перед угрозой безработицы рабочие и служащие согласны идти на любые условия, чтобы поддержать свое существование. Красноречивый тому пример - фармацевтические предприятия, владельцем которых является В.Брынцалов, купивший 90 процентов всех акций (Известия. 1996. 30 апр.). Люди зарабатывают на его предприятиях прилично. Вполне приемлемы условия их работы. Но они полностью бесправны. Более того, именно Брынцалов избран председателем профсоюзной организации. Этот пример, как и многие другие, показывает, что существуют две крайности. Одна - когда выборные лица от имени коллектива предприятия мешают талантливым менеджерам успешно вести дело, преследуя только сиюминутные выгоды. Другая - предприниматели держат в полном подчинении работающих. Необходим оптимальный вариант. Именно такой вариант - не одно десятилетие выработывают европейские социал-демократы. Неужто и этот опыт нам не полезен? Ведь очевидно: экономика будет развиваться успешно, если в реформах будут учтены такие принципиально важные моменты, как соучастие в управлении и соучастие во владении. Материал для осмысления дает практика глазной клиники Святослава Федорова, где введен принцип коллективного совладения с учетом вклада каждого. В какой степени и в каком виде этот принцип может быть распространен на предприятия с другим характером деятельности: и с более сложными хозяйственными связями? Вопросов много. Но в любом случае необходима стройная концепция демократии на производстве.

Демократия на производстве является составной частью общедемократического процесса. Между тем как политическая реформа, осуществленная в России, носила и продолжает носить верхушечный

характер. Основной недостаток, на мой взгляд, в том, что представительные органы власти действуют на основе волеизъявления людей, совершенно не подготовленных к тому, чтобы своим решением на выборах брать свою долю ответственности за происходящее в стране на самых разных уровнях и делать соответствующий выбор. Во время однопартийного режима население было глубоко убеждено в том, что так называемые "выборы" носят показушный характер и от них ничего не зависит. Все решали обкомы и райкомы, кому быть депутатом, кому нет. Десятилетиями в народе формировалась психология социальной и политической индифферентности. И хотя огромные массы с начала 20-х гг. приобщались к основам грамотности и писали на доске "мы не рабы - рабы не мы", на самом деле они, даже получив среднее и высшее образование, представляли собой своеобразный тип поведения, где общечеловеческие добродетели своеобразно сочетались с такими качествами, как страх, послушание, социальное иждивенчество, цинизм. И вот всем эти людям, не объяснив толком, в чем принципиально иная сущность демократической системы, как она функционирует, почему в ней вместо одной - несколько партий, и какая роль отводится в ней простым гражданам, предложили идти на избирательный участок и выбирать между представителями разных политических группировок, о которых они понятия не имели. То обстоятельство, что за демагога-популиста на выборах в Государственную Думу в 1993 г. проголосовал каждый пятый, пришедший на выборы, а на выборах в 1995 г. - каждый десятый, показывает, как много в российском обществе людей, дезориентированных в социальном и политическом плане. Но ведь и от них зависит судьба российской демократии.

Здесь я вновь обращаюсь к опыту европейской социал-демократии. Они - против узконаправленной партийной пропаганды, они за то, чтобы государство брало на себя задачу демократического и культурного просвещения населения. В той же Германии, где демократия укоренена достаточно глубоко, до сих пор существует Федеральный центр политического просвещения, издающий популярную литературу и рассылающий ее в разные концы страны. В этом же направлении действуют всевозможные фонды, финансируемые государством, в том числе и Фонд им.Фридриха Эберта. Этот опыт у нас совершенно не учтен. Между тем, начав действовать по правилам демократии, соответствующие организации, и прежде всего правительство, просто были обязаны создать широкомасштабную программу демократического просвещения, включив в нее написание учебников, популярных брошюр, да и просто создание "домов демократии" (хотя бы на месте бывших райкомов), где подготовленные специалисты могли бы доходчиво объяснить всем желающим, зачем нужна России демократия.

Осмысливая совокупность экономических и политических реформ, мы поставлены перед необходимостью ответить на главный вопрос: чему они должны содействовать, какому направлению дальнейшего движения, избранного российским обществом. Ответ на этот вопрос был достаточно ясен после подавления путча в августе 1991 г.: двигаться в сторону

реализации общечеловеческих ценностей и тем самым становиться частью общедемократического мирового сообщества. Ныне само понятие "общечеловеческие ценности" почти исчезло из лексикона ведущих политиков, начиная с самого президента. И, напротив, все больше говорят о необходимости сохранения статуса великой державы, о сильном государстве, об особом пути России. Но это означает, что по-иному интерпретируется само содержание задуманных реформ. Если, к примеру, в начале президентства Ельцина было принято говорить о необходимости радикальной реформы армии - введение поста штатского министра обороны, создание профессиональной немногочисленной, но хорошо обученной и технически оснащенной армии, то теперь об этом предпочитают не упоминать. Ничем не обоснованная, на мой взгляд, шумиха вокруг вопроса о расширении НАТО затеяна с тем, чтобы вновь воссоздать в стране атмосферу осажденной крепости и под это дело сохранить численность вооруженных сил, объем поставок вооружений. Ибо только в кошмарном сне можно себе представить, что 16 демократических стран НАТО способны начать по своей инициативе боевые действия против России. Но это означает, что страна, которая несла на себе все эти десятилетия тяжкое бремя вооружений и тем самым лишила себя возможности создавать хотя бы приемлемый уровень жизни, возвращается на старый путь, бросая скудные средства в военную топку и лишая возможности реформировать такие жизненно важные области, как образование, наука, культура, здравоохранение.

То же касается и темы "сильного государства". В чем сила такого государства? Напомню, что при вступлении на пост президента Б.Н.Ельцин произнес историческую по своему значению фразу: если раньше человек служил государству, то отныне государство будет служить человеку. Сформулирована совершенно новая для России политическая философия. Совершен поворот в сторону подлинно гражданского общества, которое веками находилось в подавленном состоянии. Из такой постановки вопроса вытекает, что государство сильно, в первую очередь, не числом ракет и атомных боеголовок, но способностью ответить на подлинные нужды общества, создать условия для подъема благосостояния и обеспечения свободы и достоинства человеческой личности. Это тем более важно для общества, которое после эксперимента существования в однопартийном режиме выходит из него в крайне ослабленном состоянии - и физически, и духовно. Но что же мы видим на деле? Кто вспоминает это ключевое положение в президентской клятве Б.Н.Ельцина? Усилия и оскудевшие ресурсы тратятся на то, чтобы показать: мы были, есть и будем великой державой, которую должно уважать, а если надо, - то и бояться. Находятся такие политики, которые призывают вернуться к двухполюсности мира, полагая, что вторым таким полюсом вновь будет Россия.

Как же получилось так, что буквально за считанные годы от курса на общечеловеческие ценности съехали на курс великодержавности? какие причины в такой перемене сыграли свою роль? Одну из этих причин я лично вижу в том, что на политической сцене вновь появились политики старой, читай, большевистской школы мышления, оттесняя демократов и

реформаторов. Они и в окружении Ельцина, они же доминируют в группировке, поддерживающей Зюганова. Все они вышли из одной и той же коммунистической шинели, одни раньше, другие позже, одни успели войти в структуру новой власти, другие опоздали.

И все же констатируя этот очевидный, на мой взгляд, факт, я не могу не учитывать одного существенного обстоятельства: при всех ошибках, просчетах и даже роковых промахах, если вспомнить трагедию Чечни, Ельцин продолжает оставаться пусть и непоследовательным, но сторонником демократических реформ, тогда как его оппоненты из стана необольшевиков намерены повернуть назад. И перед теми, кто причисляет себя к социал-демократам, встает непростая задача: решить для себя - кому же оказывать поддержку, за кого голосовать на президентских выборах. Чувство ответственности за судьбы России, понимание того, что только в условиях демократии смогут реализовать себя политические силы любой окраски, в том числе и социал-демократы, подсказывает мне, что следует голосовать за Ельцина.

При этом я исхожу из того, что 16 июня политическая история России не кончается. И если сохранит свое президентское кресло Ельцин, ему надлежит со всей ясностью сказать: раздача предвыборных социальных пряников - это еще не социальная политика; почет и уважение в мире как подлинно великая держава Россия завоеует не наращиванием вооружений и угрозой соседям, а способностью откликаться на нужды и чаяния собственных граждан, на проблемы человеческого сообщества, которых становится все больше и больше; место узко трактуемой геополитики должна занимать политика общечеловеческой солидарности.

Однако голос социал-демократов России будет услышан лишь в том случае, если они превратятся в достаточно влиятельную силу. Ныне по числу партий и группировок социалистической и социал-демократической ориентации Россия первенствует в мире. Их более десятка. Трудно сказать, когда это количество перейдет в новое качество. Но то, что это должно произойти, для меня совершенно очевидно. И по одной простой причине - в проведении реформ в России без социал-демократического опыта просто не обойтись.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

1. Можно явственно различить две противоположные тенденции в развитии промышленных (трудовых отношений) в России¹, которые действуют до настоящего времени и, по всей вероятности, сохранятся в обозримом будущем. Это, с одной стороны, - движение к еще более авторитарному правлению менеджеров и хозяев предприятий; с другой стороны - тенденция к большей демократичности этих отношений.

2. На первую тенденцию работают такие факторы:

- экономический спад и мучительная перестройка, реконструкция экономики, которые, наряду с другими обстоятельствами, делают работников во многом беспомощными и запуганными;

- отсутствие политической воли государственного руководства по обеспечению демократизации сферы труда (труда по найму);

- слабость по ряду очевидных причин профсоюзного движения, его раздробленность, включая политическую, в том числе внутри ФНПР;

- изменение формы (точнее, типа) собственности и модели управления: на большинстве чисто частных предприятий профсоюзов нет, коллективные договоры не заключаются и т.п., власть хозяина неограниченна; в значительной мере то же имеет место на приватизированных и на государственных предприятиях; отсутствие какого-либо механизма демократического контроля (при исчезновении существовавших в советской системе элементов внешнего контроля, отчасти квазидемократического) обуславливает дальнейшее движение в названном направлении;

- попытки ухудшения трудового законодательства (по линии "меморандума Каданникова" 2-3 года назад).

3. Но ряд факторов работает на противоположную тенденцию:

- раскрепощение рабочих в ходе перестройки, "дух свободы" конца 80-х - самого начала 90-х гг., прежние опыты того времени с "промышленной демократией", какие-то следы подобных мероприятий, сохранившиеся в сознании масс;

- ослабление и неиспользование аппарата политических репрессий;

- существование новых, независимых профсоюзов, меняющих или стремящихся изменить характер трудовых отношений;

- весьма неравномерные, но важные сдвиги в старых профсоюзах - от "квазипрофсоюзов" к "полупрофсоюзам", по выражению Л.Гордона, - и перспектива дальнейшего развития (причем меру сдвигов мы не знаем, так как ФНРП не изучали);

- оглядка правящих кругов на Запад, необходимость считаться с положениями демократических конвенций МОТ;

- постепенное становление ассоциаций нанимателей, при том, что такие организации нередко действовали на Западе, и, возможно, будут действовать у нас в сторону ограничения "крайностей" отдельных предпринимателей и, наоборот, способствовали распространению опыта более либеральных и гуманных.

4. На то, как и насколько эффективно будут действовать перечисленные выше факторы, очень сильно - и по-разному - будет влиять экономическое положение страны. Продолжение упадка или "стабилизации" (стагнация) будут способствовать ослаблению рабочих и профсоюзов: усилению авторитаризма в промышленных отношениях. Напротив, подъем экономики укрепит занятость, повысит доходы работников и в целом будет способствовать повышению их самооценки, уверенности в себе и боевого духа. Все это будет работать на большую "равновесность" и демократичность промышленных отношений.

5. Однако не только экономическое, но и политическое развитие будет в огромной мере влиять на изменение промышленных отношений. (Предстоящие президентские выборы имеют немалое значение и с этой точки зрения). Усиление в политической системе авторитаризма - "ельцинского" либо "зюгановского" типа - может серьезно сдвинуть промышленные отношения назад, к возрождению "советской" модели, при этом усилив авторитаризм менеджеров. Другой вариант - активизация профсоюзов, усиление их защитных действий, при психологической подавленности членов, учитывая характер профсоюзных кадров, представляется маловероятным. Тем более, что в обоих вариантах (и "ельцинском", и "зюгановском") вполне вероятно "сдача позиций верхушкой ФНРП "на милость победителя", что неизбежно усилит разного рода отрицательные явления в профсоюзах сверху донизу.

6. Победа Ельцина на выборах и сохранение нынешнего двойственного характера политического режима (что также не исключено) может вести не только к стагнации и явлениям распада в системе трудовых отношений, но и к возобновлению очень медленного и неравномерного их движения в сторону демократизации. Последнее может стимулироваться такими причинами, как накопление опыта профсоюзами, известная "цивилизованность" нанимателей, продолжающееся воздействие Запада.

7. Наконец, изменение нынешнего политического режима в сторону демократизации, которое представляется маловероятным в ближайшие годы, но может произойти в дальнейшем, скорее всего послужит демократизации и трудовых отношений. В свою очередь активизация профсоюзов, если это будет иметь место, окажет благотворное влияние не только на характер промышленных отношений, но и на гражданское общество, на судьбы демократии в России.

---

¹ В данном случае термином "предприятия" обозначаются все виды организаций: нанимающих рабочую силу. В данном сообщении автор ограничивается рассмотрением трудовых отношений на пиковом уровне.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К РЕФОРМАМ В СЕРЕДИНЕ 80-Х ГГ. XX ВЕКА

Перестройка стала результатом сложного комплекса причин, среди которых наиболее острые такие: геополитический, сырьевой, социальный, этнонациональный и социально-психологический кризисы. Страна не могла более удерживать свои позиции в мире и одновременно поддерживать достигнутый уровень жизни населения, не проводя масштабной модернизации экономики. К 1985 г. подавляющее большинство населения ощущало необходимость перемен. Тем не менее в условиях авторитарного характера режима реальный выбор как времени начала преобразований, так и их конкретного варианта зависел прежде всего от правящей элиты.

Социально-политическое равновесие, установившееся во второй половине 60-х гг., не было следствием монолитности правящего слоя. Архивные и мемуарные источники позволяют утверждать, что в этом слое все более явственно выделялись противоборствующие группы, связанные с различными социально-психологическими стереотипами и социально-экономическими корпоративными интересами.

Ограниченность ресурсов, все более осязаемая с конца 70-х гг., вызвала усиление конкуренции внутри управленческого класса, а следовательно, и между экономическими субъектами. Основной причиной борьбы был сложившийся порядок доступа к собственности власти. Стремление номенклатуры к преодолению отчуждения от собственности оборачивалось стремлением директората и нижних этажей бюрократии к независимости от вышестоящих инстанций. Народное хозяйство страны находилось в коллективном распоряжении правящего класса, а не принадлежало никому конкретно, не давало возможности "полноправно" пользоваться плодами экономики. Получение номенклатурных привилегий и благ регламентировалось множеством иерархических правил, и значительная часть чиновников считали, что получает свою долю не в соответствии с собственными талантами. Перспектива карьеры означала перспективу дожидаться своего часа, когда доля привилегий будет больше. Но карьерная стагнация брежневского времени подрывала эти надежды и заставляла задуматься о возможности приобщиться к плодам "своего" участка экономики не в туманном будущем, а уже сейчас. Тем более, что сложившаяся в стране монополизированная авторитарная модель экономики создавала для коррупции идеальные предпосылки.

Однако возможности, открывавшиеся перед взяточниками, еще не доказывают распространенной версии о том, что взяточниками были все чиновники без исключения. Психологический склад значительной части

бюрократии, формировавшийся в предыдущие эпохи, был плохо приспособлен для участия в коррупции. В системе принятия решений были чиновники, по-разному относившиеся к мзде. Вокруг них складывались кланы, внутри которых подношения также были приняты в большей или меньшей (вплоть до нуля) степени. Отношение к коррупции стало одной из основ психологического размежевания в среде бюрократии. Первый слой можно условно назвать "пуританами". Поддерживая идею "очищения" социализма от наслоений коррупции и "мещанской мелкобуржуазности", "пуритане" категорически отрицали отход от каких бы то ни было официально провозглашенных принципов системы. Другой круг чиновников, которых условно можно назвать "консерваторами", действовал по принципу "живешь сам - давай жить другим". Поскольку "консерваторы" могли воплощать этот девиз в существующих условиях, то они противодействовали переменам. Третий психологический слой элиты - "реформисты" - были готовы пересматривать "принципы социализма". Он смыкался с "консерваторами" в своем прагматизме, а с "пуританами" - в стремлении к частичным переменам. За каждым из этих слоев стояли особые социальные интересы. "Пуритане" стремились сохранить за бюрократией ее коллективную собственность - государственное хозяйство. "Консерваторы" снимали "рендные платежи" со своих участков этой собственности, реализуя стремление номенклатуры к слиянию к ней. "Реформисты" наиболее полно выражали стремление правящей элиты к преодолению отчуждения от собственности, но в силу сложившихся условий и опасности реформирования системы вынуждены были камуфлировать свои, пусть еще смутные, планы под осторожный реформизм "пуритан" и прагматическую лояльность "консерваторов". Это усложняло и запутывало расстановку сил в правящем слое, приводило к замысловатому переплетению интересов и группировок, которое к тому же накладывалось на противоречия "ведомственной" и "местнической" тенденций, о которых речь пойдет ниже.

Другой принцип образования коалиций в недрах номенклатуры определялся действием экономических корпоративных интересов. Таких коалиций было две: "ведомственная" (руководство ВПК, большинство отраслевых министерств, меньшая часть региональных элит) и "местническая" или регионалистская (региональные элиты, аграрная элита, большая часть директората). Реформа 1965 г. и успехи в гонке вооружений обеспечили длительное доминирование первой коалиции в 1965-1985 гг., в которой преобладали "консерваторы", хотя имели влияние и "пуритане".

Основу местнической коалиции составляла аграрная верхушка и тесно связанный с нею партаппарат областного уровня, а позднее - директорат. Аграрии были недовольны установленными под давлением их оппонентов ценами и нормами распределения ресурсов и средств, директора были недовольны вышестоящими инстанциями, "сковывающими" их инициативу, не выделяющими достаточных средств для необходимой модернизации производства и других проектов. "Местническая" коалиция была заинтересована в возвращении разрядки,

которая позволила бы сократить затраты на ВПК, получить западные технологии, необходимые для модернизации и преодоления "барьера НТР". Аграриев не удовлетворяли частные уступки в виде списывания долгов - сами эти долги коммунистические "помещики" считали результатом несправедливого распределения средств.

Постепенное накопление противоречий между отраслевой бюрократией и директором, неудачи во внешней политике, связанные с политикой "ястребов" в советском руководстве - все это подтачивало влияние "отраслевой" коалиции, приводило к ее размыванию. К тому же "пуританское" ядро, включавшее в свой состав немало "ястребов" ВПК, воспринимало будущих сторонников разоружения в качестве своих союзников, ориентируясь на их готовность к переменам как таковым. Промышленно-хозяйственная бюрократия была настроена в отношении "местнического" (прежде всего аграрного) лобби более настороженно.

КПСС строилась по территориальному принципу, и влияние региональных групп в ней было велико. До определенной поры все Политбюро и Секретариата, где доминировали "отраслевники", "перевешивал" влияние регионального лобби в ЦК и обкомах. Но время работало на последних, прежде всего на аграриев. Это было связано с порядком подбора кадров при Брежневе. На место руководителей большинства крупных обкомов выдвигались именно они. Усиление аграрного лобби на уровне обкомов влекло за собой сходную тенденцию и в других сферах. По мере продвижения кадров снизу перевес "отраслевиков", достигнутый во второй половине 60-х гг., становился все менее значительным. Этому же способствовали и противоречия между партийным и хозяйственным руководством во второй половине 70-х гг., преодоленные лишь к 1980 г.

Усиление позиций "местнической коалиции" шло по мере обновления кадров. Но при Брежневе этот процесс протекал крайне медленно. Ориентация бюрократии на покой и равновесие, полностью соответствовавшая политике Брежнева, привела к тому, что поводом к замещению поста становилась лишь смерть (или полная неспособность выполнять свои функции) чиновника, занимавшего этот пост ранее. Такое положение подрывало основной принцип бюрократической иерархии - принцип карьеры, который гарантировал бюрократу со временем продвижение по службе. "Застой" в карьерном продвижении парализовывал и другие механизмы бюрократического общества - в том числе бюрократическую экономику. Без карьерного стимула чиновники и директора не только теряли желание развивать порученное им дело, но и все больше раздражались отсутствием перемен. Накопление недовольства против "стариков", занимавших вышестоящие посты и не дававших дорогу следующей генерации номенклатуры, стало мощной бомбой, заложенной под режим брежневского равновесия.

Во второй половине 70-х гг. в СССР стало формироваться реформистское ядро, опирающееся на значительную, а затем и преобладающую часть региональной элиты и директората. Но пока

реформизм развивался в недрах более широкой "пуританской" коалиции, включавшей также лидеров ВПК и силовых ведомств. После назначения на пост секретаря ЦК по сельскому хозяйству лидером "реформистов" стал М.Горбачев.

"Пуританская" коалиция не располагала развернутой программой преобразований, сосредоточившись прежде всего на задачах борьбы с коррупцией и "наведения порядка". "Пуритане" последовательно поддерживали концепцию "ускорения научно-технического прогресса", то есть технической модернизации, выдвинутую на XXVI съезде КПСС. Ограниченность программы "пуританской коалиции" не означает, что ее лидеры (Ю.Андропов, Д.Устинов и др.) в принципе отрицали возможность структурных реформ, но они опасались непредсказуемых последствий "перестройки" (в качестве самостоятельного термина употребляется с 1983 г.). "Реформисты", которые также не имели четкой программы преобразований, с большим доверием относились к предложениям научной общественности о необходимости использования рыночных отношений и производственного самоуправления для мобилизации трудовых ресурсов.

Действия "пуритан" были направлены против ряда региональных консервативных кланов. Это хотя и замедляло консолидацию реформистской "местнической" коалиции, но в конечном итоге способствовало ей, так как "пуритане" устраняли конкурентов "реформистов" в борьбе за влияние на региональные элиты. В то же время в центре "пуритане" были настроены на компромисс с консервативными хозяйственными кадрами, опасаясь, что отстранение относительно компетентных и опытных хозяйственников может вызвать негативные экономические последствия. "Реформисты", за спиной которых стояли директора крупных предприятий, считали, что располагают достаточным количеством опытных кадров для вытеснения консервативных хозяйственных руководителей, не способных провести модернизацию экономики.

В основе подспудных противоречий между "пуританами" и "реформистами", которые в конце 70-х - начале 80-х гг. были мало заметны, лежали серьезные различия корпоративных интересов. В лагере "пуритан" доминировали "отраслевники", которые легко находили общий язык с центральными консерваторами, но проявляли непримиримость к "нарушениям" на уровне регионов. "Реформисты", среди которых преобладали "регионалисты", напротив, были настроены на антиведомственную политику в пользу влияния региональных элит и местной экономической инициативы.

Авторитарная система власти заставляла "реформистов", позиции которых были слабы в центре, проявлять осторожность. Тем не менее они пользовались любым случаем, чтобы нанести удар по "отраслевикам". Первый серьезный конфликт на этой почве произошел в первой половине 1982 г., когда отдел ЦК по сельскому хозяйству выдвинул проект "Продовольственной программы", предусматривающий ликвидацию нескольких ведомств в пользу единого Аграрно-промышленного комитета

и передачу предприятий, смежных с сельским хозяйством, в подчинение региональных органов (эта реформа была впоследствии осуществлена сразу после прихода М.Горбачева к власти). Правительственные структуры во главе с Н.Тихоновым оказали сопротивление плану М.Горбачева, и в мае 1982 г. был принят компромиссный вариант программы.

Конфликты между М.Горбачевым и Н.Тихоновым продолжались и после прихода "пуританской" коалиции к власти, но сглаживались Ю.Андроповым. Н.Тихонов после смерти Ю.Андропова оказал наибольшее сопротивление избранию М.Горбачева на место ведущего секретариата ЦК и заседаний Политбюро в отсутствие Генерального секретаря. Поддержку М.Горбачеву оказал наиболее влиятельный лидер "пуританского" лагеря Д.Устинов, рассматривающий (вслед за Ю.Андроповым) секретаря по сельскому хозяйству в качестве наиболее перспективного 'выдвиженца' своей коалиции. Позиция Ю.Андропова сыграла роль и в ориентации КГБ на поддержку М.Горбачева.

После смерти Ю.Андропова начинается размывание "пуританской" коалиции и выход на первый план корпоративных противоречий. "Местническая" коалиция заметно усиливается. Регионалистский крен чувствуется даже в речах Генерального секретаря К.Черненко. "Отраслевая" коалиция, наиболее влиятельны участником которой был Н.Тихонов, в свою очередь, выдвигает в качестве потенциальной альтернативы М.Горбачеву относительно "молодых" секретарей ЦК Г.Романова и В.Долгих. Позиция этих трех руководителей продолжала линию Андропова на модернизацию без серьезных реформ, сохраняла ставку на компетентность и дисциплину. Дальнейшее развитие этой линии означало усиление ведомственной дисциплины и нажима на регионы с целью изыскания ресурсов, необходимых для проведения модернизации. Такая политика была невыгодна не только региональным лобби, но и "капитанам индустрии", в том числе ВПК (не случайна низкая популярность Г.Романова в курировавшихся им ведомствах). Большую роль играли и личные качества "отраслевиков", не обладавших гибкостью и "дипломатичностью" как для привлечения кадров на свою сторону, так и для действий на международной арене. Последнее обстоятельство имело большое значение при определении позиции одного из наиболее влиятельных членов Политбюро А.Громыко, который стал ключевой фигурой при выдвижении М.Горбачева на пост Генерального секретаря в марте 1985 г. Вопреки распространенному мнению, помощь Горбачеву оказывал и консервативный член политбюро В.Гришин, видимо, опасавшийся "пуритан". Выдвигая М.Горбачева, члены Политбюро учитывали широкую поддержку его кандидатуры в ЦК, его способность мобилизовать партию на проведение более динамичной политики в трудных условиях середины 80-х гг.

Результатом выбора альтернативы М.Горбачева стали кадровые чистки и антиведомственный курс 1985-1991 гг., который привел к резкому усилению региональных кланов правящей элиты (особенно ее "второго эшелона"), демонтаж отраслевой системы управления экономикой и рост

самостоятельности хозяйственных субъектов при сохранении их монополистического характера. Быстро произошел окончательный распад "пуриланской" коалиции, выразившийся в последовательном отстранении военных от участия в политической жизни, курсе на разоружение в ущерб ВПК.

Негативные последствия этого варианта реформ хорошо известны и многократно обсуждались. Однако острый структурный кризис модели развития СССР был неизбежен и начался до прихода М.Горбачева к власти. При всех недостатках варианта реформ, который определялся интересами стоявшей за М.Горбачевым коалиции, он отличается от других альтернатив большей гибкостью. Нельзя исключать, что сохранение жесткой структуры управления и дисциплинарный нажим на население и хозяйство могли вызвать гораздо более масштабную и разрушительную конфронтацию, нежели та, свидетелями которой мы были в 1988-1993 гг.

В.П.Мохов

Пермский технический университет

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА: МЕХАНИЗМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

К настоящему времени существуют различные варианты оценок того, что происходило и происходит с советской, российской политической элитой на протяжении последних десяти лет. Однако все эти варианты помещаются "в вилку" из двух основных: "эволюция - революция". Для Г.Ашина это "смена элит"; Н.Лапина считает, что речь идет о формировании современной российской элиты в переходный период; О.Крыштановская ведет речь либо о революционном этапе трансформации элиты, либо о Второй Русской революции, в которой победило молодое поколение номенклатуры и т.д. Полагаем (вслед за И.Дискиным), что суть изменений в элите России можно характеризовать термином "трансформация". В данном случае мы понимаем под трансформацией переход в иную форму с определенным изменением содержания, реализующийся через ряд кризисных состояний. То, что мы видим на поверхности политической жизни - борьбу центральной и республиканских элит, федеральной и региональных элит, исполнительной и законодательной властей, коммунистических и демократических течений, - лишь отражение борьбы за главные ценности: за власть, время обладания ею, способы ее использования для перераспределения ресурсов (собственности, финансов и т.д.) в свою пользу и в пользу структур, групп, поддерживающих данные политические силы или слои (группы) элиты.

Речь может идти именно о трансформации, поскольку, во-первых, изменения элиты носили неэволюционный характер, а в ряде случаев -

скачкообразный, кризисный характер; во-вторых, эти изменения нельзя назвать и революционными, т.к. и по персональному составу, и по способам деятельности, и по месту в обществе, и самое главное - по месту в системе властных отношений данная элита имеет очень много общего с советской элитой; в-третьих, - и это наиболее существенно - нынешняя российская элита реализует в своей деятельности лишь тот потенциал, который был накоплен в предшествующие (1970-80-е) годы.

К середине 1980-х гг. советская политическая элита встала перед выбором, перед которым российская элита вставала неоднократно раньше: где искать ресурсы для выживания российского (советского) социума, повышения его конкурентоспособности. Отвечать на новые вызовы со стороны развитых стран мира становилось практически невозможно, поскольку специфические ресурсы советской системы оказались исчерпанными (насилие, внеэкономическое принуждение, коммунистическая идеологическая мотивация, энтузиазм). Последняя крупная модификация советского общества, связанная с переходом к системе административно-бюрократического рынка (В.Найшуль), лишь обозначила возможные контуры дальнейшего развития, не создав в настоящем реальных инструментов для интенсивного развития.

Реформы М.Горбачева, как бы критически сейчас к ним ни относились, были все же последовательными в стремлении найти новые варианты модернизации системы. За очень небольшой с исторической точки зрения период времени были испробованы как традиционные рецепты стимулирования системы, основанные на технократических подходах (политика "ускорения", первые варианты перестройки), так и новые подходы, связанные с перестройкой важнейших элементов советской системы. Тем не менее то, что произошло в СССР и с СССР, кажется столь стремительным и необычным, что дает основание различным политическим силам, в зависимости от их "окраски", искать причину происшедшего то в "предательстве" М.Горбачева, то в "происках империализма", то в существовании мощных антикоммунистических настроений в обществе и т.д.

Скорее всего, причины трансформации общества заключались совсем не в этом или не столько в этом, сколько в том, что хозяйственная элита и часть связанной с ней политической элиты сделали свой выбор в пользу изменений в обществе. Эти изменения уже на первых этапах преобразований сначала вывели экономическую элиту общества из-под контроля масс (пусть даже и весьма неэффективного), а затем и государства. В реформах часть экономической элиты увидела главное: возможность легализации своего реального статуса фактического распорядителя собственности. Директорат и связанные с ним государственные чиновники превратились из "командиров производства" в "хозяев" предприятий. Можно предположить, что российская элита выступала не столько против реформ, сколько против активного вовлечения в них масс; не столько против капитализации страны, сколько

за изменение правил раздела государственной собственности и государственных финансов.

Глобальному переделу собственности и легитимации прав новых собственников препятствовали коммунизм (как господствующая идеология) и Советы (как форма власти, основанная на достаточно широком представительстве, идее социальной справедливости). И то, и другое стало сильно мешать, поскольку остатки идеологической регламентации, необходимость активной патерналистской политики от имени "народной" власти не вписывались в представления элиты о "задачах дня". Видимо, этим объясняется относительно спокойный переход к новой общественной системе на территории России (естественно, по российским меркам). Таким образом, основное содержание трансформации общества заключалось в освобождении новых (квазирыночных) экономических отношений, которые вызревали в ходе естественного развития в 1970-80-е гг. Но их развитие связано все-таки в большей степени не с рынком как системой, а с использованием рыночных механизмов для первоначального накопления капитала и перекраивания государственного бюджета и собственности. Видимо, достаточно долгое время государство останется в России основным инвестором и донором для нарождающегося капитала.

Неслучаен поэтому и номенклатурный характер современной власти. Он, с одной стороны, включает в себя такой элемент преемственности, который служит гарантом стабильности и сохранения ситуации в стране под контролем; с другой стороны, номенклатурный характер власти - это способ соединения властных и экономических отношений. Коррупционность власти в России - скорее признак проникновения "дикого" рынка в политику, чем "недостаток" власти в условиях рынка.

Преемственность российской элиты, особенно политической, со старой советской, создавая определенную основу стабильности общества, предполагает путь развития, основанный на мало разрешимом противоречии: в очередной раз "прусский путь" (по В. Ленину) медленных преобразований, связанный с сохранением сильнейшей роли государства во всех сферах общества, особенно в экономике, с неизбежностью приведет к необходимости либо нового витка форсированной модернизации с соответствующим еще большим усилением государства, либо к социальному взрыву и последующей диктатуре как способу спасения страны от хаоса.

К сожалению, нынешняя элита России, увлеченная проблемами собственного выживания и передела собственности, пока способна реализовывать только свою негативную социальную функцию - разрушения и передела. Номенклатура, освобожденная от идеологических оков коммунизма и политических властей советской власти, в чистом виде осуществляет свое господство. Потребуется либо смена поколения властвующей элиты, либо изменение внешних условий для того, чтобы началась реализация позитивной социальной функции элиты - модернизации России.

К сожалению, нынешняя элита России, увлеченная проблемами собственного выживания и предела собственности, пока способна реализовывать только свою негативную социальную функцию - разрушения и предела. Номенклатура, освобожденная от идеологических оков коммунизма и политических пут советской власти, в чистом виде осуществляет свое господство. Потребуется либо смена поколения властвующей элиты, либо изменение внешних условий для того, чтобы началась реализация позитивной социальной функции элиты - модернизации России.

Д.Г.Красильников
Пермский университет

ТИПЫ РЕФОРМАТОРОВ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ (1985-1991 гг.)

Политологический словарь определяет социальную реформу как “изменения какой-либо сущностной стороны жизни общества при сохранении основ его экономического и социального строя”¹. В соответствии с этим определением реформаторами могут быть названы лишь те силы и лидеры, преобразования которых способствуют сохранению и укреплению (или, во всяком случае, не ведут к уничтожению) данного системного качества.

Однако применение этого определения при анализе трансформации советского общества в период перестройки (1985-1991 гг.) указывает на ограниченность такой дефиниции реформ и вытекающего из него представления о реформаторах.

Достаточно отметить, что в этот период различные по своей политической направленности силы и лидеры (Б.Ельцин, М.Горбачев, Е.Лигачев и другие) отождествляли себя с реформаторами, а свою политику с реформаторским курсом. Более того, если соблюдать логику указанного определения реформы, то следует признать, что именно политики консервативного лагеря являлись истинными реформаторами, поскольку их действия не выходили за рамки существовавшей системы. Даже Н.Андреева, выступавшая против горбачевских преобразований, которые, по ее мнению, вели к реставрации буржуазных отношений, имеет право претендовать на звание реформатора, поскольку заявляла о необходимости проведения “социалистической перестройки” (т.е. не исключала некоторых преобразований в рамках существующей общественной системы)². В то же время, преобразования, проводимые М. Горбачевым, а также российским руководством во главе с Б. Ельциным в 1990-1991 гг. не сохраняли основы существовавшего общественного порядка, а размывали и разрушали их, что, следовательно, не дает основание считать этих политиков реформаторами.

Учитывая это обстоятельство, следует отметить, что цитированное выше определение не может считаться универсальным, поскольку не охватывает всего богатства содержания реформаторства как явления.

По всей видимости, одним из возможных вариантов преодоления этого коллапса понятия является расширение понятий “реформа”, “реформатор” и дифференциация типов реформаторов и проводимых ими преобразований.

При анализе процессов реформирования советского общества в 1985-1991 гг. можно вычленировать три различных линии реформ и, соответственно, три типа реформаторов, не все из которых “работали” на стабилизацию и сохранение основ экономического и государственного строя. В самом общем виде можно сказать, что отличия этих типов обусловлены различной степенью радикальности, различным соотношением традиций и новаций в предлагаемых ими преобразованиях. Это обстоятельство указывает на то, что реформаторы находятся в различном отношении к существующей общественной системе. Взяв в качестве критерия типологии это отношение, можно обозначить указанные типы реформаторов как *системный, межсистемный и несистемный*.

Системный тип реформаторов соответствует определению, о котором шла речь выше. Для реформаторов этого типа характерен выход на такие преобразования, которые не только сохраняют основы экономического и государственного строя, но призваны придать общественной системе второе дыхание, очистить ее от несистемных, а потому не способствующих ее развитию элементов. Политическое кредо этого типа реформаторов периода перестройки можно выразить словами Е.Лигачева, вынесенными в заглавие одного из его интервью: “У социализма - колоссальный ресурс, его нельзя улучшить капитализмом”³.

Наиболее бурную деятельность системные реформаторы вели на первом этапе перестройки (1985-1988 гг.), на котором процессы разложения, саморазрушения и разрушения существующего общественного строя не были обозначены достаточно четко. Такие преобразования, как внедрение хозрасчета и самофинансирования, поощрение индивидуальной трудовой деятельности и кооперации, расширение прав трудовых коллективов, и другие реформаторские импульсы в целом не противоречили существующему системному качеству. Вместе с тем идеи перехода к многоукладной экономике с созданием условий для развития частной собственности, внедрения преимущественно рыночных регуляторов, формирования многопартийности и ликвидации монополии КПСС на власть не могли найти поддержку со стороны системных реформаторов, поскольку не отвечали их целям.

В отличие от системных реформаторов межсистемные имели более радикальные взгляды на проблему трансформации советского общества. Для них было характерно стремление улучшить существующую систему посредством привнесения в нее инородных элементов.

Наиболее типичными представителями этого направления в годы перестройки являлись М. Горбачев и его окружение (1988-1991 гг.). Отстаиваемая ими концепция "гуманного демократического социализма" по сути являлась одной из попыток эклектического соединения элементов реального социализма с элементами капитализма. Именно в русле этой основополагающей идеи межсистемные реформаторы пытались построить планово-рыночную экономику, создать условия для многоукладности, сосуществования коммунистических и антикоммунистических сил.

Объективно реформаторский курс, осуществляемый М. Горбачевым, способствовал размыванию основ существующей общественной системы, создавал предпосылки для перехода к иному системному качеству. Именно это обстоятельство оттолкнуло от Горбачева системных реформаторов, которые поддерживали его начинания на первом этапе перестройки. О характере разногласий между этими двумя отрядами реформаторов можно судить по высказыванию В.Воротникова, отметившего в своих мемуарах, что долгое время руководство ублаживал лозунг Горбачева о преобразованиях в рамках социализма⁴.

Процессы разложения общественной системы и формирования новой способствовали развитию еще одного типа реформаторов-несистемного. В отличие от предыдущих, он был ориентирован на ценности формирующейся системы и ставил своей целью разрушение существующего общественного порядка. В то же время, имея стратегическую цель вне данной системы, для несистемных реформаторов была характерна тактика ненасильственного, поэтапного, относительно продолжительного реформирования существующих институтов и отношений.

Источники формирования этого отряда реформаторов в годы перестройки были разными. Отчасти этот тип формировался из представителей других типов реформаторов, радикализовавшихся в процессе проведения реформ или получивших возможность в условиях ослабления системы проявить свои истинные политические позиции (Б.Ельцин, А.Яковлев). Еще одним источником его формирования были представители некоммунистических организаций. Лишь некоторые из них (например, ряд фракций Демократического союза) отказывались участвовать в реформировании и заявляли о необходимости слома существующей системы.

Для деятельности несистемных реформаторов в годы перестройки было характерно проникновение в Советы, стремление противопоставить их органам компартии и тем самым уничтожить власть КПСС. Получив большинство в ряде Советов, несистемные реформаторы оказались способны осуществить ряд преобразований буржуазно-демократического характера.

Особенность отношения несистемных реформаторов к разрушаемому системному качеству определило их негативное отношение

к системным реформаторам и критику межсистемных за непоследовательность.

Существование указанных трех типов реформаторов в годы перестройки - достаточно редкое явление в истории, связанное с переходной исторической ситуацией, характеризующейся процессом разрушения одной и формированием другой общественной системы, при котором элементы и той и другой системы сосуществуют, отрицая друг друга. Только на этом историческом перекрестке, в условиях, когда "старая" система слаба настолько, что неспособна предотвратить разрушающие ее тенденции, а новая еще слишком слаба, чтобы окончательно уничтожить или трансформировать доставшиеся ей в наследство элементы, возможно сосуществование этих типов реформаторов, имеющих разные цели и векторы развития.

Отметим также, что со скачком общества к новому системному качеству меняется и роль указанных типов реформаторов. Системный тип в новых условиях оказывается несистемным и его реформаторские импульсы оказываются невостребованными. В то же время несистемные реформаторы оказываются той общественной и политической силой, которая преобразует социум сообразно новому системному качеству.

---

¹ Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993. С.341.

² Андреева Н. Неподаренные принципы или Краткий курс истории перестройки. Л., 1992. С.97.

³ Аргументы и факты. 1989. № 42.

⁴ Воротников В.И. А было это так...Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. С.119.

К ВОПРОСУ О ПЕРЕХОДЕ НА НОВУЮ МОДЕЛЬ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ В РОССИИ¹

За 1994-1995 г. проводимые рыночные реформы не дали и ожидаемых результатов. Спад объема производства ВВП продолжается, уровень безработицы растет, объем инвестиций за этот период сократился и составил до 1/4 уровня 1990 г., продолжается рост цен.

Тем не менее рыночные реформы пришли к институциональным изменениям. Доля госсектора экономики по многим регионам страны и федерации в целом снизилась до 30-40%. Возник стихийный рынок. Существенные изменения произошли в структуре собственности действующих предприятий страны, о чем наглядно свидетельствуют данные таблицы.

Основные показатели хода приватизации в РФ¹

	Нарастающий итог на 1.01			
Виды предприятий	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.
Госпредприятия на самостоятельном балансе	204998	156635	126846	90778
Приватизированные предприятия	46815	88577	112625	118793
Предприятия на аренде	13868	14978	12806	12198

Отсутствие существенного контроля и влияния со стороны государства и крупных корпоративных предпринимателей к проблемам развития производства превратило Россию по существу в сырьевой придаток развитых стран. Об этом красноречиво свидетельствует² структура экспорта страны за первый квартал 1996 г., когда из всего объема экспорта на сумму 19969 млрд дол. только экспорт сырьевой нефти и нефтепродуктов составил 42%, кроме того, вывозим металл, древесину и т.д., в то время как экспорт машин - 8,0%.

Отсутствие целенаправленного государственного регулирования рыночных реформ - главная причина глубокого экономического кризиса в России. Без исправления этого просчета вряд ли в ближайшие годы

¹ © Р.А.Коренченко, 1997.

возможно рассчитывать на коренное изменение экономической ситуации и преодоление затянувшегося кризиса.

В конституции РФ и посланиях президента Федеральному Собранию 1995-1996 г. подчеркнута также необходимость социальной переориентации стихийно сложившейся модели рыночных отношений и использования для этих целей всех возможностей государственной власти.

Теперь России, очевидно, не избежать особого переходного периода, когда стихийно сложившаяся либеральная рыночная модель должна корректироваться в сторону т.н. направленности на максимальное удовлетворение потребностей граждан страны.

1. Смена модели реформирования должна исходить из необходимости ведущей роли государственных органов в преобразовании всей рыночной среды. Исходя из принципа разделения властей каждый ее блок и звено госаппарата в центре и на местах должно выполнять вполне определенные взаимосогласованные количественно, по срокам и приоритетам, цели и задачи и нести за это ответственность.

2. Согласование целей, методов и приоритетов в решении конкретных экономических задач и целевых программ на национальном уровне возможно с помощью индикативных планов. Это отнюдь не возрождение прежней госплановской системы и ее методов руководства.

Здесь должна широко использоваться практика таких стран, как Япония, Швеция, Германия, Франция и др. Принятый закон РФ от 20.07. 1995 г. "О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития РФ" создает необходимую базу для разворачивания такой деятельности.

Важно отметить, что в ходе рыночного реформирования следует смелее опираться не только на экономические, но и административные методы регулирования различных сторон экономической жизни. Следует понимать, что суть экономических и административных приемов в их взаимообусловленности, что подобно сторонам одной медали. Они могут быть эффективными и применяться отдельно, однако области их целевого использования в экономике должны быть различны, различны и результаты, которые могут достигаться каждым из методов, на каждом уровне экономики. Слишком вяло используются, например, администрирование в борьбе с монополизмом, в налаживании коммуникаций между мелкими предприятиями и потребителями, регулировании цен на предприятиях естественных монополистов, в госуправлении оставшимся государственным имуществом и теми акционерными предприятиями, где значительна доля госакций, совершенствовании налоговой базы и т.п.

3. Новая модель реформирования должна быть нацелена на подъем экономики каждого предприятия. В настоящее время эта задача решается не только крайне медленно, но и чрезвычайно узко, применительно лишь к предприятиям, которым грозит банкротство.

Новая модель реформирования должна заключаться в отказе от чисто монитаристских приемов регулирования экономики, при которых государство выполняет лишь роль ночного сторожа при кассе денежной

наличности, не вникая в решения предприятий и отраслей народно-хозяйственного комплекса. Иначе говоря, в новой модели экономических реформ ведущее место должны занять кейнсианские приемы государственного регулирования.

4. Центральной проблемой этого этапа реформ должен также стать т.н. "поиск" эффективного собственника. Его содержание представляется, во-первых в ликвидации недостатков, допущенных при приватизации, когда оказались разрушенными целые экономические и технологические вертикальные и горизонтальные цепочки связей как внутри самих по себе сложных технологических производств, так и между разными производствами, а также оптовым, розничным, торговым звеньями и потребителями. Во-вторых, в направлении возвращения незаконно "прихваченного" имущества предприятий законным владельцам - государству или трудовым коллективам и, наконец, важным направлением должно стать максимальное стимулирование нового собственника-товаропроизводителя.

Гражданский кодекс дал все правовые гарантии полноправного развития кооперативной собственности как эффективной формы, особенно в условиях малых и средних предприятий, и этим необходимо воспользоваться, пока не исчезла память и навыки работы, не только для роста прибыли, но и для увеличения общего дохода предприятия.

В этой связи представляется, что в России должно многое широко использоваться из т.н. двухфакторной модели организации стимулирования производства, в частности, по образцу скандинавских стран (Швеции).

5. Поскольку главным звеном направления развития рыночных реформ должно стать производство, необходимо найти и широко использовать т.н. безынфляционные источники финансирования структурных преобразований российской экономики, чтобы уйти от перспективы превращения ее в сырьевой придаток развитых промышленных стран. Это возможно осуществить, если шаг за шагом последовательно, жестко и поэтапно восстановить сбережения трудящихся, снизить налоги, удешевить и упростить госаппарат, сократить резерв ЦБ РФ и найти другие ресурсы инвестирования т.н. точек роста.

6. Следующим фактором корректировки курса реформ должно стать изменение характера налогового законодательства. Сегодня оно построено исходя из представления, что Россия унитарное, а не федеральное государство. Каждый регион - субъект федерации - должен максимально использовать для пополнения своей казны свой собственный экономический потенциал и лишь после этого просить деньги из центра РФ и рассчитывать на его помощь для решения своих или важных федеральных задач.

7. Перестройка финансово-экономических и товарных отношений должна вестись поэтапно, с осуществлением комплекса мер, направленных на ликвидацию неплатежей, на ускорение денежного обращения через ценные бумаги и повышение уровня платежеспособности предприятий путем развития рациональных связей между экономическими структурами ФПГ, холдингами, союзами, ассоциациями МП, госпредприятиями и т.п. Надо

учесть, что широкая сфера экономических оптово-торговых связей между предприятиями и СФ или СФ и РФ не заполнена активно действующими агентами, которые занимались бы рационализацией сбыта готового продукта, его распределением, продвижением, использованием. Ведь Госснаб приказал долго жить! Видимо, взамен его по всей стране должно рационализировать рыночные связи - оптовое торговое звено в лице специализированных торговых домов, бирж и других организаций. Поэтому создание ассоциаций МП, товаропроизводителей, потребителей на местном и российском уровнях - дело первостепенной важности. Особенно надо направить усилия на помощь средним и МП для рационализации их хозяйственных связей, создав центры информации, взаимопомощи и т.п.

8. Наконец, сегодняшняя модель весьма далека от того, чтобы именоваться социально ориентированной. Расходы госбюджета на эти цели составляли не более 10% в 1994 и 1995 гг., а расходы предприятий частного и госсектора на эти нужды многократно сократились. Между тем у 10% самых состоятельных граждан России и 10% самых бедных за четыре года образовалась 15-20 - кратная разница в среднедушевых доходах.

Большая опасность в том, что затягивание решения социальных проблем грозит еще и растранижением весьма ценного, накопленного годами творческого потенциала страны. Число научных работников России уже сократилось с 1,1 млн до 630 тыс.

Таковы необходимые направления изменения модели реформ на ближайшую перспективу. Естественно, что обозначенные выше направления должны быть конкретизированы по каждому пункту. Здесь следует дать лишь некоторые пояснения к сформулированным выше тезисам.

Прежде всего отметим следующие моменты. Чисто либеральная модель стихийного рынка, которую жестко навязала стране команда Е.Т.Гайдара, оказалась несостоятельной, особенно в части приемов чисто монетаристского регулирования стабилизации экономических процессов. Российский опыт еще раз подтвердил, что первичным звеном воспроизводственного процесса является отнюдь не денежный товарооборот, а само материальное производство, что теоретически доказано было еще К.Марксом, А.Маршаллом, Д.М.Кейнсом.

Ошибка состояла в том, что в реформах государство, следуя курсу жесткого монитаризма, взяло на себя обязанность только сломать прежнюю госкомандную систему хозяйства и не приняло адекватной ответственности за налаживание новых рыночных экономических отношений - производств и структур во всем их объеме, полагаясь на стихию рыночных сил, которые по существу не действуют в России до сегодняшнего времени. Именно это породило проблему эффективного собственника, т.е. движущей силы внутреннего развития производства в форме личного и коллективного материального интереса.

Анализ деятельности госаппарата показывает, что его перестройки по существу не произошло применительно к задачам осознанного регулирования развития рыночных отношений и структур. В центре РФ функционирует более 80 отраслевых структур - министерств, департаментов,

комитетов, которые во многом копируют функции прежних союзных министерств и ведомств.

Признание ответственности госаппарата за развитие и регулирование рыночных элементов экономики, подъем уровня работы на каждом приватизационном объекте требует быстрой перестройки госаппарата как в центре, так и в субъектах федерации, исходя из необходимости поддержания макроэкономических воспроизводственных пропорций, структурной перестройки, оживления производства и ведущих секторов и отраслей экономики, развития основных элементов рыночной структуры.

Отсюда вытекает необходимость, чтобы центральный аппарат отслеживал и регулировал прежде всего отношения по концентрации источников средств, которые могут быть использованы для структурной перестройки в различных сферах экономики с максимальной отдачей. В госаппарате должен, несомненно, появиться центр значительно более развитый и многофункциональный, чем сегодня, минэкономики и госкомимущества, занятый не только экономическим прогнозированием, но и влияющий на уровень использования госресурсов, работу производственного сектора, способный определять цели экономической политики государства, приоритеты и согласования решения более частных задач, целевых программ и т.д.

Необходимо далее иметь развитую госструктуру, занимающуюся на коммерческой основе координацией и рационализацией многотоннажных материально-производственных потоков и распределением важнейших дефицитных ресурсов.

Решающую роль в этой области должен сыграть закон "О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития РФ" от 26.07.1995 г.

Есть ли в России в настоящее время ресурсы для оживления материального производства? Безусловно, есть. На их разумное применение вполне может экономически воздействовать государство. Так, по данным исследователей, возглавляемых группой работников РАН во главе с акад. Н. Петраковым, выяснено, что возможная сумма только государственных капиталовложений безинфляционного характера может составить примерно около 20% ВВП страны, или около 300 трил. в 1995 г.³ Более того, выясняется, что Россия в 1994-1995 гг. выступала как "чистый" кредитор мировой экономики. При этом в роли донора мировой экономики выступал не только частный сектор, но и государство. Вывоз роскапитала составил 17 млрд дол., а ввоз - 10,4 млрд дол. Соответственно сокращены внутренние возможности инвестирования в производство.

Весьма важным источником инвестиций могут стать сбережения населения, особенно в случае поэтапного восстановления накоплений трудящихся, потерянных из-за бурной инфляции 1992-1995 гг. Об этом свидетельствует тенденция опережения темпов накопления граждан в сравнении с уровнем доходов. Наведение элементарного порядка в использовании ресурсов на предприятиях, например, даже госсектора, может повысить эффективность работы и увеличить значительно накапливаемую

часть ВВП⁴. Так, одна треть топливно-энергетических ресурсов, несмотря на их дороговизну, все еще плохо используется.

Смена модели реформ требует, как было отмечено, внутренних преобразований в рамках приватизационных корпоративных предприятий. Необходимо найти активного собственника. В чем же дело? В принципе речь идет по-прежнему о поиске движущего внутрипроизводственного экономического интереса.

Мировой опыт свидетельствует, что им не может стать только интерес отдельных частных собственников предприятий. В развитых странах мира отслеживается как прогрессивное явление процесс сокращения доходов от собственности в сравнении с доходами от участия в производственном труде. Сейчас актуально для страны определиться, что далеко не все коммерческие предприятия своей целью могут иметь максимальную прибыль! Другой формой экономической мотивации, особенно на малых предприятиях и в кооперативах, должна стать суммарная максимизация доходов предприятия, включая не только личный заработок, но и социальные расходы на работников в сравнении с расходами. Иначе говоря, речь идет о том, чтобы максимизация материальной заинтересованности достигалась одновременно как за счет трудового вклада, так и доходов от прибыли. Необходимо широко использовать, особенно в частном и кооперативном секторе, где теперь занято более 60% трудоспособных, т.н. двухфакторную модель развития по Луис Келсо, который обнародовал ее в "Капиталистическом манифесте" еще в 1958 г., в частности, для этого он рекомендует использовать систему ЭСОП - "Программу создания акционерной собственности работников". С позиций этой системы нельзя максимально концентрировать капитал в узком кругу собственников, скажем, у 5% населения (как в США). Ведь активно действующая часть населения значительно шире! Поэтому все богатства не должны доставаться только этим 5% и ими же перераспределяться исключительно к своей собственной выгоде!

Опыт многих стран на Востоке и в Европе показывает эффективность такого подхода, о чем думается, будут говорить коллеги из Швеции. Этот подход соединит и укрепит демократию политическую и экономическую в большей мере, чем сегодняшние реальные формы стихийно возникших частных предприятий России.

Наконец, последнее. Россия - федеральное государство. Корректировка модели реформирования поэтому должна включать в себя установление иных, чем нынешние, порядков формирования госдоходов и расходов бюджета за счет налогов. Новая система налогообложения должна учитывать в каждом субъекте федерации имеющийся налоговый (экономический) потенциал и уровень его фактического использования за прошедший период. Только стимулируя налоговыми льготами максимизацию использования экономического потенциала в рамках каждого субъекта федерации, можно создать центростремительные силы, укрепляющие рынок и политико-экономическое единство страны.

¹ Радугин А. Приватизационный процесс в России в 1995г. // Вопросы экономики. 1996. N4.

² Орлов В. Внешняя торговля России в I кв. 1996 г. // Экономика и жизнь. 1996. N20.

Т.Г.Шешукова
Пермский университет

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ОБЪЕКТОВ ИНВЕСТИЦИЙ

На этапе продолжающегося процесса реформирования системы управления РФ вопросы методологии коммерческой оценки эффективности инвестиций приобрели особое значение.

О важности указанных проблем свидетельствует тот факт, что в 1994-1995гг. они усиленно обсуждались в ведущих научных центрах и органах управления хозяйственным механизмом страны. Так, в 1994г. во Всероссийском НИИ технико-экономических исследований прошло совещание представителей более 30 организаций, результатом которого стала разработка рабочего варианта Рекомендаций по оценке инвестиционных проектов, инициированная постановлением Правительства РФ.

В данных Рекомендациях реализованы стандарты оценки, сложившейся в международной практике, максимально приближенные к требованиям отечественной финансовой отчетности и совокупности используемых показателей.

Основные методы инвестиционной оценки построены на одном из основных экономических принципов, предлагающем различную стоимость денежных сумм во времени, возникающую вследствие способности конкретной денежной суммы (капитала) возрастать при вовлечении в хозяйственный оборот. Этот принцип порождает существование так называемых дисконтных методов инвестиционной оценки.

Помимо дисконтных в инвестиционной практике применяются и так называемые четные оценки, представляющие собой те или иные величины, исчисляемые в денежных измерителях, действующих на тот или иной конкретный период. Учетные оценки возникают в процессе проведения комплексной оценки инвестиционного проекта на этапах исчисления общей потребности в средствах (основных и оборотных), себестоимости намечаемой к производству продукции или услуг, выручки от их реализации и получаемой при этом прибыли и т.п.

Дисконтные оценки дают представление об эффективности проекта в целом, с учетом фактора времени, на которое инвестируемые суммы отвлекаются из оборота инвестора или привлекаются из внешних источников.

Важным этапом в развитии методологической базы для инвестиционной оценки явилась разработка и издание в 1995г.

"Методологических рекомендаций по оценке эффективности инвестиционных проектов и их отбору для финансирования". Значение данного источника заключается в том, что "Методологические рекомендации" являются по существу первым официальным актом, в той или иной мере регламентирующим процесс инвестиционной оценки на уровне страны, а также устанавливающим (рекомендующим) единообразные методы проведения оценки.

Методологические приемы, на которых построены указанные рекомендации, представляют собой в течение длительного времени применяемые в мировой практике методы оценки, основанные на принципах дисконтирования.

Авторами "Методологических рекомендаций" произведена попытка адаптировать известные зарубежные методы к отечественной хозяйственной практике.

Однако не все еще решено, есть ряд проблем и нерешенных вопросов.

1. Одним из наиболее важных проблемных вопросов представляется вопрос о выборе показателя эффекта, получаемого инвестором от производственных или финансовых вложений.

Сложившаяся экономическая практика предполагает использование в качестве единственного показателя эффекта разницу между выручкой и затратами - прибыль. Однако этот показатель обладает определенными недостатками. Так, может сложиться ситуация, когда величина прибыли, накопленной при функционировании предприятия, являющегося объектом финансовых вложений, постоянно возрастает, в то время как сумма средств на расчетном счете предприятия имеет тенденцию к уменьшению, в результате чего предприятие с течением времени оказывается неплатежеспособным.

В качестве одного из возможных путей разрешения данного противоречия можно рекомендовать использование и прибыли, и широко применяющегося в зарубежных методиках показателя чистых денежных поступлений, или чистого потока денежных средств. Этот показатель представляет собой разницу между потоком денежных средств, генерируемых проектом, и потоком средств, вложенных в проект, и отличается от показателя прибыли на величину амортизационных отчислений.

2. Вторая проблема - это оценки стоимостных показателей. При исчислении оценочных показателей могут применяться стоимостные измерители, выраженные в национальной валюте Российской Федерации - рублях, валюте других государств, специальных расчетных валютах (ЭКЮ, СДР). Действующее российское законодательство предусматривает применение в качестве основного измерителя для выражения денежных обязательств российского рубля, однако допускает выражение обязательств в эквиваленте иных валют.

Необходимость применения рублевой оценки возникает в первую очередь в силу наличия исходных данных проекта, выраженных в рублях (затраты на проект, доходы от проекта). Основной проблемой, возникающей при использовании рублевых оценок, является невозможность сколько-

нибудь точного прогнозирования уровня инфляции внутренней валюты России, что приводит к невозможности прогнозирования доходов и затрат (на средне- и долгосрочную перспективу) в реальном исчислении, учетных банковских ставок и, следовательно, - ставки дисконтирования. При попытке применения неизменных цен (учетных, сопоставимых, условных) и неизменных ставок, зафиксированных на какой-либо отметке, результаты проекта также могут оказаться не вполне достоверными в силу крайне неравномерного характера изменения цен на различные ресурсы, продукцию, результаты деятельности и изменения курсов иностранных валют.

Применение в качестве измерителя "твердых" валют может рассматриваться как фактор, привносящий значительную стабильность в процесс оценки инвестиционного проекта в силу относительной неизменности мировых цен на ресурсы и продукцию и крайне невысоких (по сравнению с уровнем российской валюты) норм инфляции.

Вместе с тем использование в процессе инвестиционной оценки показателей, выраженных в валюте, предполагает появление ряда весьма специфических проблем.

Одной из наиболее существенных представляется проблема внутренней инфляции свободно конвертируемых валют. Это явление имеет место исключительно при использовании твердых валют внутри России и появляется оно в виде снижения "ценности" суммы, выраженной в СКВ, с течением времени, причем темпы этого снижения могут в несколько раз превышать официально объявленный индекс инфляции данной валюты в государстве, производящей эмиссию валюты. Данная ситуация возникает в силу различного рода деформаций в порядке ценообразования, стихийно складывающемся в РФ на протяжении 1991-96гг., а также по причине общей нестабильности хозяйственной ситуации, постоянно изменяющейся эффективности экспортно-импортных операций, условий валютного финансирования и кредитования.

В связи с этим выбор способа оценки показателей инвестиционного проекта может осуществляться следующим образом.

В том случае, если проект рассматривает производство основной части вложений или получение дохода от его реализации в свободно конвертируемой валюте, либо использование при осуществлении проекта импортного оборудования, материальных ценностей и получение в качестве результата импортозамещающего продукта, наиболее рациональным подходом представляется выражение всех показателей проекта в валютной оценке.

В случае, если большая часть исходных данных о проекте и иных предполагаемых его компонент выражается в рублях, но срок жизни проекта относительно велик (свыше 2,5 - 3 лет), представляется рациональным, несмотря на ряд препятствий, использовать при его оценке показатели, также выраженные в свободно конвертируемой валюте. Применение СКВ в данном случае объясняется его ролью как сопоставимого измерителя, позволяющего в той или иной мере устранить влияние значительного изменения масштабов цен за период реализации проекта. Особенности же применения валютного

измерителя в национальных экономических условиях (внутренняя инфляция валюты, завышенные кредитно-депозитные ставки) будут учтены при выборе адекватных ставок дисконтирования.

3. Третья проблема - это проблема выбора ставки дисконтирования. В случае, когда необходимо оценить будущую стоимость денежной суммы по истечении определенного периода, под ставкой дисконтирования следует понимать норму доходности, которая может считаться абсолютно гарантированной в данных экономических условиях (например, норма доходности по государственным ценным бумагам или по депозиту абсолютно устойчивого банка), - таким образом инвестор оценивает проект как бы с точки зрения условной альтернативы ему.

Однако при оценке того или иного инвестиционного проекта с позиций индивидуального инвестора следует иметь в виду, что реальной может быть возможность размещения средств под более высокий процент, нежели гарантированный государством, или использовать средства в своем хозяйственном обороте, где их доходность будет еще выше. При этом представляется правильным в каждом конкретном случае определять ставку дисконтирования исходя из сложившихся на микроуровне экономических условий, при соблюдении баланса допустимой рискованности возможных вложений и доходности, на которую при осуществлении этих вложений можно было бы рассчитывать.

Более серьезной представляется проблема нестабильности уровней ставок дисконтирования во времени. Например, оценка инвестиционного проекта со сроком жизни 15 лет, должна, с точки зрения наиболее правильной методологии, производиться исходя из различных ставок дисконтирования, изменяющихся в каждом выделенном периоде времени.

4. Четвертая проблема связана с учетом инфляции при инвестиционной оценке.

Наконец, в процессе оценки реальных инвестиционных проектов на практике возможность учета изменения налоговых условий, оказывающих влияние на финансовые результаты проекта, представляется весьма проблематичной в силу непрогнозируемости изменений в государственной налоговой политике. При проведении исследования эффективности конкретного проекта инвестору может быть рекомендовано производить несколько вариантов оценки одного и того же проекта, исходя из имеющихся на момент оценки данных о планируемых и предлагаемых в будущем (совпадающим со сроком жизни проекта) изменениях налогового климата, строя на этой основе несколько сценариев развития проекта.

О НАПРАВЛЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Социально-экономические изменения, происходящие сегодня в России, скорее всего следовало бы назвать преобразованиями, которые рассматриваются как переход от одной формы социальной системы к другой, более совершенной и доминирующей в обществе: от принудительно управляемой экономики к экономике, основанной на эффективном взаимодействии рыночных и вне рыночных механизмов.

Точка отсчета этих преобразований - январь 1992 г. - прочно вошла в массовое сознание, однако общество разделилось в своих оценках происшедшего.

Для одних - это символ освобождения от закостенелой экономической системы, которая проиграла экономическое соревнование с современным рыночным хозяйством, для других - символ обещания и невзгод, через которые общество проходит вот уже в течение нескольких лет.

Прошло и то, и другое. Но память вновь возвращает к ситуации 4-летней давности, к концу 1991 г., когда перед страной были две альтернативы радикальному реформированию экономики. Одна из них состояла в том, чтобы законсервировать сложившееся состояние экономики /не меняя ничего/ в ожидании полной стагнации, другая - во введении повсеместной распределительной /карточной/ системы со всеми вытекающими последствиями. Любой выбор между этими альтернативами был бы опасным, даже в том случае, если бы с той или другой степенью точности можно было спрогнозировать уже известную нам сегодня цену реформирования, которая, чисто гипотетически, могла бы стать основанием для принятия одной из альтернатив. Но по всем законам диалектики экономика более не могла оставаться в пике своего несовершенства. Стоявшие у власти политики в условиях тотальной монополизации и полного отсутствия конкурентной среды решились на либерализацию цен.

Отечественные и зарубежные аналитики неоднозначно отнеслись к такому решению. Однако как вынужденная, форсмажорная мера, как способ выживания и предупреждения коллапса, она была оправдана, и так сложилось, что ей суждено было стать началом перехода к иной экономической системе.

Ф.Д.Рузвельт, анализируя в начале 30-х гг. ситуацию, породившую "великую депрессию", сказал следующее: "История человечества развивается по мистическим циклам. Одним поколениям многое дается, с других многое спрашивается, нынешнее поколение американцев встречается с судьбой".

Согласимся, что картина, если ее наложить на российский пейзаж, почти что идентичная, но вместе с тем и не похожа. Мы, как и американцы,

спустя 60 лет, столкнулись с неотвратимыми преобразованиями в глобальном масштабе, хотя и в полярном им направлении.

Однако при всей их заданности (этих решений) экономические преобразования попали в определенную ловушку. Вообще говоря, надломный характер перехода, когда рушатся фундаментальные устои экономики, неизбежно предопределяет падение производства, безработицу и снижение жизненного уровня. Так обстояло дело во всех странах Восточной Европы, хотя в частностях ситуация была неодинакова в каждой из них. В России сегодня значительная часть людей живет явно хуже того, что имело место в условиях функционирования прежней экономики при всей ее неэффективности.

В чисто философском смысле речь идет об общей ловушке, об общем иллюзионе, характерных не только для России, а именно - о неизменной ложности первого отрицания, как бы заманчиво оно не выглядело, то есть полного отрицания всего предыдущего устройства явления и, возможно, явления как такового.

С началом реформ наше общество оказалось втянутым в нереалистичную и неэффективную с научной точки зрения дискуссию. Ее слабостью является двойственный черно-белый подход к характеристике общества и его экономической системы, который внешне проявил себя в противопоставлениях таких терминов, как государство - общество /человек/, план - рынок, общественный - частный, т.д., т.е. по сути ставились под сомнение или отрицались и до сих пор отрицается роль государства и государственного регулирования в становлении рынка.

Между тем экономическая, а затем и другие трансформации в России приобрели характер кризиса, а в целом их можно квалифицировать как глобальный, общественный кризис. Конечно, кризисное поле данного десятилетия не может не включать в себя ту его часть, которая является следствием функционирования централизованной плановой системы, однако речь идет именно о тех кризисных явлениях, которые являются продуктом начавшейся трансформации государственной экономики в рыночную.

Одной из причин кризисного развития российской экономики является чрезвычайная ориентация на макроэкономические рыночные институты. Либерализация, охватившая производство, торговлю, денежно-кредитную систему, собственность превысила все разумные границы достаточности в конкретных условиях России. Было нарушено реалистическое восприятие функционирования рынка с решающей ролью в нем денег и кредита. Но в том и состоит сложность проблемы либерализации, которая должна решаться в сочетании с уменьшением диспропорции, в противном случае она превращается в свою противоположность, то есть в авторитарные решения с другим знаком. В рыночной системе преследование частного интереса, не ограниченное законом, столь же пагубно, сколь и ничем не ограниченное действие рыночных инструментов /цен и т.д./, поскольку и то, и другое приводит к экономическому хаосу, а потом и к политической дестабилизации. К сожалению, наша нынешняя реальная действительность включает в себя и то и другое.

Под углом зрения изложенного зададимся вопросом: почему реформы, проводимые в Китае с 1979 г., явились примером экономического успеха для всего мира, а в России повлекли за собой потрясения во всех сферах общественной жизни? Дело не в конечной цели преобразований, в противном случае надо было бы отказаться от самой идеи проведения реформ и, следовательно, вопреки научно-исторической логике и мировому экономическому опыту, признать эффективной модель "государственной экономики". И все-таки почему? На мой взгляд, потому, что в Китае, который имеет практически ту же экономическую структуру, что и Россия, были приняты во внимание специфические особенности экономики и сообразно этому проводилась адекватная политическая политика, как на макро-, так и на микроуровне, основанная на рыночных методах. В России же проводится политика, тоже использующая как будто бы рыночные методы, но так, как будто бы в стране действует структура не российской экономики, а иной экономики, например, экономики Англии или Германии.

Все дело в том, что экономика России наиболее монополизирована, чем где-либо на Западе. Структурно она может быть определена как двойственная, представленная, во-первых, почти полностью монополизированным сектором, который функционирует в соответствии с законами монополизированной экономики, и, во-вторых, практически немонополизированным сектором (сельское хозяйство, сфера услуг и т.д.). Специфика развития такой экономики является результатом развития этих двух секторов. Надежды на то, что приватизация либо международная конкуренция изменят здесь положение, представляются иллюзорными. Во-первых, монополизм распространяется на материальное производство, а не просто на систему владения, поэтому его нельзя преодолеть обычными антимонопольными средствами, что еще продолжительное время будет сводить на нет эффект, ожидаемый от приватизации. Во-вторых, в обозримом будущем вряд ли следует ожидать такого прироста импорта, который бы создал конкуренцию на внутреннем рынке.

Между тем законы функционирования такой экономики хорошо известны. С переходом к полной либерализации цен сокращается выпуск продукции, а сами цены беспредельно растут, что и произошло в России. В то же время рост цен на продукцию монополистов разрушает немонополизированный сектор, выкачивая из него ресурсы. В таком положении, как известно, находится сегодня сельское хозяйство России. Тот же процесс происходит и во всех других немонополизированных секторах. По этой причине, в частности, спад охватил мелкий бизнес /более 50% кооперативов в России обанкротились/. Эта тенденция имеет решающее значение именно в контексте уже рассмотренного нами одностороннего макроэкономического взгляда на реформирование, поскольку отношения между монополизированными и немонополизированными частями экономики неразрывно связаны с наиболее серьезными искажениями внутренней экономики России - а именно с ее исторически слабым уровнем индивидуального потребления. Однако эта тенденция имеет логическое продолжение и в другом важном аспекте - она негативно влияет на структуру

предложения в экономике, а это, в свою очередь, уменьшает возможность накопления ресурсов, необходимых для нормального функционирования нерыночной сферы экономики /образования, науки и т.д./. Круг замкнулся. В китайскую реформу был заложен механизм, который действует в диаметрально противоположном направлении - в направлении "перекачки" ресурсов из монополизированной экономики в немонополизированную, в потребительскую экономику. Здесь была другая логика - приоритет малой приватизации перед приватизацией монополизированной промышленности, рост производства в монополизированном государственном секторе за счет поддержания спроса на его продукцию /в свою очередь за счет общего высокого темпа развития экономики/, а также за счет создания мощного резерва кредитных ресурсов в поддержку важнейших отраслей производства в госсекторе. Поскольку в монополизированном секторе продолжал существовать контроль над ценами, промышленность могла наращивать прибыль только путем увеличения производства. Комбинация быстродействующего спроса и предоставления дешевых кредитов привела бы к интенсивному увеличению производства потребительских товаров. Таким образом, следует говорить о такой концепции реформирования, когда развитие происходит не за счет падения производства государственной /монополизированной/ части экономики, а за счет изменения соотношений между монополизированными и немонополизированными частями. При этом немонополизированный сектор развивался высокими темпами. Соответственно резкий сдвиг в сторону увеличения индивидуального потребления создал предпосылки для увеличения предложения, поскольку отрасли производства могли развиваться только при условии создания для них рынка. Таким образом, налицо соединение макро- и микроэкономических целей в конкретных социально-экономических и исторических условиях конкретной страны. В этом ключ таких преобразований. Используя такой механизм, Китай осуществил экономическую трансформацию такого типа, которая нужна России. Поле для размышлений и выводов, таким образом, имеется.

Если рассматривать все то, что сегодня происходит в России, с исторической точки зрения, то настоящий кризис - всего лишь миг даже в новейшей истории. Но человеческая жизнь коротка и поэтому люди хотят знать: сколько времени потребуется для выхода из кризиса и восстановления для начала хотя бы утраченного уровня жизни? Вместе с тем о циклах российской реформации следует рассуждать с осторожностью. И с еще большей осторожностью следует прогнозировать возможные, поэтапные результаты, поскольку на всем протяжении реформации нас будут сдерживать жесткие инвестиционные ограничения. Достаточно сказать, что если в 1990г. национальный доход России в действующих тогда ценах составил почти 445 млрд, то в 1994г. - всего лишь 220-230 млрд в ценах тех лет. В 1995г. в распоряжении Правительства, по некоторым данным, было всего лишь 190-200 млрд в ценах 1990г. Следовательно, стабилизационный период вряд ли следует связывать с каким-либо поступательным и качественным развитием, однако отдельные позитивные сдвиги нельзя

игнорировать. Я думаю, что уже сейчас можно определить основной признак настоящего этапа - снижение процентных ставок за кредит как показатель начавшегося удешевления единственного дефицитного товара - денег. Хотя на первый взгляд в качестве таких признаков надо было бы назвать снижение инфляции и замедление спада производства. Это тоже положительная динамика, хотя и с углубляющимся пока что структурным дисбалансом и с подавленной инвестиционной активностью. По-видимому, потому, что проценты за кредит живут уже непосредственно по законам рынка, здесь уже диктат спроса и предложения на единственный нужный всем товар, какими стали деньги после либерализации цен. С этим нельзя не считаться. И хотя в 1994г. после "черного вторника", Центробанк поднял цену за кредитуемые деньги со 130 до 170%, этот шаг был несоответствующим логике обозначенной тенденции. Глубинные процессы, которые начались в экономике, тогда устояли. Об этом можно судить хотя бы по тому, что продолжался процесс накопления денег у населения, а накопление товарных рынков не снизилось. В целом кредит из чисто бухгалтерской операции превращается в экономическую категорию.

Становится очевидным, что общая продолжительность социально-экономических преобразований в России затянется и, по всей вероятности, далеко перешагнет за начало XXI в. Но главный вопрос не в самой продолжительности этого периода, а в его, если можно так сказать, мучительности для людей. Приемлемость того или иного пути, видимо, следует определять допустимой степенью страданий, которые он влечет за собой. Каждый этап имеет свой временный лаг, или ту цену, которую общество вынуждено заплатить, но одновременно на каждом этапе должны быть и ощутимые результаты как дивиденды за терпение людей. Только в таком случае, при условии доверия общества к преобразованиям, возможен их успех.

РЕФОРМА В РОССИИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Курс на реформирование экономики в России путем перехода к рыночной системе хозяйствования в число первоочередных проблем и де-юре и де-факто поставил кардинальное изменение содержания экономического образования.

Предметная область специалиста в области современной экономики за последние 5 лет претерпела качественные изменения и усложнилась не на один порядок. Переход от централизованной плановой социально-экономической общественной формации к рыночной в корне меняет требования к квалификации сегодняшнего экономиста. Отсюда весьма актуальной становится задача радикального обновления как отечественной экономической науки, так и всей системы экономического образования. Причем дело не столько в "косметическом ремонте" действующей системы подготовки экономистов, трансплантации в нее рыночных элементов, сколько в кардинальном изменении структуры содержания и методики подготовки профессиональных кадров.

Известно, что на протяжении ряда лет происходила неоправданная дифференциация экономических специальностей в вузах бывшего СССР, насчитывающая 53 различные специальности. Это не могло не отразиться отрицательно на содержании образования, не привести к односторонности выпускаемых специалистов, жизнеспособности их и адаптации в условиях меняющейся общественной среды. К тому же - идеологизированность экономического образования... Все это привело к отрыву таких специалистов от реалий экономической жизни, их невосприимчивости к категориям рыночной экономики.

Между тем уже в годы командной экономики в неявном виде увеличивается дефицит на специалиста-универсала. Такой специалист должен обладать достаточной гибкостью, чтобы уметь достаточно быстро перестраиваться на решение любых экономических задач, быть способным генерировать идеи по выбору эффективных либо перспективных (а значит, и эффективных в будущем) путей решения хозяйственных проблем от макро- до микроуровня. Естественно, такая универсальная подготовка не должна исключать углубленной специализации, отвечающей нуждам конкретных потребителей.

Невозможность "объять необъятное" посредством дифференциации высшего образования убеждала, что трудно найти другую альтернативу очевидному пути подготовки специалистов, который можно представить формулой "универсализация+специализация". Несмотря на, казалось бы,

взаимосключаемость составных слагаемых этой формулы, она вполне реализуема.

Речь идет о формировании такого специалиста в области экономики и управления, который прежде всего обладал бы базовыми фундаментальными экономическими знаниями, владел бы современным инструментарием анализа и синтеза (математический аппарат, квантификация, моделирование, актуарные расчеты, эффективные информационные технологии, коммуникации и т.п.). Вместе с тем он должен быть ориентирован на решение прикладных экономических задач через специализацию на завершающем этапе обучения. Соблюдение этих требований в начавшемся процессе трансформации экономического образования в России сразу же резко сузило спектр экономических вузовских специальностей, с 53 до 18. Однако трансформация свелась не столько к этим количественным изменениям, сколько к качественному изменению содержания подготовки экономистов в направлении рыночной ориентации.

Т.Д. Куркина
Пермский университет

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В РЫНОЧНЫХ УСЛОВИЯХ

Для развития любого экономического общества центральной является проблема рационального размещения ресурсов. История знает только два принципиально различных способа решения проблемы размещения ресурсов: централизованно плановый и рыночный.

Общественная собственность на все ресурсы и командно-административный механизм регулирования ставили в центр системы кругооборота ресурсов государство, которое выполняло роль главного распределителя ресурсов и жесткого контролера и регулятора деятельности всех участников этого кругооборота с помощью такого инструмента, как плановые нормы и нормативы. Таким образом, в централизованно плановой экономике нормы играли роль всеобщего регулятора на макро- и микроуровнях. Они выражали собой общественно необходимые требования к затратам и результатам, их распределению и использованию и выполняли планирующую, организующую, мотивирующую, контрольную и регулирующую функции. Им отводилась роль связующего звена между экономическими показателями НТП и показателями хозяйственной деятельности - себестоимостью, производительностью, прибылью.

В рыночных условиях решение по размещению ресурсов принимают независимые субъекты. Аргументами в пользу того или иного выбора служат условия коммерческих сделок, диктуемые рынком, конкуренцией.

Из истории также известно, что не существует экономической системы, которая использует только один из названных способов.

Фактически речь должна идти об оптимальном сочетании рыночных и административных элементов экономики, об определенных пропорциях сочетания этих элементов, обеспечивающих максимально рациональное размещение ресурсов. Есть ли место в этом механизме нормам и нормативам?

В рыночных условиях вмешательство государства в экономику, ее регулирование осуществляется через бюджетную, финансово-кредитную, денежную политику, госзаказ и др. Все они так или иначе основываются на таких нормативах: количество денег в обращении, величина дефицита бюджета, ставка Центробанка и т.п. Разнообразие методов воздействия на экономику обуславливает разнообразие экономических нормативов как инструментария этого воздействия. Для унитарных предприятий сохраняется прежнее воздействие государства через плановые нормы и нормативы.

Все многообразие используемых нормативов нуждается в классификации, имеющей теоретическое и прикладное значение.

Методологические основы формирования и функционирования норм и нормативов как специфического инструмента экономического регулирования, в частности, решения проблемы рационального размещения ресурсов, предопределяется, во-первых, моделью экономики и, во-вторых, уровнем функционирования экономики: макро- или микроуровня. В рыночных условиях возрастает значение нормирования ресурсов на микроуровне. Причем именно для внутреннего "употребления". Важнейшей проблемой для каждой фирмы является управление издержками. Основой для управления являются нормативные издержки. Нормативные издержки - это определенный уровень затрат, обусловленный рядом ограничений, установленный в расчете на определенные, как правило, более высокие, чем достигнуто, организационно-технические и социально-экономические условия производства. Вследствие этого они служат для фирмы ориентиром на будущее, а также средством оценки происходящих изменений в плане их воздействия на прибыль. Они позволяют предварительно оценить конечные затраты. А предварительная оценка конечных затрат - это тест на конкурентоспособность фирмы.

Таким образом, знание нормативных издержек позволяет фирме сориентироваться среди конкурентов, определить свои возможности, свою стратегию и тактику, то есть является основой для управления бизнесом.

Предварительная оценка издержек является и основой установления цены, которая в конечном итоге корректируется в зависимости от конъюнктуры рынка. Система нормативного учета издержек призвана предупредить администрацию о надвигающейся опасности для предприятия. Наличие стандартных норм позволяет выявить центры затрат и прибыльности на фирме, участки производства, которые мешают ее эффективному функционированию и препятствуют выпуску конкурентоспособной продукции.

Нашей наукой наработано немало приемов, подходов и методов, которые отторгались практикой в старой системе хозяйствования вследствие принципиально иного подхода к использованию норм и нормативов в управлении, но они могут успешно использоваться в сегодняшних условиях.

Поскольку нормы и нормативы в административно-командной системе вполне правомерно рассматривались как основной инструмент государственного регулирования распределения и использования ресурсов, то многие принципы разработки и использования норм, хорошо проработанные в теории, на практике отторгались.

Речь идет, например, о таком принципе, как прогрессивность разрабатываемых норм, т.е. определение их количественной величины в расчете на самые прогрессивные организационно-технические и социально-экономические условия.

Иметь нормы предприятию было невыгодно по целому ряду причин. Выделение ресурсов предприятиям по таким нормам ставило их в условия, когда надо было внедрять все мероприятия-условия, заложенные при расчете норм. Отсюда они должны были очень напряженно работать. А какой смысл, когда оценка их труда осуществлялась по выполнению плана. И чем он менее напряжен (когда в основе его показателей лежат "вольготные" нормы, далекие от прогрессивных), тем выгоднее предприятию. Поэтому предприятия при подготовке норм трудоемкости, материально-энергоемкости своей продукции к утверждению "наверху" всеми возможными и невозможными способами стремились их "раздуть".

Сегодня предприятие (кроме унитарного) само утверждает нормы расхода ресурсов. И ему они нужны для того, чтобы определиться, какой возможен расход ресурсов (при прогрессивных нормах) и где оно находится по уровню расхода ресурсов, где и каковы его резервы. Что ему надо сделать, чтобы приблизиться к прогрессивной норме? Она для него компас в управлении бизнесом.

Второй принципиальный момент старой системы, препятствовавший использованию прогрессивных норм, - это их использование в качестве меры труда и меры вознаграждения за результаты труда. В этом случае государство также с помощью норм жестко проводило свою политику, а предприятия со своей стороны противостояли государству, всячески занижая напряженность норм. В сегодняшних условиях, когда оплата труда практически полностью прерогатива предприятия, оно само решает, какую систему в форму оплаты выбрать.

Прогрессивные нормы затрат живого труда нужны опять же для оценки уровня организации труда и производства, выявления направлений и путей саморазвития в этих функциях.

Значит, для успешного бизнеса наши предприятия должны четко осознать роль и место нормирования в новых условиях хозяйствования, повернуться лицом к данной проблеме и самым серьезным образом формировать нормативную базу управления ресурсами.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ОПЛАТЫ ТРУДА

Во времена командно-административной системы мы так ратовали за предоставление свободы производителям в области труда и зарплаты, которая развяжет им руки на путях эффективного хозяйствования. И это время наступило. Полная свобода!

Государство ничего не гарантирует, кроме так называемого "физиологического минимума", ничего не регулирует, не контролирует. Ограничение - КЗОТ - все остальное - вольная импровизация. Четыре года этой вольницы и первые итоги весьма неутешительны.

Рынок труда стал, вполне понятно, таким же естественным явлением, как и рынок капитала, ценных бумаг и т.п. На этом рынке - свой товар: рабочая сила. Цена товара по рыночным законам должна соответствовать его стоимости. Но здесь наблюдается серьезный разрыв. Цены всех других товаров приближаются к мировым ценам, а цена рабочей силы изменяется в обратном направлении. Если зарплату рассматривать как модификацию цены функционирующей рабочей силы, то можно отметить следующие тенденции:

1. Зарплата по основному месту работы перестает быть главным источником дохода (в 1994г. ее доля была равна 45%, а к началу 1996г. стала составлять 33%).

2. Наблюдается значительная дифференциация в оплате труда, в т.ч. межрегиональная (в 1994г. коэффициент дифференциации был равен 4, в 1995г. - 6, есть регионы с отрывом в 35), межотраслевая, характеризующаяся следующей динамикой:

Динамика средней зарплаты по отраслям в октябре 1995г.¹

Транспорт	922,1
Кредит, финансовая сфера и страхование	807,5
Строительство	799,4
Промышленность	679,0
Управление	669,0
ЖКХ, бытовое обслуживание	631,0
Наука	438,2
Здравоохранение	422,2
Образование	394,3
Культура	348,1
Сельское хозяйство	275,2

Индивидуальное расслоение по доходу характеризуется тем, что предпринимательский доход в 8-10 раз превышает среднюю зарплату, зарплата директорского корпуса в 15-20 раз.

Зарплата основной части интеллигенции упала в 2,4 раза. Идет процесс вымывания среднеобеспеченного населения, особенно в области умственного труда.

3. Снижается доля оплаты труда во внутреннем валовом продукте с 38% в 1994г. до 31% в 1995г. Одновременно снижается и реальная зарплата. Так если в 1992 г. она составляла 65%, то в 1995г. 41,2%.

4. Ухудшаются условия труда. Например, в промышленности доля работающих на рабочих местах, не отвечающих санитарно-гигиеническим требованиям, в 1991г. составляла 17,8%, а в 1994г. - 21,6%, в транспорте, соответственно, 7,8 и 11,4%.

5. Соотношение платной и бесплатной частей в воспроизводственной структуре цены рабочей силы явно изменяется в пользу первой (в части услуг по жилью, образованию и здравоохранению).

6. Снижается гарантированность оплаты труда. Это сопровождается значительным уменьшением доли тарифа в зарплате до 30-35%, а иногда до 15-20 %².

Чрезмерно низкая доля тарифа практически разрушает всю организацию зарплат: обесценивается значимость квалификации, процветает субъективизм, не используются обоснованные нормы и нормативы трудовых затрат. Она фактически предполагает, что и минимальная тарифная ставка не может быть установлена на уровне прожиточного минимума. Зарплата утратила основные функции - воспроизводственную и стимулирующую, превратившись, по выражению директора НИИ труда В.Кулипова, в "пособие по труду".

7. Отсутствует эффективное социальное партнерство. Малый бизнес вообще предпочитает обходиться без заключения коллективных договоров, ограничиваясь в лучшем случае трудовыми контрактами.

8. Зарплата стала конфиденциальной информацией. Многие работодатели не проявляют заинтересованности в предоставлении объективной и открытой информации о стоимости рабочей силы. Механизм возмещения затрат на воспроизводство рабочей силы существенно изменился в результате отказа от планово-административных распределительных отношений, что сопровождалось резким снижением жизненного уровня, ростом нерегулируемых источников возмещения затрат. Главное - утрачены методы учета условий воспроизводства рабочей силы по отраслям и территориям.

Обобщая вышеприведенные факты, можно сформулировать следующие направления изменений в области организации и оплаты труда:

- назрела необходимость разработки общегосударственной концепции регулирования социально-трудовых отношений в современных условиях, которая бы сформулировала понятие "цена рабочей силы" и методы регулирования ее на федеральном, территориальном и производственном уровнях;

- с целью создания информационного поля целесообразно организовать выпуск отдельного печатного издания, освещающего вопросы организации и оплаты труда. Существующий журнал "Человек и труд" в основном освещает вопросы, связанные с рынком труда, а это вполне самостоятельная тема.

В связи с этим хотелось бы рекомендовать и областной газете "Звезда" в качестве приложения иметь не только "Капитал", но и "Труд".

Создание информационной открытости в области труда и заработной платы может быть методом общественного контроля за их уровнем и динамикой. На региональном уровне должны быть центры изучения и регулирования социально-трудовых отношений. Эти центры могли бы быть созданы при областной администрации. Они должны заниматься мониторингом этой сферы, обследовать работодателей по их затратам на рабочую силу, обосновывать региональную политику, прогнозировать ее развитие.

Назрела необходимость разработки общегосударственных и региональных стандартов (социальных нормативов) по видам потребностей, с которыми можно было бы сопоставлять фактические затраты на рабочую силу и ставить задачу по оптимизации уровня и структуры оплаты труда.

Эти стандарты необходимы договаривающимся сторонам ("социальным партнерам"), а также во многих других случаях, в частности, при рассмотрении регионального инвестирования, бюджетного финансирования и т.д.

Перечисленные направления - это только первоочередные меры упорядочения организации и оплаты труда, но они являются наиболее актуальными в современных условиях реформирования.

---

¹ Экономика и жизнь. 1996. N3.

² Человек и труд. 1996. N1.

ПРОГНОЗИРУЕМОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ПУТЬ СНИЖЕНИЯ ИЗДЕРЖЕК НА ПРЕДПРИЯТИИ

Итоги деятельности многих предприятий за последние годы переходного периода к рыночной экономике свидетельствуют о том, что принятие управленческих решений запаздывает по сравнению с воздействием внешней среды. Отсутствие сбыта, затоваривание продукцией, взаимные неплатежи предприятий за комплектующие и сырье, а торговых организаций - за продукцию, задолженность предприятий по расчетам с бюджетом и внебюджетными фондами - все это свидетельствует о том, что многие руководители оказались неподготовленными к новым рыночным условиям хозяйствования.

Как правило, многие решения принимаются после появления результатов, как реакция на отклонение от запланированных значений экономических показателей.

Прогнозируемое или упреждающее управление основано на предвидении угрозы появления срывов производства, убытков и способствует, если не устранению их вообще, что мало вероятно в современных условиях, то существенному их уменьшению.

При реактивном управлении происходит запаздывание принятия решений по объективным причинам - необходим сбор и выдача информации, отсутствует желание принимать решения, связанные с определенным риском, инерция мышления и боязнь ответственности.

Упреждающее управление на основе разработки и осуществления стратегических моделей позволяет ускорить темп управления, под которым следует понимать временной интервал, по истечению которого руководитель принимает и реализует управленческое решение.

С учетом рыночных условий и конкурентного статуса для каждого предприятия может разрабатываться конкретная стратегия (снижение себестоимости, сегментирование рынка, внедрение новшеств, немедленное реагирование на потребности рынка и т.п.).

Управление предприятием или бизнесом вообще по отклонениям от прогнозных сценариев производственного цикла позволяет своевременно собрать необходимые финансовые, материальные и трудовые резервы, которые позволят существенно сократить ущерб от неблагоприятных воздействий постоянно изменяющейся внешней среды.

К ВОПРОСУ О ПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТИ СТРАХОВЩИКА

Одной из основных гарантий "нормальной" деятельности страховых организаций является достижение ими реальной платежеспособности. Хотя необходимость обеспечения платежеспособности актуальна в настоящее время для всего российского рынка, специфика страховой деятельности требует особого подхода к этой проблеме.

К платежеспособности страховщика предъявляются более высокие требования, чем ко многим другим хозяйствующим субъектам. Это обусловлено следующими причинами.

Во-первых, самой сущностью страховой деятельности, целью которой является предоставление страховой защиты, что конкретно при наступлении страхового случая выражается в возмещении наступившего ущерба, в уплате страховых сумм.

Следующая причина определяется особой ролью страховых организаций как стабилизатора рынка, гаранта бесперебойности воспроизводственного процесса, а также социальным характером страховой услуги для населения, что предполагает включение в задачу обеспечения платежеспособности страховых организаций макроэкономического аспекта.

Особой заботы о платежеспособности страховщика требует и сам характер страховой услуги, в основе которой лежит категория страхового риска. Страховой риск определяет вероятностный характер обязательств страховой организации, что требует специфических финансовых гарантий их выполнения.

Когда изучаются показатели платежеспособности, то подразумевается, что предприятие находится в некоторой устойчивой среде, в которой все остальные параметры известны и, что особенно важно, стабильны. Однако страховщик берет обязательства на будущее, руководствуясь прошлым опытом (который к тому же не всегда имеется). И никакое самое точное, обоснованное и авторитетное предсказание не может быть верным на сто процентов. Более того, страховщик берет на себя обязательства, выполняться которые должны либо через достаточно большой промежуток времени (например, при пенсионном страховании, на дожитие), либо срок и размер которых неизвестен и которые определяются с помощью теории вероятностей (страхование от несчастных случаев, транспортных средств и т.п.).

То есть, если любое другое предприятие знает, когда и сколько ему нужно платить своим партнерам или в каком размере и в какие сроки оно должно погасить кредит и уплатить по нему проценты, то страховщику сроки и размеры своих обязательств перед страхователями известны с весьма большой степенью допуска.

В силу этого для страховой деятельности важна не просто способность платить по обязательствам, а способность выполнять их при любом неблагоприятном изменении ситуации, при самом худшем для страховщика стечении обстоятельств.

Следующая причина повышенного внимания к платежеспособности страховщика определяется необходимостью расширительного толкования его обязательств. В условиях рынка страховая организация активно включена в инвестиционный процесс, участвует в разнообразных финансово-кредитных отношениях. Следовательно, помимо обязательств перед страхователями, страховщик имеет и нестраховую задолженность. Безусловно, страховые обязательства являются главными, но и обязательства перед другими кредиторами могут достигать весьма значительных размеров, что, несомненно, влияет на их платежеспособность. Однако на практике, и этому, в частности, способствует утвержденная Росстрахнадзором методика оценки платежеспособности на основе нормативного размера соотношения активов и обязательств страховщика, при расчете платежеспособности учитываются лишь страховые обязательства.

Поскольку проблема финансового состояния страховых организаций возникла в связи с переходом к рыночной экономике, по многим весьма существенным вопросам в отечественной теории страхования до сих пор не существует единого мнения. Неразработанность данной темы, а также повышенные требования к обеспечению платежеспособности страховщика настоятельно требуют особого внимания к этой проблеме со стороны современной науки.

НОВЫЙ МИР ТРУДА

*Отождествляя себя с теми,
кто приближает будущее,
а не с теми, кто стремится
удержать прошлое,
вы обрываете силу в столкновении
с реальностью.
Джон Нейзбитт*

ПОКОЛЕНИЯ ПРИХОДЯТ И УХОДЯТ

Существует тесная связь между достижениями в технологии и социальным прогрессом. Люди в течение 50 000 поколений были охотниками и рыбаками, на протяжении 500 поколений - охотниками и земледельцами и менее 200 - земледельцами и ремесленниками. Человек индустриальной эпохи свои первые результаты стал получать менее 10 поколений тому назад.

С 60-х гг. XX в. человечество вступает в современную парадигму и входит в длительную эпоху, базирующуюся на знании.

Индустриализация вкупе с урбанизацией, массовым производством, с транспортом, для которого не существует расстояний, радикально изменили человеческую жизнь.

На ее ранней стадии пытались сохранять прежние орудия труда и стратегии самодостаточного общества. Потребовалось время, чтобы понять, что новые источники энергии, новые машины и материалы, новые профессии, технологии, организационные принципы, - все это базируется на своих собственных основаниях.

В наши дни предпринимаются энергичные усилия, чтобы перенести устаревшие элементы из старого индустриального общества в будущее. Настойчиво повторяются попытки идти против течения.

Знания, а не руда или гидроэнергия, становятся теперь главным капиталом развитой экономики. Использование знаний является условием создания новых орудий и стратегий, недоступных в старом индустриальном обществе.

Наше поколение - первое в бесконечной цепи грядущих поколений, представляющих собой интеллектуальное, непрерывно меняющееся, открытое, нерегламентированное общество. В этом развивающемся обществе нет какого-то естественного конечного пункта или пика в развитии интеллектуальной деятельности. Даже уникальные технологические новшества приносят выгоду недолгий период. У новых "продуктов" короткая жизнь. Открытия не ограничиваются каким-то отдельным технологическим направлением. Однако выдающиеся нововведения в одних отраслях могут быть связаны с открытиями в совершенно неожиданных и

несвязанных с ними других областях. Технология прогрессирует благодаря взаимодействию и взаимопресечению, вовлекающим многие дисциплины и отрасли. Следовательно, учеба, индивидуальная или коллективная, - самое настоятельное требование в краткосрочном плане.

РАБОЧАЯ СИЛА

С 1800 г. все первичные отрасли - сельское хозяйство, рыболовство, лесное хозяйство и т.д. - постепенно пришли в упадок.

Вторичные отрасли - производство товаров широкого потребления и другие отрасли промышленности, чей рост затормозился с начала века, - и поныне остаются в упадке.

Третичные отрасли - сфера услуг, связанных с транспортом, туризмом, распределением, ремонтными работами, преподаванием, медицинским обслуживанием и т.д., - хотя и продолжали расширяться, но не в соответствии с ростом количества занятых¹. Прежние прогнозы не вызвали оптимизма. Профессор Том Стоунир (США) предсказывал в 1978 г., что интеллектуальному обществу потребуется в будущем не более 10% мировой рабочей силы, чтобы оно удовлетворяло все материальные потребности людей. Подобные тенденции сохраняются вплоть до наших дней.

Мировое сообщество в следующем столетии должно предложить такие общественные системы, в которых бы люди, не имеющие регулярной работы, не теряли чувства ответственности и удовлетворения от жизни.

ВОЗНИКАЮЩИЕ МИРОВЫЕ СИСТЕМЫ

Многие ученые и организации анализируют изменяющиеся параметры мировой ситуации. Земной шар ограничен в размерах, и масштаб мировых стрессов коренится во взаимодействии многих субсистем: демографической, индустриальной, сельскохозяйственной и т.д.

Экологические модели используются теперь для предсказания возможных результатов названных естественных взаимодействий и выработки рекомендаций по поводу превентивных мер².

Развивающаяся индустрия оказывает влияние как на естественную среду обитания, так и на социальную сферу. Поэтому нельзя заниматься здоровьем рабочих в отрыве от здоровья сообщества в целом³.

Деятельность в индустриальной сфере подразделяется на три тесно связанные категории. Имеется вертикальная субсистема (материнские и дочерние компании и т.д.), горизонтальная субсистема (циркуляция материалов, продуктов и т.д., распределение в пространстве и во времени; горнодобывающая промышленность; очистка, потребление, повторное использование отходов производства и т.д.), структура населения (возраст, пол, белые и синие воротнички и т.д.): все они действующие лица сложного сюжета общества.

Знание, мастерство, благосостояние, физическое и умственное состояние - все это влияет на его здоровье⁴.

Прогностическая медицина должна основываться в своих предвидениях наряду с прочими факторами и на экологических соображениях⁵.

ОТ КОЛИЧЕСТВА К КАЧЕСТВУ

Первая индустриальная революция была нацелена на количественный рост: рост продукции массового производства, новые рынки на отдаленных континентах, увеличение объемов производства. Постепенно общество насытилось "плодами" массового производства.

Технологическая революция, свидетелями которой мы являемся, имеет совершенно иной характер. Сейчас речь идет о качестве, именно оно служит мерилем прогресса. Если в прошлом приемлемой считалась норма потерь 10 на 100, то сегодняшняя норма 10 на 1000000. В настоящее время, когда численность населения ставит количественную проблему во всемирном масштабе, вопрос о том, каким образом трудится человек, создает всемирную проблему качественного характера.

Два технических и два научных последствия, возникших начиная с 1950-х гг., в высшей степени показательны для этой тенденции в окружающей среде.

С технологической точки зрения поток новых продуктов, особенно новых химикатов, привел к гигантскому усилению внешнего воздействия на все без исключения виды на земле. При десятикратном увеличении внешнего воздействия на популяцию чувствительность технических методов измерения такого воздействия возросла в тысячу или миллион раз. Это привело к серьезному конфликту между различными заинтересованными группами: способность измерять все более низкие уровни воздействия не сопровождалась соответствующим ростом способности сколько-нибудь удовлетворительно интерпретировать полученные данные.

С научной точки зрения последствия такого состояния дел проявились в двух главных отношениях. Во-первых, становится устойчивой тенденцией отказ от классических методов оценки допустимого для безопасности человека уровня внешнего воздействия⁶. Во-вторых, рост точности измерения данных сочетается с увеличением потребности в разработке удовлетворительных критериев, чтобы определять приемлемые стандарты и нормы нагрузок на экосистему⁷. Эти два требования объединились в концепции риска и оценки его допустимости. Эта оценка расширяется настолько, что покрывает долгосрочные, вредные эффекты в целом⁸. Прежние стандарты пригодности неприемлемы из-за их недостаточности и краткосрочного характера их прогностической силы.

ОПОРНЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ

С публикацией 9000 серий Международной организации по стандартизации (МОС) о "Принципах управления качеством" в 1987 г. увеличился поток информации о качестве в международной торговле. Серии были быстро усвоены, их стали использовать в своей работе многочисленные национальные и региональные организации. Следующим важным шагом явилась стратегия применения международных стандартов в области качества на 90-е гг. "Видение 2000", принятая МОС в 1990 г.⁹

В "Видении 2000" поставлены четыре стратегических цели для 9000 серий, увязанные с 10000 стандартов МОС, которые были или подтверждены или частично пересмотрены.

К 2000 г. нужно добиться универсальной приемлемости, немедленной совместимости, совместимости и гибкости на будущее.

Система управления качеством имеет два взаимосвязанных аспекта: 1) нужды и интересы компаний; 2) потребности и ожидания потребителей.

Спираль системы качества МОС следует использовать в том же самом смысле, что и спираль качества, предназначенную для того, чтобы служить символом непрерывного улучшения качества систем, выдвинутых другими международными организациями. Однако интеграция параметров здоровья и безопасности в единую систему качества невозможна, если они не выражены в сопоставимых показателях. На уровне компании необходимость в этом подчеркивается текущими дискуссиями в таких областях, как индустриальная демократия, качество жизни трудящихся, методы совместных консультаций и прочие родственные темы. Работодателям и работополучателям необходимо рассматривать эти тенденции как составную часть изменений в индустриализированном обществе в целом¹⁰.

МЕНЕДЖЕРИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ

В индустриальном обществе интернациональное производство - существенный элемент экономического успеха. Вызов, брошенный менеджменту, состоит в том, чтобы организовать предприятия, способные стабильно функционировать как на глобальных, так и на локальных рынках. Это требование предполагает необходимость разработки комплексных систем для глобального производства, совершенствования продукции, технологического обеспечения, финансов, распределения и т.д.

Обеспечение роста и выживаемости современных компаний - трудная задача. Если официальные меры по регулированию здоровья и безопасности не подходят к новой функциональной структуре, тогда инициативу берут на себя другие силы.

Имеются, однако, признаки того, что власти отдают себе отчет в таких новых требованиях и хотели бы поспособствовать совместным усилиям по линии развития новых производственных систем. Если согласие с легальными требованиями реализуется как интегральная часть саморегулируемой системы, то изменения в правовых стандартах происходят параллельно с изменениями в производстве.

В регулярно издаваемых ежегодных отчетах британского Исполкома по охране здоровья и труда (ИОЗТ) констатируется, что "высокие стандарты менеджериального контроля являются ключом к высоким стандартам здоровья и безопасности".

В большом количестве исследований несчастных случаев на производстве содержится вывод о том, что позитивные действия менеджмента помогли спасти много жизней¹¹.

На этом базируется разработанный ИОЗТ стандарт "Успешный менеджмент в деле охраны здоровья и безопасности труда".

Несколько других документов открывают дверь для соединения стандартов здоровья и безопасности с практикой управления качеством в целом, как это выражено, например, в БС 7850¹².

Системное мышление является базисом для статистического контроля применительно к безопасности труда¹³. Традиционно личная безопасность основывалась на национальной статистике данных о количестве несчастных случаев и строгости норм безопасности, а не на контроле внутри компаний. Но такие данные носят исторический характер, они отражают то, что уже свершилось, а не текущее состояние. Более эффективный подход - это прямые усилия, направленные на то, чтобы предотвратить травматизм. Это возможно, если должным образом собирать информацию (о людях, методах, оборудовании, окружающей среде) и осуществлять точно выверенные и соответствующие ситуации меры.

При растущем количестве правовых стандартов теперь требуется новая концепция процесса управления. В федеральном стандарте США (OSHA 3132) процесс анализа риска¹⁴ включает: (1) что - если, (2) контрольный список, (3) что - если/контрольный список, (4) исследование степени риска и действенности (HAZOP), (5) анализ негативных эффектов и их последствий (FMEA), (6) анализ цепи всех возможных последствий или (7) соответствующая эквивалентная методология.

Основой пунктов 4-7 являются системы мышления¹⁵. Системы мышления могут быть аналитическими, холистическими и прагматическими. Методологический подход концентрируется скорее на отношениях, чем на отдельных элементах, идентифицирует модели, а не события и использует принцип обратной связи.

ЭТАЛОННОЕ ТЕСТИРОВАНИЕ ВТОРГАЕТСЯ В СФЕРУ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ И ТРУДА

Эталонное тестирование - это непрерывный систематический процесс сравнительной оценки продуктов, услуг, способов организации труда в свете наилучших практических результатов в каждой из сфер. Организационное поведение и действие - это не статические концепции, они подвержены постоянным изменениям. Поэтому эталонного тестирования эффективности на одноразовой основе явно недостаточно.

В качестве ключевого элемента в сравнительном анализе необходимо выделить общую систему измерения в сходных функциональных

и динамических условиях (производство, техника, маркетинг, окружающая среда). Собственную деловую практику следует сравнивать с практикой тех организаций, которые утвердились в качестве лидеров или новаторов.

ПЕРЕСТРУКТУРИРОВАНИЕ

Это слово, обычно применяемое к радикальному перепланированию предприятий и институтов, процессов, организаций, культуры с тем, чтобы пойти навстречу потребителям, ускорить операции, сделать их более гибкими.

Переструктурирование означает готовность начать все сызнова. Заменить устаревшие правила и ограничения. Другие - вновь подтвердить или изменить. Если непрерывное улучшение качества действует главным образом в рамках существующих процессов, переструктурирование стремится осуществить прорыв, отбрасывая прочь старые и заменяя их совершенно новыми. В обеих стратегиях проблемы здоровья и безопасности должны быть центральными.

Общим для непрерывного улучшения качества и переструктурирования является то, что они базируются на жестко логическом мыслительном процессе и последовательных стратегиях¹⁶.

ПРЕПЯТСТВИЯ

Современные правовые стандарты относительно охраны здоровья и безопасности в общем не являются открытыми, они отнюдь не спланированы таким образом, чтобы изменяться вместе с развитием компании, более того, они основываются на том особом уровне развития, который существовал в период их формирования.

Закрытые стандарты охраны здоровья и безопасности в настоящее время остаются несоординированными и их нелегко совместить с активными открытыми стандартами производства. Эталонное тестирование является методом, призванным гармонизировать эти два типа стандартов, чтобы свести до минимума риск травматизма и негативные для здоровья рабочих эффекты. На всех уровнях ответственности используются надежные и относящиеся непосредственно к делу данные.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ

Современная информационная технология прогрессирует благодаря все возрастающему использованию искусственного интеллекта, развитию интеллекта и виртуального мышления. Познавательные системы, использующие такие ресурсы, решают теперь проблемы производства и производительности, являются эффективным средством в исследовании и обучении. База знаний экспертной системы удобочитаема и легко модифицируется. Интеллектуальные системы в высшей степени интерактивны. Если на заводе с 30000 производственных стандартов

меняются 5 стандартов по охране здоровья и безопасности, экспертная система моментально и точно укажет на необходимость изменения всех подвергшихся воздействию операционных стандартов.

УРОКИ ИЗ ОПЫТА РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

Недавно ставшие индустриальными страны Восточной и Юго-Восточной Азии - самые быстроразвивающиеся регионы мира: Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг, Китай.

Эти страны "перепрыгивают" через индустриальную стадию прямо в интеллектуальное, базирующееся на знании общество. Для них не очень актуальны концепции старых индустриальных стран, которые сохраняют еще много остаточных элементов первой индустриальной революции¹⁷.

Британский ученый, сэр Дж.Маддок констатировал несколько лет назад (в 1982 г.), что для старых индустриальных стран стал помехой устаревший тип мышления и им трудно научиться тому, как забыть прошлое¹⁸. Новые же индустриальные страны начинали с нуля. Им ничего не надо было забывать.

Нерасположенность к изменению устаревших навыков, прежних установок, старых заводов и старого законодательства теснейшим образом была связана с законом инерции; "ничего не предпринимать до импульса извне", как сказал сэр Маддок. Такой внешней силой для старых индустриальных стран послужила конкуренция со стороны молодых энергичных соперников.

Время показало, что Маддок был прав¹⁹. В традиционных индустриальных странах ресурсы должны быть направлены на переподготовку чиновников, занимающихся вопросами охраны труда и здоровья, с тем, чтобы они могли изменить установки, структуры и процедуры, которые препятствуют в наши дни интеграции параметров безопасности и здоровья в программы качества, которые теперь в ходу во всякого рода институтах - от университетов до производства и услуг.

О примере развития в высшей степени эффективных систем охраны труда и здоровья информирует компания Проктер энд Гэмбл (ПГК), Цинциннати, США²⁰.

ПГК - компания, производящая потребительские продукты. Ее изделия используются для чистки и мытья. Ориентированная на качество организация по принципу команды была создана в 1982 г., когда на смену прежней стратегии, основанной по принципу ответной реакции, пришли непрерывные, нацеленные на интеграцию процессы. Ключевые численные элементы рейтингов (планирование, стандарты, обучение, обратная связь и т.д.) от 0 до 10 отражали достижения. Общие рейтинги происшествий позволили периодически выявлять связь между прогрессом и целями. Демингс РОСА (Plan, DO, Check, Act - План, Документы, Контроль, Действие) - цикл был использован для непрерывного совершенствования²¹.

Приверженность компании качеству сберегла много денег. В 1989 г. возмещение трудовых издержек составило 10 млн дол. При стратегии

ответной реакции для того, чтобы удержаться на среднем национальном уровне, потребовалось бы примерно 60 млн. Компания должна была бы увеличить объем продаж до суммы, превышающей миллиард долларов.

Вывод таков: корпорация с "усредненным" курсом в области охраны труда и здоровья не выживет в сегодняшней конкурентной среде.

ДВА НАСТОЯТЕЛЬНЫХ ВЫБОРА

Есть два настоятельных выбора, которым следует уделить особое внимание: сломать стену между концепцией восьмичасового рабочего дня и круглосуточной ответственностью сообщества за здоровье и далее построить мост через пропасть между пассивными стандартами здоровья и безопасности, с одной стороны, и активными производственными стандартами - с другой.

Шведская инспекция индустриальной безопасности хорошо организована, управляема и экипирована, но все еще издает инструкции главным образом в духе стратегии ответной реакции. Такие закрытые стандарты поглощают много денег и создают обманчивое впечатление надежности.

Вот цитата из выступления на международной конференции в Бержераке (Франция, 1993): "В противоположность принципам шведской инспекции мы констатируем, что после 1945 г. практически немыслимо обнаружить какой-то случай, когда бы конкурентные или рыночные механизмы не были бы решающей силой в продвижении технологического развития, которое, в свою очередь, создает благоприятные предпосылки для совершенствования трудовой среды. В течение этого периода институт трудовых инспекций сыграл маргинальную роль и фактически превратился в изолированную, анахроническую организацию в деле конкретного предотвращения профессиональных травм и заболеваний"¹.

На той же самой конференции говорилось, что подход в стиле ответной реакции доминирует применительно к трем наиболее распространенным типам несчастных случаев, регистрируемых во всех странах, а именно: бытовые, профессиональные и транспортные.

Ответственные за их предотвращение органы не координируют свои усилия на национальном уровне.

Поскольку забота о здоровье и безопасности начинается дома, вызывает тревогу то, что домашними несчастными случаями все еще так пренебрегают². Вот поразительный пример:

Стационарные пациенты (50000), выписанные из норвежских больниц в течение 1990 г., пострадали от несчастных случаев разного рода в такой пропорции (%):

Бытовые несчастные случаи	31
Транспортные	16

Уличные происшествия, за исключением транспортных	8,6
Спортивные травмы, за исключением получаемых во время учебы	8,5
Профессиональные травмы	6,6
Уход за больными/бытовые несчастья со стариками	5,8
Несчастные случаи на природе, морях, озерах, на воде	4,5
Несчастные случаи во время учебы	1,4
Спортивные травмы во время учебы	0,9
Несчастные случаи в детских садах, на игровых площадках ...	1,0
Прочие несчастные случаи во время отдыха	15,7
Всего	100,0

Если существует действенная, дающая ощутимые результаты стратегия постоянного улучшения охраны здоровья и безопасности на производстве, то она не охватывает бытовые, уличные и прочие несчастные случаи.

подготовка

Мастерство рабочей силы на всех уровнях - основное оружие конкуренции в XX столетии³. Поэтому управление человеческими ресурсами является центральным фактором выживания в конкурентной борьбе. Долгосрочное планирование образования и подготовки следует считать ключевым вопросом. Национальные стратегии в этой области отличаются друг от друга. В Японии непрерывная подготовка по специальности содержится в схемах, включающих учебу дома, на рабочих местах и курсы за их пределами.

Распределение этих форм подготовки варьируется в соответствии с возрастом (%):

Возраст	Дома	На раб. месте	Внеш. курсы
18	10	80	10
45	40	40	20
60	40	15	45

Подготовка посредством внешних курсов противодействует ограничению кругозора делами исключительно своего предприятия. В течение 1960-х гг. в Японии доминировал контроль над качеством и девизом 1960-х было свести убытки к нулю. В 1990-х гг. стал общим девиз: "Сделать компанию прибыльной!"

Стратегии новых индустриальных стран за удивительно короткое время превращали неквалифицированных людей в умелых высококвалифицированных рабочих. Процесс реструктурирования разрушал границы между разными видами труда. Индивидуальная работа становится более многомерной и интересной.

Если обучение принципам безопасности удавалось объединить в систему, то основанный на анализе поведения подход позволял в целом затормозить цикл несчастных случаев еще на ранней стадии, сосредоточившись на факторах, противодействующих циклической тенденции²⁵. Компании могут идентифицировать инциденты, контролировать группы со специфическим режимом работы, со специфическим поведением и стимулировать многоуровневое участие. Язык статистики и технологической информации в процессе решения проблем и планирования деятельности является общим для рабочих групп. Решения принимаются прямо на работе, там же непосредственно оцениваются результаты.

Можно напомнить, что первый призыв к открытым стандартам в области охраны здоровья и труда исходил от Британской королевской комиссии в 1972 г.²⁶ Комиссия под председательством лорда Роубенза предложила переход от детально разработанных директивных предписаний к саморегулированию и более широким обязательствам ("концепции качества жизни"). Долгая отсрочка практических действий иллюстрирует сохраняющуюся инерцию старого подхода к здоровью и безопасности. Его преодоление спасет в будущем много жизней²⁷.

¹ Maddock I. Beyond the Protestant Ethic// New Scientist. 1978. P.592-595.

² См.: Davidow W.H., Malone M.S. The Virtual Corporation. N.Y., 1992.

³ См.: Cothorn C.R. Comparative Environmental Risk Assessment. Boca Ration, 1993; Calabrese E.J. Biological Effects of Low Level Exposures to Chemicals and Radiation. Boca Ration, 1992.

⁴ Ogawa H., Sato K., Noro K., Tsuchiya K. Modelling of Industrial Ecological Systems for Evaluation of Health Services// Ecological Modelling. 1986. N. 31. P. 329-339.

⁵ Guidotti T.L. Adaptation of the Lifetime Health Monitoring Concept to Defined Employee Groups Not at Exceptional Risk. J. Occ. Med. 25. 1983. P.731-736.

⁶ OTA-H-256. Preventing Illness and Injury in the Workplace. Washington, 1985.

⁷ Asante-Duah D.K. Hazardous Waste Risk Assessment. Boca Ration, 1993.

⁸ См.: Calamari D. Chemical Exposure Predictions. Boca Ration, 1993.

⁹ ISO. Vision 2000. A Strategy for International Standards' Implementation in the Quality Arena during the 1990s, 1-13. Geneva, 1990.

¹⁰ Gerhardsson G. The Future of Occupational Hygiene. Ann. Occup. Hyg. 32. 1988. P.1-19.

¹¹ Deacon A. The Role of Safety in Total Quality Management// The Health & Safety Practitioner. 1994. Jan. P.18-21.

¹² См.: BSI (Британский институт стандартизации) 1992. Total Quality Management. BS 7850. Part 1. London.

¹³ Dennison M.S. On Threshold of a Compliance Deadline: Choosing Process Safety Analysis Plans// Occupational Health & Safety. 1993. Aug. P.38-44.

¹⁴ См.: U.S. Dpt of Labor. 1993.

¹⁵ 15 См.: Balle M. Managing with Systems Thinking. L., 1994.

¹⁶ См.: Hammer M., Champy J. Reengineering the Corporation. N.Y., 1994.

- ¹⁷ См.: Drucker P.F. Managing for the Future. Oxford, 1992.
¹⁸ Maddock I. Why Industry Must Learn to Forget// New Scientist. 1982. P.368-370.
¹⁹ См.: Drucker P.F. Op.cit.; Thurow L. Head to Head. L., 1993.
²⁰ Fulwiler R.D. Health and Safety's Stewardship of Key Business Values: Employees, Public Trust and Responsibility to Shareholders. Am. Ind. Hyg. Ass. 1993. J. 54. P.697-700
²¹ Deacon A. Op.cit. P.18-21.
²² Larsson T.J., Clayton A. (eds) Insurance and Prevention. IPSO Factum 46. Stockholm, 1994. P. 71.
²³ Ibid. P. 41.
²⁴ Thurow L. Op. cit. P.51.
²⁵ Dennisson M.S. Op. cit.; Larsson T.J., Clayton A. Op.cit. Esposito P. Applying Statistical Process Control to Safety. Am. Soc. Safety Eng. // Professional safety. 1993. Dec. P.18-23.
²⁶ См.: UK. Royal Comm. Report of the Committee on Safety and Health at Work. Cmnd 5034. JSBN 0717607941. L., 1972, 1974.
²⁷ См.: Plog B.A. (ed) Fundamentals of Industrial Hygiene. Chicago, 1988; Felton J.S. Occupational Medical Management. Boston, 1990.

**Карлссон Стиг
Швеция**

ЕВРОПЕЙСКАЯ СТРАТЕГИЯ ЗАНЯТОСТИ:

СЕГОДНЯШНИЙ ПРОГРЕСС И ПЕРСПЕКТИВЫ НА ЗАВТРА

(Общее мнение ЦОПШ и ЦСС о докладе Комиссии по тенденциям развития системы занятости в ЕС)

Этот доклад - звено в цепи намеченных в Эссене мероприятий, направленных на реализацию решений Мадридской конференции ЕС, которая по аналогии с Белой книгой поставила целью 50-процентное снижение безработицы к 2000 г.

Центральное объединение профсоюзов Швеции (ЦОПШ) и Центральный союз служащих (ЦСС) горячо поддержали такую стратегию. Руководящие принципы подразделяются главным образом на две части: экономическую и структурную политику.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Самый важный механизм достижения полной занятости и экономического роста - это направленность экономической политики. Структурная политика не дает эффекта, если макроэкономическая политика не спланирована удовлетворительным образом.

В настоящее время достигнут значительный объем торговли между странами и рынок капитала сильно интегрирован. Следовательно, международное сотрудничество чрезвычайно важно для того, чтобы

избежать столкновения стран друг с другом. Оно важно также и для достижения максимального эффекта, который способна дать координация.

Согласно ЦОПШ и ЦСС перспективы увеличения занятости и экономического роста зависят прежде всего от

* **валютной и кредитной политики**, благоприятствующей занятости и росту;

* **скоординированных стимулов для стабилизационной политики**, нацеленной на ограничение воздействия на занятость подъемов и спадов экономической политики;

* **системы формирования зарплаты**, которая должна способствовать сдерживанию инфляции на национальном уровне.

Единственная задача современной европейской валютной политики - поддержание стабильного курса денег. Малейшая угроза нестабильности в эволюции цен служит центральным банкам поводом для сдерживания экономики посредством увеличения процентных ставок. В течение 1980-90 гг. реальные учетные ставки процента были в Европе выше, чем во всем остальном мире. Это, возможно, и есть главная причина высокой нормы безработицы в Европе. Следовательно, европейской валютной политике необходимо придать новое измерение, чтобы установить разумный баланс между борьбой с инфляцией и усилиями по достижению экономического роста.

Информация, исходящая от Комиссии, гласит, что инфляция в Европе теперь ниже и стабильнее, чем три десятилетия тому назад. Вполне оправданной была бы более энергичная валютная политика в рамках стратегии роста занятости. Но в информации о валютной политике говорится только, что снижение общественных дефицитов благодаря росту уверенности на финансовых рынках может привести к более низким учетным ставкам, которые в краткосрочном плане способны оказать позитивное воздействие на инвестиции и занятость ("эффект вытеснения").

Но сокращение дефицитов часто достигается путем урезаний в комплексе социального обеспечения. Это ведет к возрастающей неуверенности в будущем и, как следствие, увеличению финансовых сбережений в частном секторе. Таким образом снижается спрос, что в свою очередь негативно влияет на занятость.

Валютные курсы в Европе нестабильны. Следовательно, предприятия не знают, как будет развиваться соотношение между прибылями и издержками, поскольку валютные курсы - фактор нестабильности в комплексе издержек. Валютные курсы создают также неуверенность в прогнозах для компаний-экспортеров. С их точки зрения в интересах занятости внутри Союза была бы весьма желательна система более стабильных курсов.

ЦОПШ и ЦСС понимают, что доклад не высвечивает в достаточной мере важность валютной политики в стратегии, нацеленной на полную занятость. Самый важный фактор возрастания занятости - это более низкие процентные ставки. Стабильные валютные курсы действуют в пользу

развития экспортного сектора в Союзе и, как следствие, в пользу занятости в целом.

Первой задачей **финансовой политики** должно быть сбалансирование и стимулирование экономики с тем, чтобы избежать слишком глубоких рецессий и сопутствующего им увеличения безработицы, то есть осуществление активного стабилизационного курса. При условии, что это делается странами-членами координированно и не наталкивается на противодействие их центральных банков, стимулы со стороны позитивной финансовой политики дали бы хороший шанс воздействовать на занятость в положительном плане.

Если бы инвестиции в инфраструктуру увеличивались в течение периода низкой экономической активности, экономика росла бы вместе с улучшением перспектив на будущий подъем производства. Инвестиции в инфраструктуру являются также хорошей активной мерой для сохранения рабочей силы в состоянии готовности и избежания ситуации, когда долгосрочная безработица станет эндемической. Такие инвестиции в начале делового цикла обходятся государству дешево.

Образцом таких мер финансовой политики были бы общеевропейские усилия по инвестированию инфраструктуры (трансевропейская сеть) с целью улучшения коммуникаций не только в каждой отдельной стране, но и, по возможности, в первую очередь, между странами Союза. Такое предприятие заметно улучшило бы условия для производства в Союзе в целом и подняло бы его конкурентную мощь.

В докладе высказывается предположение, что макроэкономические меры могут привести к росту инвестиций на 3-3,5 % ежегодно в период с 1995 по 2000 г., а это имело бы следствием снижение безработицы на 7,5 % к концу 2000 г. По мнению ЦОПШ и ЦСС, такие высокие показатели роста не были бы возможны в 1995 и 1996 гг. Сценарий построен на основе высоких прибылей и низких темпов роста реальной заработной платы. Существует, следовательно, определенный риск, что спрос будет слишком низким для того, чтобы генерировать желаемое развитие инвестиционной политики. Поскольку валютная политика центральных банков имеет целью снижение инфляционных тенденций благодаря низкому спросу в частном секторе, инвестиции, по мнению ЦОПШ и ЦСС, должны быть сделаны посредством мер того типа финансовой политики, которые в общих чертах описаны выше.

ЦОПШ и ЦСС придерживаются взгляда, что в этом докладе не были достаточно полно рассмотрены шансы достижения менее резких конъюнктурных колебаний и, следовательно, более низкого уровня безработицы благодаря активной скоординированной финансовой политике. Без учета больших усилий, предпринятых в этом направлении многими странами-членами, основное внимание в докладе было уделено исключительно возможностям снижения бюджетных дефицитов. Между тем очевидны угрозы рецессий, которые могли бы подорвать возможности снижения безработицы.

СТРУКТУРНАЯ ПОЛИТИКА

Критерии конвергенции и ЕВС задуманы в значительной степени ради ограничительных мер в экономической политике. Это особенно верно относительно норм инфляции, сформулированных в динамическом ключе, а также относительно критериев бюджетного и иностранного долга. Никогда еще не было сколько-нибудь глубокого исследования того, являются ли эти условия в долгосрочной перспективе совместимыми с полной занятостью.

ЦОПШ и ЦСС считают, что такое исследование следовало бы провести.

Так, проблема инфляции в Союзе имеет приоритет по сравнению с занятостью, поскольку экспансионистская денежная политика возможна только в здоровой неинфляционной экономике, где возрастающий спрос не должен вести к росту инфляции. Вдобавок к хорошо функционирующей конкуренции на рынках и контролю над ценами есть, в действительности, только один надежный и успешно практикуемый метод сдерживания инфляции - сохранение безработицы на высоком уровне.

Но так как очень немного людей настроено в пользу высокой безработицы, мы должны найти иные пути выхода, например, такие, какие обычно называют структурной политикой. Порой доклад создает впечатление, что именно структурная, а не экономическая политика является реальным решением проблем занятости в Европе. Однако имеются, по крайней мере, две стратегии в структурной политике, направленные на создание экономики достаточно сильной, чтобы противостоять инфляции:

1) оказывать воздействие и постоянно обновлять систему переговоров, а также системы формирования зарплаты с тем, чтобы минимизировать инфляционные тенденции;

2) создать рынок труда, который был бы настолько эластичным и гибким, чтобы мог нейтрализовать инфляционное давление.

Первая стратегия возможна только тогда, когда стороны на рынке труда в отдельных странах готовы взять на себя полную ответственность за процесс формирования заработной платы. К настоящему времени этого нет ни в одной из стран Союза. Поскольку в современной экономике издержки по заработной плате достигают почти 80 % производственных издержек, очевидно, что именно они оказывают решающее влияние на общую динамику цен и затрат.

Доклад довольствуется констатацией того, что эволюция зарплаты продолжает играть важную роль на рынке труда и что зарплата, как ни странно, должна расти медленнее, чем производительность. Последнее утверждение особенно шокирующее, так как прибыли в экономике в настоящее время крайне высоки. Эти прибыли провоцируют формирование зарплаты, не связанное с инфляцией, и в большей мере используются для роста инвестиций и/или повышения квалификации, развития новых трудовых навыков.

ЦОПШ и ЦСС считают, что можно понизить уровень безработицы благодаря росту спроса в экономике. Однако это возможно только при условии, если в то же самое время обеспечить низкую инфляцию, иными словами, это должна быть здоровая с точки зрения инфляционных процессов экономика. Ограничения инфляции в Союзе являются твердыми и неослабными. Практически ни одна страна не может уклониться от них без суровых последствий.

По мнению ЦОПШ и ЦСС, доклад должен был бы уделить больше внимания этому вопросу и указать на возможности и конструктивные пути решения этой дилеммы.

Вторая стратегия, а именно стратегия эластичности и гибкости, может быть применена с учетом двух условий:

а) Благодаря развитию образования и повышению мастерства в рабочей среде, активизации политики на рынке труда, включая службу занятости, специальную подготовку рынка труда, профессиональную ориентацию, перемещение стимулов, поддержку начинающих собственный бизнес и другие прочие имеющиеся в распоряжении меры относительно трудовых ресурсов.

б) Благодаря стимулам в стиле "теории предложения", которые увеличивают дифференциацию в заработной плате и ослабляют гарантии занятости, сокращают периоды получения пособий по безработице, делают упор на меры по адаптации.

Доклад содержит предложения с признаками стратегии второго типа, то есть дробление работы, развитие неполной занятости и временной работы, снижение налогов на увольнения и стимулы для уменьшения занятости в сфере производства благодаря снижению зарплаты. Такие предложения, естественно, не ведут к росту спроса в экономике, а следовательно, и к росту занятости.

Их следствием скорее является ухудшение дела с надежной защищенной занятостью, они также создают для предприятий возможность дальнейшего роста прибылей при более низкой средней производительности. Альтернативой и более эффективным путем стимулирования занятости для групп, испытывающих особые трудности на рынке труда, служит прямая целенаправленная поддержка.

ЦОПШ и ЦСС придерживаются мнения, что правительства и стороны, выступающие на рынке труда, должны договариваться о мерах и условиях, которые облегчат группам со специфическими проблемами доступ на рынок труда.

Увеличение же интенсивности труда в регулярной экономике посредством низких ставок зарплаты и налогов на увольнения, ухудшение условий занятости и т.д. вместо того, чтобы создавать больше рабочих мест, ведет к

- * расширению разрыва между разными социальными группами;
- * торможению производительности и реальной заработной платы;
- * возрастанию социальных издержек для общества в долгосрочном плане. ЦОПШ и ЦСС полагают, что странам следует воздерживаться от таких мер, поскольку они порождают долгосрочные проблемы. Европейской стратегии лучше сконцентрироваться на развитии трудовой квалификации и профессионального мастерства, способности приспособления к новым и технологически наиболее передовым методам производства.

В течение 70-80-х гг. Швеция расширила общественный сектор, чтобы удовлетворить потребность в обслуживании стариков, семей, имеющих детей, больных и т.д. Эти, часто трудоемкие, службы создавали повышенный спрос и занятость в экономике, так как эволюция зарплаты как в общественном, так и в частном секторах в основном держалась в рамках эволюции зарплаты вообще.

ЦОПШ и ЦСС считают, что дальнейшее развитие таких служб должно стать существенной частью европейской стратегии роста и занятости.

Обе организации критически относятся к вынужденной частичной занятости или другим формам сокращения рабочих часов с соответствующим снижением зарплаты. Систематическая концентрация на таких мерах создала бы большие проблемы для женщин. Они часто оказываются в условиях, когда вынужденная неполная занятость подрывает их самостоятельность и способность обеспечить себя. Для многих женщин такая частичная занятость в реальности означает также частичную зарплату.

Снижение пособий по безработице фигурирует в докладе в качестве возможного средства увеличения занятости. Это снижение упоминается в докладе как образец, достойный подражания и в Швеции. Но дело в том, что нет достаточных возможностей для работы. Количество рабочих мест не увеличивается от снижения пособий по безработице, наоборот, они сокращаются, так как более низкие пособия влекут за собой сокращение спроса.

Основываясь на шведском опыте, можно сказать, что эти меры могут вызвать в сфере занятости крайне незначительный позитивный эффект. Шведский опыт в большей мере демонстрирует позитивные меры: большая защищенность в процессе изменений облегчает структурные сдвиги на рынке труда.

ЦОПШ и ЦСС убеждены, что с любой точки зрения предпочтительнее первый метод (а) - повышение гибкости.

Вместо поощрения предложения стратегия должна делать упор на компетентность и конкурентоспособность рабочей силы, облегчать рост и занятость, локальную и профессиональную мобильность. Доклад также

содержит предложения в этом ключе, в частности в сфере образования, что мы и отмечаем с удовлетворением.

С многих точек зрения важно, что высокий уровень предлагаемого труда может привести к увеличению спроса на рынке и тем самым избежать его заупорки. Сокращение же в определенных секторах высококвалифицированных рабочих создает риск увеличения инфляции; рабочим с низким уровнем мастерства всегда будет труднее найти постоянную работу. Возникает вопрос, достаточно ли этих далеко идущих предложений, чтобы поправить ситуацию с относительно низким образовательным уровнем в Европе?

ЦОПШ и ЦСС считают особенно важным на деле отдать приоритет усилиям в сфере образования - будь то обучение молодежи или периодическое переобучение.

Цель снизить бюджетные дефициты не должна приводить к обеднению квалификации в Европе и Европейскому Совету следует направить странам-членам обоснованные рекомендации в этой области. Если этого не сделать, может возникнуть ситуация, когда уровень образования европейской рабочей силы станет фактором, ограничивающим возможности увеличения экономического роста и тем самым возможностей снижения безработицы.

ИНСТИТУТЫ И ЗАНЯТОСТЬ

ЦОПШ и ЦСС полагают, что Эссенская программа и вытекающие из нее процедуры имеют существенное значение для того, чтобы поставить проблемы занятости в центр внимания ЕС и сделать их интегральной частью экономической политики.

Но стратегия занятости должна опираться на институциональную основу. В то время как сотрудничество между сторонами на рынке труда воплощается в социальном диалоге, сотрудничество между сторонами рынка труда и правительствами должно быть гарантировано усилением роли Постоянного комитета по занятости, которому следует предоставить расширенные возможности для координации совместных действий в этой сфере. Подобное сотрудничество между сторонами рынка труда на европейском уровне должно найти отражение и на уровне национальном.

По мнению ЦОПШ и ЦСС, стратегия занятости должна оставаться непрерывным процессом благодаря внесению поправок в договор об ЕС в соответствии с идеями, заложенными в предложении правительства Швеции, Межправительственной конференции 1996 г.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЭРГНОМИКИ В ИСТОРИЧЕСКОМ СВЕТЕ¹

Эргономика в широком смысле - это процесс "приспособления цели деятельности к человеку". Вполне очевиден тот факт, что само понятие "эргономика" происходит от греческого (*эргон* - дело и *номос* - закон или наука). Однако нет согласия насчет того, кто же первым использовал этот термин в его современном контексте, а также насчет значения понятия, которое еще и сегодня остается недостаточно четким.

Польские источники претендуют на то, что профессор Войцех Ястржбовский, специалист в области естественных наук, ввел этот термин в журнале "Природа и индустрия" в 1857 г.¹ Как бы то ни было концепция, эргономика нашла признание с тех пор, как английский психолог К.Ф.Мюррелл вновь ввел в обиход этот термин в конце 1940-х гг.²

Существует несколько различных определений этого термина. Международная эргономическая ассоциация (МЭА) была основана в 1959 г. как ассоциация-зонтик с тем, чтобы свести вместе множество "человеческих факторов" (термин, использовавшийся в США в качестве синонима эргономики) и эргономические общества из разных стран. Определение, данное эргономике МЭА, таково: "Эргономика интегрирует знания, получаемые науками о человеке, чтобы добиваться гармонизации работы, систем, продуктов и окружающей среды, физическими и умственными способностями людей, пределами их возможностей". А вот стандартизированное шведское определение: "Эргономика означает область междисциплинарного научного исследования и практического действия, что предполагает интегральное знание человеческих способностей, их границ, а также необходимость взаимодействия в системе человек-технология-окружающая среда для творчески осмысленного труда".³ В Швеции значение этого слова неоднократно менялось теми, кто его активно использовал.

---

¹ © Н.Ф.Петерссон, К.Ф.Смит, 1997.

Развитие эргономики

Применение эргономических принципов планирования трудовой деятельности началось во время второй мировой войны. Необходимость в дальнейших исследованиях, касающихся изучения людей в процессе труда, становится совершенно очевидной во многих странах, хотя и по разным причинам.

В Англии и США, где получили развитие очень сложные военные системы, главным образом информационные, вместе с тем обнаруживались несовершенства человека в процессе их практической эксплуатации. Становится очевидной необходимость сотрудничества различных профессиональных групп и прежде всего инженеров и психологов, только тогда можно надеяться на успех.

В то же самое время в Швеции, которая не участвовала в войне, имелись другие, вытекавшие из потребностей индустрии причины для изучения человека за работой. Главными отраслями индустрии и источниками дохода были лесное хозяйство и разработка полезных ископаемых. И то, и другое требовали применения тяжелого ручного труда. Необходимость рационализации продуктов питания во время войны поставила вопрос о том, какие требуются в этих отраслях затраты энергии рабочего, чтобы возместить физические издержки, обусловленные тяжелым трудом⁴. С самого начала в Швеции эргономику относили к "биотехнологии"⁵ и фокусировали внимание главным образом на физиологической стороне труда. В течение этого периода, как подчеркивал К.Ф.Мюррелл, эргономику не воспринимали как мультидисциплинарную науку. Все же именно в Стокгольме в 1961 г. Международная эргономическая ассоциация провела свою первую конференцию.

Эргономика и рационализация

В США эргономика развивалась в том же направлении, что и в Англии. Важнейший импульс исходил от различных, более ранних движений сторонников рационализации. Само понятие "эргономика" вошло в обиход в США сравнительно недавно. Первоначально эта дисциплина именовалась наукой о "человеческих факторах" или "человеческой инженерией". "Общество человеческих факторов" только в 1993 г. изменило свое название, которое выглядит теперь так: "Общество человеческих факторов и эргономики". Интеграция эргономики и движений за рационализацию хорошо просматривается как в США, так и в Швеции. Их усилия с самого

начала концентрировались на изучении связи между психологической усталостью и снижением производительности. Исследования хронометража рабочих операций были использованы для составления рекомендаций и принятия решений. Шведское "Руководство по эргономике" было опубликовано в 1966 г.

В том же году в Швеции был основан Национальный институт профессионального здоровья. Замысел состоял в том, чтобы создать такой институт, где были бы собраны эксперты, представлявшие различные дисциплины (физиологию, социологию, медицину, психологию, технику и т.д.), которые необходимы для комплексного изучения "человека за работой" с тем, чтобы создать оптимальные условия труда⁶. Одной из первых научных публикаций института была "Физиология труда как эргономический и производственно-технический инструмент"⁷, представлявшая собой практическую рекомендацию по применению принципов эргономики на предприятии при развитии новых методов производства. Примечательно, что институт имел пять отделений, при этом ни одно из них не было собственно эргономическим. Подобная ситуация изменилась только недавно, когда в 1996 г. институт предпринял реорганизацию и был переименован. Отделение эргономики было учреждено в рамках Национального института исследований проблем труда.

От физиологии труда к костно-мышечным нарушениям

Благодаря рационализации и в известной мере эргономике производительность в Швеции возросла на протяжении 1950-х гг.⁸ примерно на 50% . Тем не менее круг трудовых обязанностей в промышленности все еще определялся главным образом высокими физическими требованиями к рабочему. Только в течение десятилетий, последовавших за 1950-ми гг., большая часть тяжелого физического труда была исключена или снижена благодаря механизации и эргономическим модификациям. Индустриальный труд становится все легче, благодаря работе конвейерного типа, организованной по-тейлоровски. Производительность возросла на 90% в течение 1970-х гг. В этот же самый период на рынок труда в большом количестве вступили женщины. Также начало увеличиваться и продолжало быстро возрастать на протяжении 1980-х гг. количество костно-мышечных заболеваний. Среди женщин оно возросло с менее чем 0,3 % всех работающих в 1980 г. до 1,1 % в 1988 г. Костно-мышечные заболевания достигают примерно 70 % от всех заявленных с того времени заболеваний, связанных с трудовой деятельностью⁹. В северных странах стоимость

издержек, обусловленных этими болезнями, достигает 3-5 % совокупного национального продукта¹⁰. В результате, сместился фокус исследований по физиологии труда с изучения суммарного потребления энергии при тяжелом ручном труде и физиологического утомления на изучение факторов риска с точки зрения травматизма и локальных мышечных перегрузок с привлечением нового спектра исследовательских методов, например, электромиографических, систематического наблюдения и обследования симптомов.

Продолжающееся распространение костно-мышечных заболеваний убеждало, что эксперты, как исследователи, так и практикующие эргономисты, не в состоянии найти адекватные решения. Это можно было объяснить тем, что проблема обусловлена многими факторами¹¹, а большинство современных исследований концентрируется на каком-то одном из них. Другой причиной подобного положения дел может быть то, что исследователи и практики сосредоточивали внимание главным образом на механической стороне взаимосвязи по типу "возникновение опасности - ответ на это", не учитывая в качестве потенциальных факторов риска длительность и повторяемость в рамках такого типа взаимосвязи¹².

На клиническом уровне костно-мышечные болезни часто лечили физиотерапевты, которых нанимали на работу локальные центры по профессиональным заболеваниям, и которые в свою очередь имели слабое представление о производстве и совсем не имели контактов с инженерами (рис. 1). Таким образом, эргономическое вмешательство было отделено от организационного и рационализаторского подходов. Практически вклад эргономики характеризовался исключительно усилиями на микроуровне, а эргономика приравнивалась к индивидуальному подходу, концентрируясь на физическом проектировании рабочего места (например, высоте сидений и столов). Успех или выгоды подобного подхода отнюдь не всегда были видны¹³. Казалось, необходимы другие стратегии.

Демографические сдвиги и возрастание требований к трудовой среде

В течение делового бума конца 1980-х гг. для менеджмента во многих отраслях индустрии, особенно производственных, стало очевидно, что рекрутировать и удерживать адекватную рабочую силу, прежде всего молодых рабочих, - дело трудное. Причины этого включали общее изменение личностной системы ценностей, возросший риск костно-мышечных заболеваний и общие претензии молодых рабочих к непривлекательной трудовой обстановке. Изменение демографической

ситуации в Швеции, как и в остальном индустриализированном мире, предвещало сокращение молодежных источников притока рабочей силы и ее старение в ближайшие два десятилетия.

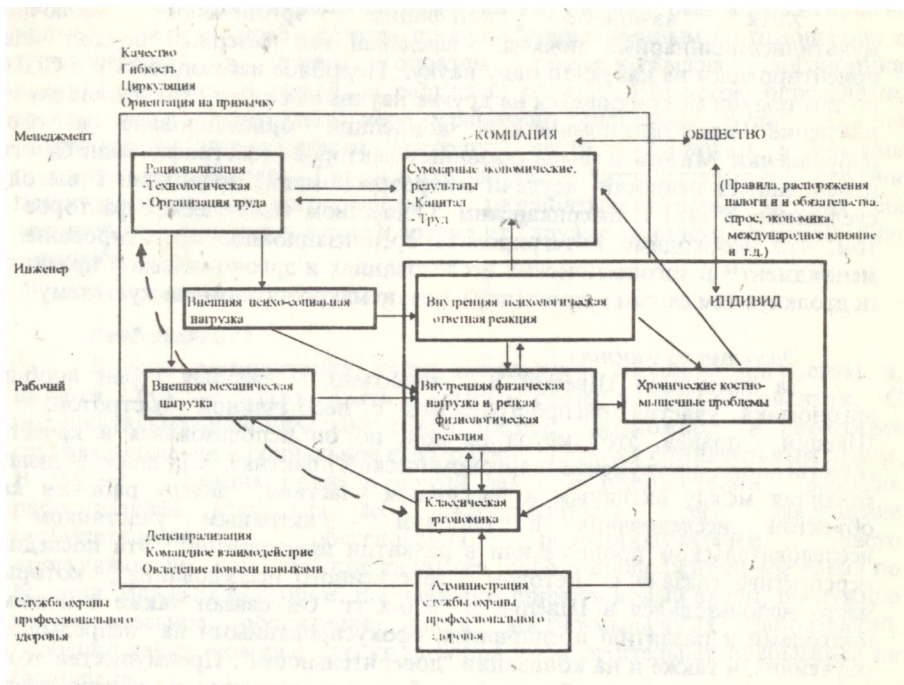

Рис. 1. Взаимосвязь между костно-мышечными последствиями и рационализацией.

Благоприятная трудовая обстановка, эргономические меры стали инструментом в конкурентной борьбе между отраслями за привлечение молодых рабочих.

Макроэргономика и ОДМ (Организационное проектирование и менеджмент)

Хотя начальная концепция эргономики включала мультидисциплинарный подход, шведский или северный подход чаще ориентировался на какую-то одну науку. Подобное наблюдалось и в США, но там подход фокусировался на другие научные области. Во всяком случае рождение макроэргономической концепции ориентировало в этом направлении. Многие из вышеуказанных факторов (демографические сдвиги, изменившиеся ценности, неудачи микроэргономики) подводили к выводу, сделанному в 1981 г. американским "Обществом человеческих факторов" о том, что необходимо интегрировать организационное проектирование и менеджмент¹⁴ в эргономических исследованиях и эргономической практике, подтолкнув тем самым эргономику в новую макроэргономическую схему¹⁵.

Эргономика участия

За пределами Швеции и, возможно, северных стран вообще, эргономика участия распространялась с необычайной быстротой. В Швеции, правда, этот метод не нов, но он использовался в качестве естественного инструмента в эргономической практике. Мы должны делать различия между активным и пассивным участием, между рабочим как объектом исследования и рабочим - активным участником в исследовательском процессе или в развитии предприятия. Эта последняя перспектива связана с методом "действенного исследования", который часто использовался в Швеции в 1970-х гг. Он связан также с новыми подходами к развитию предприятия, сфокусированными на "непрерывном обучении", а также и на концепции "доверительности". Преимущества этого метода в том, что он обеспечивает большую уверенность в успешности решения, возрастающее понимание эргономики, лучшее решение и эффективное проектирование¹⁶.

Новые технологии - новые сферы для эргономики

Влияние новой технологии на ситуацию в трудовой сфере и ее связь с эргономикой отнюдь не новый вопрос¹⁷. Тем не менее развитие и внедрение информационной технологии (ИТ) может привести к столь же огромным изменениям, как в свое время "индустриальная революция" или фордовская конвейерная линия, преобразовавшие структуру трудовой жизни и индивидуальную трудовую ситуацию как по содержанию, так и по форме.

Количество заявленных костно-мышечных заболеваний, связанных с трудовой деятельностью в интенсивно компьютеризированных отраслях в США, удваивалось ежегодно за последние пять лет¹⁸. Новые технические

устройства в дополнение к компьютерным панелям вводились во все возрастающем темпе. Работа с "мышью" или другими устройствами ввода является новой областью эргономических исследований в Швеции.

Потребительская эргономика

Выход ИТ и микропроцессоров на внутренний рынок акцентировал внимание на том, чтобы сделать продукт "дружественным по отношению к пользователю", таким образом потребительская эргономика распространилась в новой и растущей сфере. Шведское определение эргономики в значительной мере ограничено "системами труда". Тем не менее слова "эргономически пригодно" часто фигурируют в рекламе продуктов потребления. Теперь изготовители должны доказывать, что они достигли этого, а эргономисты - разрабатывать новые методы для тестирования продуктов с точки зрения их "дружественности по отношению к потребителю".

Реабилитация

В деле реабилитации часто используют этические аргументы и, кажется, что это должно быть выгодным обществу инвестированием. С индивидуально-экономической точки зрения, возможно, в некоторых случаях вложения в социальное страхование являются сомнительным делом. В 1991 г. Швеция приняла новый закон о реабилитации, вынудив работодателей взять на себя ответственность за завершение реабилитационного обследования работников, часто прогуливающих или отсутствующих на работе продолжительное время по болезни. Важным фактором, побудившим принять новый закон, послужило предварительное обсуждение роста костно-мышечных заболеваний, особенно таких, которые влекут за собой продолжительное пребывание на бюллетене.

Эргономика пожилого возраста

Повышается средний возраст рабочей силы. Этот эффект старения стимулировал интерес к проектированию рабочих мест для пожилых работников. В течение трех лет Институт ведет большую исследовательскую программу "Работа после 45". Программа выдвигает на первый план вопросы старения в процессе труда и влияние различных факторов на здоровье, психологические и социальные обстоятельства с учетом перспектив на рынке труда для возрастной рабочей силы. Одна из целей программы - определить стратегии для поддержания работоспособности и здоровья пожилых рабочих.

Новая рыночная ситуация - в центре внимания система производства и эргономика

Массового производства времен Форда уже давно нет и в помине. Рынок был тогда "безграничен" и, чтобы удовлетворить запросы потребителей, хватало одного варианта, в частности черной модели Т, и эта модель оставалась неизменной в течение довольно долгого периода, позволяя тем самым сконцентрироваться на одном продукте. Сегодняшний же рынок требует множества разных моделей изделия, будь то автомобили, телевизоры или компьютеры. И срок жизни модели теперь весьма короток. Новые модели могут выпускаться ежегодно. Эти рыночные требования влекут за собой изменения в системе производства и предъявляют новые требования к рабочим. Теперь ключевые слова на производстве - "качество", "ориентация на потребителя" и т.д. (рис.1). Труд требует командной слаженности и преумножения профессионального мастерства. Краткосрочный циклический труд по Тейлору, "облагороженный" в последние десятилетия, более не соответствует потребностям производства. Эргономика по-своему пытается ответить на новые вызовы. Или, возможно, эргономисты возвращаются туда, откуда стартовали, в качестве науки, близкой к производству и проблемам рационализации¹⁹.

В Институте начата новая исследовательская программа, названная "Содружество для оптимизации индустриальных производственных систем с учетом производительности и эргономики".

Интернационализация и распространение эргономики на развивающиеся страны

Глобальный рынок является реальностью. Производство попыталось пойти навстречу потребностям, перемещаясь ближе к различным рынкам, одновременно изыскивая источники снижения издержек материальных и людских ресурсов. В этой ситуации возникают опасения насчет "экспорта неблагоприятных условий труда". В МЭА и многих странах, в нее входящих, есть желание помочь развивающимся странам реализовать хорошие эргономические решения. Они демонстрируют это на практике своим участием в эргономических проектах и образовательных программах в развивающихся странах. Институт, например, были организованы в Африке и Южной Америке курсы по трудовой среде.

Обучение, тренинг и сертификация

В 1970-х гг. Институт предлагал курс по эргономике. Он назывался "Эргономика для техников-планировщиков" и состоял из шести однедельных сессий в течение года. Курс был возобновлен в 1990-х гг. и уже четырежды читался с тех пор.

В 1997 г. Институт в сотрудничестве с двумя техническими институтами будет введена магистерская степень по эргономике. Эта программа - ответ на потребность в более высоком профессионализме

ученых, соответствующем требованиям нового сертификата европейских эргономистов. Требования ЦРЕЭ (Центра регистрации европейских эргономистов) включают как теоретический академический эквивалент степени магистерского уровня, так и, по крайней мере, трехлетний стаж практической деятельности в области эргономики.

Регулирование

Эргономическое регулирование в Швеции восходит к 1979 г., когда появилось первое постановление Шведского национального комитета по профессиональной безопасности и здоровью. В 1982 г. было издано постановление о профилактике последствий постоянно повторяющихся в трудовом процессе движений и поз и распоряжение о производственной гимнастике. Шведский акт о трудовой среде устанавливал, что условия труда должны быть приспособлены к людям, учитывая различия их физических и умственных данных, и рабочим следует помогать в планировании их собственных личных трудовых ситуаций и процессов. В 1989 г. специалисты по трудовой среде из Северных стран объединили усилия с целью улучшить методы предотвращения костно-мышечных заболеваний. Существенным результатом их усилий стала разработка модели оценок влияния различных нагрузок на костно-мышечную систему. Примечательно, что модель учитывает такие факторы, как продолжительность трудового цикла, свобода действий, чувство удовлетворения от труда и возможности учебы²⁰.

Эргономика в будущем

Недавно МЭА проводила опрос среди входящих в нее 25 федеративных организаций, чтобы выявить их мнение о важности вновь и вновь возникающих проблем, исследовательских сфер.

Вывод из анализа широкого спектра мнений таков: мы оставили далеко позади военную эргономику 1950-х гг., последующую эру физиологии труда и теперь идем через "эру взаимодействия человека с компьютером" в эру познавательной и организационной эргономики. Мы также убеждены в тесной связи между эффективностью производственных систем и эргономикой. Однако мир становится все более сложным, постоянно и быстро меняющимся. Был бы опасно ограничиться указанием на некоторые направления. Истина в том, что эргономика будет становиться все разнообразнее и будет готова учитывать множество направлений и, таким образом, станет мультидисциплинарной наукой, как это уже было заявлено.

¹ Seminara J. A survey of ergonomics in Poland// Ergonomics. 1979. N 22. P.479-505.

² См.: Murrell K. Ergonomics - man in his working environment. L., 1965.

³ SIS HK 32/TK 6. Swedish Standard Institution, Stockholm.

⁴ См. Attebrant M. Ergonomic studies of level operation in forestry machines. Licentiate thesis. Change@Work Lund Institute of Technology, 1995; Lundgren N. The physiological effects of time schedule work on lumber workers. Acta Physiologica Scandinavica. 1946.

- ⁷ Hansson J.-E. Work physiology as a tool in ergonomics and production engineering// Arbete och Halsa. 1968. N 2. P.48.
- ⁸ Cm. Geer H. The rationalization in Sweden. Stockholm, 1978.
- ⁹ Cm. Occupational diseases and occupational accidents 1993. National Board of Occupational Safety and Health. Stockholm, 1995.
- ¹⁰ Winkel J., Westgaard R. A model for solving work related musculoskeletal problems in a profitable way// Applied Ergonomics. 1996. N 27. P.71-77.
- ¹¹ Kvarnstrom S. Occurrence of musculoskeletal diseases in an engineering company, with special emphasis on occupational cervicobrachial disorder (doctoral thesis in Swedish)// Arbete och Halsa. 1983. N 38. P.72.
- ¹² Winkel J., Mathiassen S. Assessment of physical work load in epidemiologic studies: concepts, issues and operational considerations// Ergonomics. 1994. N 37. P.979-988.
- ¹³ Winkel J., Westgaard R. A model for solving work related musculoskeletal problems in a profitable way// Applied Ergonomics. 1996. N 27. P.71-77.
- ¹⁴ Hendrick H. Human factors in organizational design and management// Ergonomics. 1991. N 34. P. 473-756.
- ¹⁵ Hendrick H. Macroergonomics: A conceptual model for integrating human factors with organizational design// Human factors in organizational design and management/ Ed. by O.Brown, H.Hendrock. Amsterdam, 1986. P.467-478.
- ¹⁶ Wilson J. Participation - A framework and a foundational for ergonomics/// Journal of Occupational Psychology. 1991. P. 67-80.
- ¹⁷ Lahnghagen R. Automationen och arbetskraften. Stockholm, 1961.
- ¹⁸ Faucette J., Rempel D. VDT-related musculoskeletal symptoms: interaction between work posture and psychosocial work factors. Am J Ind Med, 1994. P.597-612.
- ¹⁹ Petersson N., Backstrom T., Doos M. Production system - Work - Workenvironment (in Swedish). Arbetsmiljoinstitutet, Stockholm, 1995; Petersson N., Winkel J. Produktionssystem och ergonomi// Arbetsmiljodagarna 1994. Program och skriftliga sammanfattningar/ Ed. by B.Dahlner. Arbetsmiljoinstitutet, Stockholm, 1994. P. 67-68.
- ²⁰ Heden K., Bjurvald M. Ergonomic assessment models for labour inspection personel// Proceedings of Premus 95/ Ed. by IRSST. Montreal, 1995. P.320-322

Сундстрем-Фриск Карин
Швеция

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ТРАВМАТИЗМ: НЕСЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ

В Швеции травмы из-за несчастных случаев на производстве занимают центральное место в Национальной системе информации о производственном травматизме. Помимо человеческих страданий с этими травмами связаны значительные экономические потери. Издержки приходятся на три главные сферы: компенсация рабочим, меры по охране здоровья и производственные потери.

Распределение экономических издержек между индивидами, компаниями и обществом зависит от существующих системы компенсации, систем страхования и системы социального обеспечения в целом (в частности, и от готовности сообщать о несчастных случаях). Их предотвращение, таким образом, мотивировано как с гуманной, так и экономической точек зрения.

От воли судьбы к культуре безопасности

Исторически восприятие и объяснение феномена несчастных случаев изменилось радикальным образом. В давние времена они объяснялись как веление рока или промысел Божий. Когда же появился более систематический анализ несчастных случаев, в центре внимания оказалась деятельность человека, а несчастные случаи стали рассматривать как следствие людской незадачливости. Началось изучение "предрасположенных к несчастным случаям индивидов", результатом чего стало множество исследований. Из них можно сделать два вывода: сомнительно, что существует некая постоянная индивидуальная склонность к вовлечению в инциденты, и даже если бы таковая существовала, то этим объяснялась бы лишь незначительная часть несчастных случаев. С другой стороны, всякий человек мог бы считаться предрасположенным к несчастным случаям в таких особых обстоятельствах, как личный кризис, вызванный, например, утратой ребенка или супруга, разводом или болезнью.

Сегодня преобладает подход, основанный на теории систем. Теперь стремятся найти не одну единственную причину, а набор взаимосвязанных факторов, способствующих возникновению цепи событий, ведущих в конечном счете к травме. Концепция "предрасполагающей к несчастному случаю ситуации" заменила концепцию "предрасположенного к несчастному случаю индивида".

Более того, фокус расширился, включив как индивидов, предрасположенных к риску, так и тех, кто создает для них соответствующие ситуации. Обычно в качестве причины несчастных случаев рассматривают людей, оказавшихся в рискованной ситуации. В противоположность этому человеческие ошибки, сделанные в цепи событий, предшествовавших травме, понимаются как причины технического или организационного свойства. Но даже технические аварии порождаются поведением людей где-то в начале цепочки, ведущей в конечном счете к травматизму.

Менеджеры, администраторы, проектировщики и т.д. также являются участниками "поведенческого" процесса и их ошибки и связанные с риском решения во многом обуславливают уровень риска на предприятии. Проектировщик, пренебрегающий принципами эргономики, сконструирует машины, инструменты и системы, не адаптированные к пользователю и тем самым спровоцирует человеческие ошибки. Менеджер, покупающий такие изделия вместо более безопасных, но более дорогих, тоже увеличивает степень "естественного" риска на производстве. То же самое можно сказать и о руководителе, который занимает позицию невмешательства тогда, когда для ускорения производства используются небезопасные методы, или о службе материально-технического обеспечения, отдающей производству приоритет перед улучшением охраны труда.

Эти ошибки ранней стадии или *латентные ошибки* формируют условия, которые становятся прямой причиной *активных ошибок*, совершаемых теми, кто находится как бы на "передовой". Практически все несчастные случаи в производственных системах, созданных руками человека, прямо или косвенно обусловлены человеческим поведением, если

иметь в виду все типы человеческого поведения, формирующие риск и провоцирующие его. Это очевидное, можно сказать, почти тривиальное суждение, поскольку человеческие существа проектируют, конструируют, производят, оснащают, монтируют, управляют, ремонтируют, планируют и контролируют все самые разнообразные элементы трудового процесса. Нехватка знаний, способностей, мотивации среди тех, кто вовлечен в него, тоже будет способствовать росту потенциального риска.

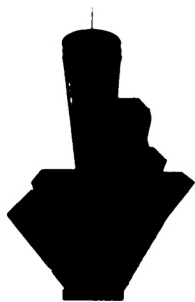
Компании, находящиеся на передней линии в деле охраны труда, и управленцы, занимающиеся проблемами риска, делают сегодня упор на такие "феномены", как "культура безопасности", "организационная деятельность" в качестве основы в деле предотвращения несчастных случаев. Учитывается не только трудовая ситуация, но и весь организационный контекст, стили руководства, системы санкций, нормы, рассматриваемые как детерминанты уровня риска в компании.

Стратегии предотвращения несчастных случаев

В 1970 г. Хаддон опубликовал свою, ставшую теперь классической, систематизацию известных принципов подхода к предотвращению несчастных случаев. Он основал свой труд на энергетической модели, и его десять стратегий были увязаны непосредственно в этой модели:

**АГЕНТ
(ИСТОЧНИК ЭНЕРГИИ)**

**СРЕДА
(БАРЬЕРЫ)**

**ХОЗЯИН
(ЖЕРТВА)**

Факторы, влияющие на процесс предотвращения несчастных случаев, по Хаддону

Вот эти десять стратегий.

Сначала стратегии, связанные с агентом (источником энергии):

1. Предотвращение наращивания энергии.
2. Модификация качеств энергии.
3. Ограничение количества энергии.

4. Недопущение неконтролируемого расхода энергии.
5. Модификация норм и концентрация расхода энергии.
Стратегии, связанные со средой (барьерами):
6. Отделение источника энергии и потенциальной жертвы во времени или в пространстве.
7. Отделение посредством физических барьеров.
Стратегии, связанные с хозяином (жертвой):
8. Повышение способности жертвы выдерживать энергетический поток.
9. Ограничение роста травм и повреждений.
10. Стабилизирование, восстановление сил.

Инженерный подход к предотвращению несчастных случаев значительно снизил количество профессиональных травм, и первый блок стратегий как раз и базировался на этом подходе. Исключение или модификация вредного воздействия энергии или установка барьеров между телом человека и источником энергии являются эффективными, поскольку такие меры функционируют безотносительно к умственным способностям и степени осознания риска вовлеченными в производственный процесс индивидами. Лучше возвести забор, чтобы люди не падали в вырытую в земле яму, чем ставить предупредительный знак с надписью: "Осторожно!"

Однако просто невозможно спроектировать трудовую среду, полностью свободную от риска, или отделить людей от вредной энергии, и поэтому стратегии, связанные с хозяином (8,9,10 по перечню Хаддона), должны быть приняты. Поскольку именно те, кто находится на переднем крае, вынуждены справляться с остаточным риском, они становятся ценнейшим ресурсом. В результате безопасность в некоторых случаях будет зависеть от того, как люди, которым приходится иметь дело с риском, думают и что они делают. По этой причине предотвращение несчастных случаев требует таких методов, которые побуждали бы людей действовать должным образом с точки зрения безопасности. Эффективные методы поощрения осмотрительного поведения являются необходимым дополнением к техническим и организационным мерам.

Поощрение осмотрительного поведения

Это - непростая задача. Дело не сводится к тому, чтобы заменить устоявшуюся практику, не обеспечивающую достаточной безопасности рабочих, другой, более безопасной. Чем более ощутимы выгоды от противоречащего условиям безопасности поведения, тем сильнее сопротивление переменам. Это в равной мере относится и к поведению работодателей и работников.

Тем не менее вполне возможно оказать серьезное влияние на поведение людей, правда, это требует знания ими границ их возможностей, их понимания риска, а также необходимых организационных предпосылок,

таких как культура охраны труда, поведенческие нормы, системы неформальных санкций, действующих непосредственно на индивидуальных рабочих местах.

Традиционно обращение законодательных и информационных стратегий к неправильному поведению приносило обескураживающие результаты. Сегодня основанные на установках подходы заменяются подходами, основанными на анализе поведения, и программами, рекомендующими сочетание нескольких методов.

Методы поощрения осмотрительного поведения в той или иной степени являются добровольными или принудительными. Главные стратегии включают в себя следующее: принуждение (посредством технического проектирования или санкций), облегчение (физическое или организационное благодаря проектированию на рабочих местах), вознаграждение, обучение, информирование и участие.

Методы часто избираются на рутинной основе. Им свойственна тенденция более полагаться на внешнюю убедительность, чем на эмпирически доказуемую эффективность. Чтобы избежать принципиальных ошибок в выборе стратегии поощрения осмотрительного поведения, следует сперва рассмотреть следующие наиболее важные вопросы:

- * На чье поведение следует оказать воздействие (руководителя, планировщика производства, проектировщика, оператора)?

- * Какая категория человеческого поведения затрагивается (идет ли речь о непредумышленных ошибках или же о сознательном риске)?

- * Каковы рациональные причины рискованного поведения? (Обычно это и помехи для поведения предусмотрительного).

Препятствия для предусмотрительного поведения

Благодаря выявлению причин поведения, ведущего к риску травматизма, станут виднее те, кто содействует рискованному поведению. Они конкурируют с теми, кто стимулирует предусмотрительное поведение, и могут им тотально противодействовать. Для того чтобы программа поощрения возымела эффект, последние должны быть выявлены и "обезврежены".

Усилия, направленные на поощрение правильного поведения, не достигнут цели, пока организация не проникнется готовностью признать, поддержать их и способствовать их реализации. Организационные средства контроля за поведением, например, такие как оплата наличными по сдельным расценкам, могут послужить помехой безопасности. Сдельная зарплата, вознаграждение за сбережение времени, за риск - все это может оказать более сильное влияние на поведение, чем информационная кампания в пользу безопасности. Примером препятствия в деле достижения безопасности является и тот руководитель, который соглашается с тем, что рабочие идут на риск ради увеличения продукции или, что еще хуже, даже вознаграждает их за это.

Анализ собственной готовности идти на риск

Один из вариантов повлиять на осознание риска - индивидуальный анализ собственного поведения. Этот подход был проверен благодаря использованию метода, базирующегося как на исследовательских процедурах, так и на групповых дискуссиях. Дело начинается с персональных анонимных ответов на анкету, которая включает вопросы о том, как опрашиваемые ведут себя в специфических ситуациях, связанных с риском. Ответы в виде графиков личностных характеристик поступают в группу для обсуждения. Идея заключается в том, что члены группы сами анализируют причины своего собственного рискованного поведения, как оно отражено в результатах опроса, то есть *группе предстоит установить препятствия для благоразумного поведения*. Такой анализ препятствий должен стать основой для конкретных предложений по мерам безопасности, необходимых для того, чтобы осуществить изменения в поведении согласно взглядам членов группы. Затем предложения представляются руководству, которое принимает решения по обеспечению безопасности и намечает план конкретных действий. Эта процедура повторяется приблизительно с годичным интервалом до тех пор, пока участники желают ее продолжения.

Названный метод удачно сработал в трех из четырех групп. В итоге были предложены и реализованы наиболее реалистические (т.е. совместимые с повседневными требованиями производства) и превентивные меры. Повышенное внимание к индивидуальной безопасности считается результатом дискуссий и уменьшения степени риска благодаря техническим усовершенствованиям. Анализ причин собственной предрасположенности к риску генерировал дискуссию о только что происшедших несчастных случаях, в ходе которой произошел обмен *негативным опытом своей готовности идти на риск*. В результате установка *"Со мной этого не произойдет"* пошатнулась.

Анализ неудачи с четвертой группой показывает, что, как и другие методы подобного типа, такой метод будет эффективным только при условии вовлечения в процесс всех действующих лиц. Например, без готовности высшего менеджмента со всей серьезностью отнестись к предложениям по охране труда упомянутый выше эффект будет практически сведен к нулю.

Изучение вопросов охраны труда в Институте

Описанный выше подход - пример прикладного исследования Шведского национального института исследований проблем труда. Исследования Института преследуют две цели в изучении проблем охраны труда:

- исследование прикладного характера с тем, чтобы снабдить наших "покупателей" инструментами и методами для систематического предотвращения несчастных случаев в трудовом процессе. Исследование

начинается обычно с более фундаментального подхода, имеющего целью определение каузальных моделей и механизмов, обуславливающих феномен несчастного случая:

- фундаментальное поведенческое исследование, связанное с выявлением таких факторов, которые формируют непреднамеренные и намеренные человеческие ошибки, ведущие к несчастным случаям.

Современные исследовательские области:

- старение и опыт, их связь с несчастными случаями; - использование или неиспользование предохранительных приемов;
- преодоление расстройств: процесс обучения;
- безопасность и психические перегрузки.

Главные области и типы исследуемого травматизма:

- автоматизированное производство (обрабатывающая промышленность, все виды травм);
- здравоохранение (спинные травмы);
- школьные травмы;
- костно-мышечные травмы (всех видов);
- несчастные случаи с электричеством.

РЕФОРМА - ФОРМИРОВАНИЕ ЗАРПЛАТЫ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ПРОИЗВОДСТВА

Формирование зарплаты с середины 1950-х г. стало носить в Швеции более централизованный характер. Переговоры по поводу зарплаты велись, с одной стороны, национальными федерациями синих и белых воротничков и конфедерацией работодателей - с другой. Заключалось центральное соглашение и его рекомендовали как основу для национального контракта отраслевым организациям той и другой стороны, например, профсоюзу рабочих-металлистов и федерации работодателей машиностроительной отрасли. Этот контракт затем использовался в качестве типового для каждого предприятия на локальном уровне на третьей ступени процесса переговоров о зарплате.

Модель таких ступенчатых переговоров профсоюзная сторона рассматривала в качестве обязательной предпосылки для солидаристской политики в области зарплаты, она считалась также существенной частью шведской модели общества "всеобщего благосостояния". Тот факт, что эта модель зарплаты является весьма централизованной, снимающей значительную часть ответственности за ее формирование с предприятий, рабочих и их цеховых профсоюзов, не считался проблемой в годы высокого экономического роста и полной занятости, но фактом является и то, что такая модель формирования зарплаты способствовала созданию инфляционной экономики.

В результате, к 1995 г. номинальная зарплата составляла 427 % относительно номинальной зарплаты 1975 г. В течение того же самого периода реальная зарплата (с учетом изменения индекса потребительских цен) поднялась только на 1,8 %.

Сначала переговоры на центральном уровне и национальные контракты, обеспечивающие постоянно уменьшающиеся различия в оплате труда, соблюдались по трем причинам:

- * Ежегодный прирост ВВП в размере около 4 % обеспечивал в послевоенной Швеции почти всем гражданам постепенное повышение жизненного уровня.

- * Тейлоровская система организации труда обеспечивала крупносерийное производство стандартизированных товаров.

- * Быстрый рост производительности на предприятиях с легко заменяемой рабочей силой.

Предприятия руководствовались технологическими и производственными интересами. Во время послевоенного бума рынок поглощал произведенную ими продукцию. Вот почему централистская модель формирования зарплаты первоначально столь успешно создавала

условия как для постоянного роста производительности, так и для высокой конкурентоспособности шведского машиностроения.

Сегодня ситуация иная. Налицо жесткая международная конкуренция. Чтобы обеспечить конкурентоспособность на зарубежных рынках мы должны заменить стандартизированные изделия заказными интегрированными системами, включая новые технологии и информационные системы. Наши покупатели вынуждают нас менять организацию работы наших предприятий. Ранее они были организованы таким образом, чтобы соответствовать требованиям производства стандартизированных продуктов. Теперь решающими являются рыночные и деловые соображения.

Наши предприятия нуждаются в высоком уровне профессионального мастерства и широкой компетенции рабочих. Иерархические структуры, централизованные управленческие органы и группы специалистов должны быть заменены очень четкой системой организации труда. Это означает, что предъявляются очень высокие требования к профессиональному мастерству и ответственности каждого отдельного рабочего на предприятиях. Эти требования продолжают возрастать, так что сейчас ни одного рабочего на современном машиностроительном предприятии нельзя легко заменить.

Такая динамичная организация труда, для которой необходим постоянный рост уровня компетентности, не может функционировать без формирования индивидуальной зарплаты, интегрированного с деловой активностью предприятия. При централизованной системе переговоров по зарплате отнюдь не прибыльность предприятия была единственной трудно решаемой проблемой. Эту систему было все труднее применять в условиях быстро меняющихся технологий и деловой среды.

Новая организация труда не может строиться сверху, имеется потребность в широком сотрудничестве всех заинтересованных сторон. Рабочие должны быть преданы предприятию и готовы к сотрудничеству. Глубокие организационные изменения требуют времени. Чтобы изменить организацию, сориентировать ее на максимально полное использование способностей рабочих могут потребоваться годы. Терпение, выдержка и энтузиазм являются ценнейшими условиями этого процесса.

Третий компонент формирования зарплаты - это групповое добавочное вознаграждение, бонус. Этот бонус базируется на параметрах разного типа, таких, например, как способность добиваться успеха, качества или выдвигать новые идеи. Но эти параметры должны поддаваться измерению. Важно и то, чтобы колебания, например, валютного курса или цен на металл не могли деформировать бонусную систему. Она должна быть прочной.

Бонусы могли бы выплачиваться рабочим, составляющим группу, или они могли бы быть привязаны к рабочему времени в течение измеренного периода, или их можно было бы начислять в зависимости от профессионального мастерства каждого члена команды.

Но эффективный способ формирования зарплаты всегда приспособлен к деятельности предприятия и, насколько это возможно, интегрирован в

деловую активность. Он не должен быть изолированным элементом этой активности. Его следует увязать с другими функциями предприятия. Следовательно, нельзя копировать систему зарплаты какого-то другого предприятия. Каждое предприятие по-своему уникально.

НАД ЧЕМ СЛЕДУЕТ ПОДУМАТЬ

1. Анализ деятельности предприятия начинается с бизнес-идеи и четко сформулированных целей. Какие требования могут быть поддержаны в процессе формирования зарплаты? Какие проблемы могут быть решены системой зарплаты? Каковы требования потребителей наших товаров? Каковы наши преимущества в конкурентной борьбе? Каковы наши слабые стороны? Какими преимуществами обладают наши наиболее серьезные конкуренты?

2. Существует ли необходимость в изменении организации труда? Можно ли изменить к лучшему удовлетворение совокупного спроса? Возможно ли усилить сотрудничество между различными группами введением общей формы заработной платы? Кого из лиц наемного труда следует включить в эту общую форму зарплаты? Можно ли установить индивидуальные ставки зарплаты для всех работающих, будь то белые или синие воротнички?

3. Какие имеются критерии для оценки результатов? Соизмеримы ли соответствующие факторы с поставленными целями? Возможно ли довести это до всех работников доступным и удовлетворительным образом? Согласны ли работники с тем, каким образом каждый из них может внести свой вклад? Являются ли менеджеры достаточно образованными и сведущими в вопросах, связанных с зарплатой?

КОМПЕТЕНТНОСТЬ - ключевая концепция

В прошлом элементарных познаний в чтении, письме и счете было достаточно для того, чтобы справляться с довольно квалифицированной работой в промышленности. Сегодня требования возрастают и вы, как правило, должны иметь:

- * хорошие знания базовой компьютерной технологии;
- * организационные способности, необходимые для решения различных проблем, критическое мышление и способность оперативно принимать решения;

- * способность к коммуникации как письменно, так и устно, умение слушать;

- * навыки мышления в терминологии бизнеса.

Когда устанавливается зарплата, вы должны учитывать способность работника решать различные задачи на рабочем месте. Чем больше задач он может решать, тем выше зарплата.

ФОРМИРОВАНИЕ ЗАРПЛАТЫ В ДИНАМИЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Трудовая организация по принципу команды несет ответственность за производство, текущий ремонт и контроль за качеством продукции. Ее свойство - динамичность. Производство зависит от заказов потребителей и важная задача - сокращение времени от заказа до поставки. Капиталов должно быть не более, чем их нужно для обеспечения производства в период работы. Ключевое слово - гибкость. Планирование, подготовка и автоматизированное проектирование, нормальная работа белых воротничков - все это выходит теперь за двери цеха.

За командный труд нет разработанной формы зарплаты. Необходимо дойти до каждого предприятия, чтобы в ходе диалога с рабочими и их заводским профсоюзом найти подходящую систему зарплаты. Типичный бланк мог бы выглядеть следующим образом:

ГРУППОВАЯ	БОНУС
Индивидуальная	КОМПЕТЕНТНОСТЬ
Базовая - одинаковая для всех	БАЗОВАЯ ЗАРПЛАТА

Это иллюстрирует форму зарплаты, соответствующую командной работе, когда все члены команды обладают необходимыми базисными знаниями. Индивидуальная доля может быть результатом оценки квалификации в соответствии с системой, разработанной в машиностроительной отрасли. Оцениваются следующие факторы:

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ

ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ

ГИБКОСТЬ

СПОСОБНОСТЬ РЕШАТЬ ПРОБЛЕМЫ и НЕЗАВИСИМОСТЬ

Сегодня стало обычным делом заменять или дополнять эти факторы другими, соответствующими специфике продукции, рыночной нише и учитывающими те или иные преимущества в конкурентной борьбе. Даже бизнес-идея и прочие моменты экономической политики могут оказывать влияние на формирование зарплаты. Другие свойства и показатели таковы:

ОСОЗНАНИЕ КАЧЕСТВА

ИНИЦИАТИВНОСТЬ

ПРЕДАНИОСТЬ

ДЕЛОВАЯ ОРИЕНТАЦИЯ

СПОСОБНОСТЬ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

СПОСОБНОСТЬ К ТВОРЧЕСТВУ,

ГЕНЕРИРОВАНИЮ НОВЫХ ИДЕЙ.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Демократия - явление из разряда общечеловеческих цивилизационных достижений (ценностей). Ее суть во многом сводится к идее привлечения к управлению народных масс. В этой связи выглядит достаточно точной характеристика демократии, когда она сравнивается с определенным способом массовой деятельности людей по управлению обществом, и сводится не просто к многообразию взглядов, форуму с хождением всякого мнения, а к целостной системе правления¹. Иначе говоря, демократия и управление пересекаются друг с другом в общественной сфере деятельности, что происходит из их непосредственной причастности к одному и тому же явлению - власти. Именно здесь в этой сфере демократия обнаруживает себя наиболее емко и выразительно, наделяя управленческие отношения отличительным внутренним содержанием.

Определяющим моментом в управленческих отношениях является успешное разрешение противоречий между субъектом и объектом управления, имеющих место на почве особого порядка распределения среди них властных полномочий. Последние сосредоточиваются в руках одной из взаимосвязанных сторон (субъекта управления) и находят свою объективацию в управленческом взаимодействии, которое на практике может иметь различный характер: от откровенно диктаторского до демократического. С позиции демократии для успешного развития отношений управления необходимы консолидация и согласие субъектов управления и исполнительской деятельности на основе единой воли, сочетающей в себе их интересы и потребности. Там, где такое единение присутствует, власть достигает своих целей естественным путем, без нажима. В сущности демократическое "прочтение" социального управления не ограничивается усмотрением в нем упорядочивающего одностороннего властного воздействия управляющего на управляемого, а обнаруживает необходимость понимания его (т.е. управления) как их взаимодействия, обоюдозависимого влияния в рамках осуществления власти². Отсюда демократизация управленческих отношений в своем наиболее обобщенном плане сопряжена с решением проблемы сближения сторон этих отношений в аспекте их причастности к властевыражению.

В условиях демократии управленческие отношения обретают особый характер. Взаимодействие субъектов и объектов управления сводится к режиму общения и сотрудничества, основывающемуся на определенном уравнивании властвующей и подвластной сторон, снятии прямого противостояния между ними, интеграции их усилий и взаимопонимания. В случае свойственности для данного режима тотального вовлечения управляемых объектов в процесс формирования и выражения властвующей

воли, управление обретает форму самоуправления и демократичность соответствующих ему управленческих отношений достигает своего предельного состояния.

Напрашивается вполне определенный вывод: главный "нерв" демократизации управленческих отношений проходит через предоставление надлежащего простора процессам самоуправления и саморегулирования. Исходные положения ее связаны с ликвидацией отчуждения человека от власти, преодолением апатии и равнодушия людей, повышением их заинтересованности в делах общества и коллектива. Отсюда смысл демократизации управленческих отношений состоит в том, чтобы придать им такие свойства, которые позволили бы наиболее полно извлекать творческий и созидательный потенциал, заключаемый в каждом участнике управленческого процесса, максимально использовать их индивидуальные задатки и способности. Если управление предстает своеобразным средством преобразования общества, то демократия несет в себе дополнительные ресурсы, потенциальную мощь управления, указывает на магистральный путь его совершенствования.

---

¹ См.: Дарендорф Р. Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе// Вопросы философии. 1990. N 9. С.70.

² Подробнее см.: Курашвили Б.П. Очерк теории государственного управления. М., 1987. С.73-79.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

1. Происходящие в стране перемены затрагивают все стороны жизни. В связи с серьезными изменениями в законодательной базе меняются и многие теоретические представления. К сожалению, здесь практика правотворчества явно опережает теорию. Новые подходы и концепции выводятся из сложившихся юридических конструкций, а не наоборот, как чаще всего должно бы быть.

2. Это можно проследить на ряде примеров. Возьмем традиционное учение о субъектах права. Здесь возникает ряд проблем в связи с новыми нормативными актами. Например, до принятия нового ГК, Конституции и других актов о государственном устройстве вопрос о государстве как объекте имущественных отношений не стоял столь остро как сейчас. Функции государства как казны выполняли финансовые органы. Для того периода этого было достаточно. Но сегодня во многих случаях приходится сталкиваться со сложным вопросом: кто должен представлять государство, если об этом прямо в законе не сказано? Например, кому должно перейти выморочное имущество? Ответа пока нет, как нет, к примеру, ясности и в вопросе о том, на какой уровень (федеральный или субъекта федерации) должны поступать средства, конфискованные по суду при назначении уголовного наказания.

Представляется, что законодатель должен дать четкие ответы на подобные вопросы. Предпочтительнее было бы в названных случаях, да и в ряде других, вести речь даже о переходе имущества не в государственную, а в муниципальную собственность, как это сделано в ГК в отношении судьбы бесхозяйных вещей (ст.225) или безнадзорных животных (ст.231).

3. Применительно к характеристике субъектов права есть ряд вопросов, связанных с развитием правосубъектности граждан. Теория гражданского права, используя категорию правоспособности и дееспособности, объясняла ограниченные возможности несовершеннолетних неполным объемом их дееспособности. Что представляют собой новые возможности лиц, не достигших 14 лет (ст.28 ГК)? Хотя она (статья) называется "дееспособность малолетних", на самом деле речь идет. очевидно, о расширении правосубъектности.

Предоставленные в ней возможности, как и предусмотренные ст.56 Семейного Кодекса РФ права ребенка на защиту от злоупотреблений со стороны родителей или право ребенка выражать свое мнение (ст.57), представляют собой именно расширение объема правосубъектности несовершеннолетних, а не их дееспособности, ибо они реализуют эти возможности сами, от своего имени и самостоятельно.

4. В области политической правосубъектности граждан есть еще одна проблема, требующая решения. Действующее избирательное право связывает предоставление избирательных прав лицам, страдающим психическими заболеваниями, с наличием или отсутствием факта лишения их в установленном порядке гражданско-правовой дееспособности. Это в принципе неверно, ибо приводит к тому, что, с одной стороны, вполне выздоровевшие не голосуют, ибо отмена лишения дееспособности - процесс длительный, с другой - абсолютно неспособные адекватно ориентироваться в мире больные включаются в списки, ибо в большинстве случаев вопрос о лишении их гражданско-правовой дееспособности никто не ставил и, естественно, не решал.

Более логичным было бы не предоставлять право голосовать лицам, находящимся в день выборов в стационарных психиатрических лечебницах, установив порядок, по которому такая возможность предоставлялась бы избирательными комиссиями по заключению медицинского персонала, а в спорных случаях - по решению суда.

Что касается лиц, лишенных дееспособности, но находящихся дома, то автоматическое лишение их права голоса тоже вряд ли оправдано по указанной выше причине. Правда число их весьма ограничено, и даже если они, будучи в списках избирателей, не смогут проголосовать, вред будет меньший, нежели автоматическое лишение избирательных прав тех, кто лишен дееспособности, но находится в состоянии стойкой ремиссии.

5. Очень актуальной остается проблема так называемого прямого действия норм Конституции и других законов. "Прямого действия" на практике не получается. К примеру, новый ГК предусмотрел в ст.349 соглашение залогодателя с залогодержателем об удовлетворении требований залогодержателя за счет заложенного недвижимого имущества без обращения в суд. Но норма не действует, ибо в ГПК не внесены изменения, которые позволили бы реализовать такое соглашение. И подобных примеров очень много, что наносит серьезный ущерб делу законности. Представляется, что любые изменения материального закона должны происходить одновременно со всеми вытекающими из него изменениями в других актах, включая процессуальные.

6. Не решен на сегодняшний день и вопрос о правовой природе актов, принимаемых органами местного самоуправления (мэрии и муниципалитеты разного уровня). Высказываемые предложения об их природе как актов делегированного правотворчества не основаны на прямых указаниях закона. Другая точка зрения связывает эти акты с существованием особого вида источников права наряду с нормативными актами, что вряд ли приемлемо. Скорее всего истина может быть определена на путях признания этих актов в качестве актов, сочетающих в себе признаки актов самоуправления, т.е. общественных по своей природе, и актов, исходящих от органов, обладающих определенными государственными полномочиями.

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ В РОССИИ

Муниципальные реформы в настоящее время носят системно-образующий характер, касаются реорганизации системы власти на местах, становления и развития местного самоуправления и его правовой базы.

В ретроспективе местное самоуправление имеет глубокие исторические корни, которые уходят к временам новгородского вече, традициям крестьянской общины, русской соборности. Отдельные элементы самоуправления можно встретить на ранних этапах становления и развития российской государственности - при Иване IV (земские и губные избы и старосты), при Петре I (выборные городские магистраты). Определенные начинания имели место при Екатерине II и позднее. Однако наибольшее значение имеют земская (1864 г.) и городская (1870 г.) реформы Александра II. Дореволюционный юрист и социолог М.М.Ковалевский считал, что эти реформы стали поворотным пунктом во внутреннем и политическом развитии России, ибо они ввели те нормы, которые ограничили всевластие бюрократии. И именно с этого времени стало складываться местное самоуправление и муниципальное право как теория, как практика, как законодательство.

К 1917 г. в России сложилась достаточно развитая система городского и земского самоуправления, которая, несмотря на недостатки способствовала решению многих местных проблем.

После революции 1917 г., когда развитие России пошло не по прямой восходящей, а резко сдвинулось куда-то влево, был прерван естественный ход истории, институты городского и земского самоуправления оказались ненужными. Они вступили в противоречие с целями и задачами государства диктатуры пролетариата по своей сути тоталитарного, жестко централизованного. В основу организации власти на местах был положен принцип единства системы Советов. Все Советы, в том числе и местные, были органами единой государственной власти. Муниципалитеты со своей самостоятельностью и независимостью в решении местных дел отвергались как буржуазные институты, не приемлемы для советского государства.

Ликвидация монополии на политическую власть в ходе преобразований последних лет, изменение отношений собственности, переход к рыночной экономике привели к распаду централизованной административно-командной системы. Потребовалась иная организация управления делами общества и государства. Создание институтов местного самоуправления стало необходимостью. Однако накопленный потенциал городского и земского самоуправления в России за годы советской власти был фактически утрачен. Наука советского периода практически не занималась вопросами местного самоуправления, а если и были попытки такого рода, то они не находили широкой поддержки.

Поэтому в постсоветский период пришлось заново на пустом месте создавать российскую концепцию местного самоуправления, соответствующую законодательную базу. Пришлось возвратиться к опыту городского и земского самоуправления, который, однако, мало подходил к современным условиям, а также изучать практику и законодательство зарубежных стран, возможность его применения к российской действительности. Следует иметь в виду, что специфика переходного периода, противостояние законодательной и исполнительной властей в первые годы, трудности в развитии реформ в субъектах федерации, сепаратистские тенденции в некоторых из них не позволили одномоментно провести реорганизацию власти на местах. В силу этих причин муниципальная реформа в России растянулась во времени, проходит поэтапно.

Начало первого этапа связано с принятием Закона СССР "Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР" (1990 г.) и Закона РСФСР "О местном самоуправлении в РСФСР" (1991 г.), положивших начало становлению местного самоуправления и муниципального права в Российской Федерации. На законодательном уровне состоялось признание местного самоуправления как необходимого уровня власти демократического государства. Определены формы местного самоуправления, его функции, предметы ведения представительных и исполнительных учреждений и др. Однако реформа не была достаточно полной. Сохранились элементы подчиненности по вертикали, не были в полной мере разграничены финансы и собственность. Кроме того, сохранилась прежняя система местных Советов, служившая тормозом реализации намеченных мероприятий.

Второй этап реформы в этой области базируется на указах Президента Российской Федерации, принятых в конце 1993 г. и утвердивших ряд важных нормативных актов: О реформе местного самоуправления в Российской Федерации; Положение об основах организации местного самоуправления в Российской Федерации на период поэтапной конституционной реформы и ряд других. В субъектах федерации были разработаны дополнительные документы для реализации указов Президента. В 1994 г. были проведены выборы и сформированы органы местного самоуправления.

Для данного этапа реформы характерно упразднение системы местных Советов народных депутатов, формирование новых представительных учреждений на местах (Думы, Земские собрания, Собрания представителей и т.п.), отличающихся от прежних местных Советов как по количественному составу и качественным характеристикам, так и по объему и содержанию полномочий. Предприняты дальнейшие шаги по формированию муниципальной собственности и разграничению финансовых ресурсов, укреплению самостоятельности органов местного самоуправления. Однако, в силу объективных причин произошло некоторое усиление позиций глав местных администраций, сохранилась их подчиненность по вертикали и назначение соответствующими руководителями вышестоящего уровня.

Полномочия представительных органов оказались существенно ограниченными.

Начало третьего этапа реформы связано с принятием федерального Закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" (12.08.95 г.). Реализация его положений означает полное осуществление основных начал местного самоуправления, закрепленных в Конституции Российской Федерации. Закон предусматривает создание муниципальных образований в городах, районах, городских поселках, сельсоветах и на других территориях. Закрепляет основные принципы местного самоуправления: самостоятельности в решении вопросов местного значения, организационной обособленности от органов государственной власти, выборности органов и должностных лиц местного самоуправления, многообразия форм организации власти на местах, государственных гарантий местного самоуправления, ответственности его органов и должностных лиц перед населением и государством и др. Закон исключает какую-либо подчиненность по вертикали, назначение должностных лиц местного самоуправления сверху. Определены предметы ведения муниципальных образований, полномочия представительных органов, установлены основные параметры экономической и финансовой основы местного самоуправления.

Закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" - важный документ современного муниципального права. Он создает необходимое правовое поле для углубления реформы местной власти, создания реального самоуправления на местах. В субъектах федерации формируется нормативная база для практической реализации положений федерального закона. Намечены новые выборы в органы местного самоуправления, население избирает глав муниципальных образований.

Становление местного самоуправления в Российской Федерации проходит непросто, в трудных спорах и дискуссиях, встречается и противодействие на местах. Многие должностные лица и население психологически не всегда готовы воспринять необходимость муниципальных реформ, рассматривая муниципалитеты как нечто чуждое, западное, буржуазное, не в состоянии преодолеть советский менталитет, совдеповское мышление. Некоторые руководители районного масштаба не желают предоставлять населению поселков, сельсоветов право самостоятельно создавать собственные муниципальные образования, определять структуру органов местного самоуправления, решать по своему усмотрению вопросы местного значения, каких должностных лиц избирать, каких - нет. Привыкшие командовать, руководители более высокого уровня не хотят отпускать на "свободу" органы самоуправления более низкого уровня, не могут понять, что сама идея самоуправления исключает какую либо подчиненность по вертикали. Словом, психологически очень трудно отказаться от форм и методов работы, применявшихся десятилетиями, от идей и концепций советского периода. Поэтому пройдет еще немало времени до тех пор, когда в полном объеме будет обеспечено и гарантировано право

граждан городских и сельских поселений самостоятельно и под свою ответственность решать вопросы организации своей внутренней жизни и быта, культуры и образования, социальной защиты и обслуживания граждан, охраны общественного порядка и т.д.

Необходимо также иметь в виду, что в практическом плане реализация местного самоуправления требует решения ряда сложных проблем, касающихся системы местного самоуправления, количества уровней, на которых создаются муниципальные образования, принципов формирования структуры соответствующих органов, их взаимодействия (на основе соединения или разделения властей), разграничения собственности и полномочий между различными уровнями муниципальных образований, правового регулирования местного самоуправления и др. Каждая из этих проблем требует самостоятельного рассмотрения.

Правовой базой местного самоуправления выступает муниципальное право - новая отрасль права для российского законодательства. В советский период такой отрасли не было да и не могло быть. Местные Советы являлись частью единой системы органов государственной власти. Поэтому регулирование их организации и деятельности осуществлялось нормами государственного права. В настоящее время в Конституции Российской Федерации (ст.12) зафиксировано, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Следовательно, нормы, регулирующие местное самоуправление в силу иной природы и одного объекта правового регулирования составляют самостоятельную область общественных отношений. Возникла особая отрасль права, именуемая муниципальным правом.

В отличие от США, ФРГ и других федеративных государств, в России местное самоуправление регламентируется как актами федерального уровня, так и актами субъектов федерации. Однако основной объем нормотворческой работы по регулированию местного самоуправления падает на субъектов Российской Федерации. Именно здесь принимается большинство законодательных актов, направленных на реализацию конституционных положений и общих принципов местного самоуправления, установленных Федеральными актами. К ним относятся законы субъектов федерации о местном самоуправлении, о выборах должностных лиц местного самоуправления, о местных референдумах, о муниципальной службе и др.

Отношение к муниципальной реформе в субъектах Российской Федерации не однозначно. В одних (республики Карелия, Бурятия, Ставропольский край, Владимирская, Иркутская, Тамбовская, Липецкая, Псковская, Ярославская области) в основном завершено формирование законодательной базы и проведены выборы представительных органов и выборных должностных лиц местного самоуправления. В других - нормативная база или вообще не разработана, или во многом противоречит федеральному законодательству. Так, в республиках Башкортостан, Коми, Калмыкия, Татарстан, Саха (Якутия), Хабаровском крае, Кемеровской, Мурманской, Рязанской, Тульской областях местные органы включены в

единую систему органов государственной власти, что явно не соответствует Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству¹.

Источником муниципального права являются также некоторые нормативные акты органов местного самоуправления (уставы муниципальных образований, регламенты работы органов местного самоуправления, положения о структурных подразделениях местной администрации, об органах территориального общественного самоуправления), которые не всегда проработаны должным образом в правовом смысле.

Таким образом, особенности муниципальной реформы в Российской Федерации заключаются в следующем:

- многоэтапный характер муниципальных преобразований;
- отсутствие непосредственного предшествующего опыта;
- недостаточная теоретическая база проводимых преобразований;
- дефицит правового регулирования, противоречивость принятых нормативных актов;
- некоторые психологические трудности, а иногда и прямое противодействие, связанные с живучестью советского менталитета;
- регулирование местного самоуправления и федеральными актами и актами субъектов федерации;
- проведение реформы, сверху вниз, а не снизу вверх (сначала формируются муниципальные образования крупных городов и сельских районов, затем в соответствии с их уставами внутрирайонные или внутригородские).

Складывающаяся система местного самоуправления в России не копирует муниципалитеты ни США, ни Франции, ни Германии, ни других стран. Используя наиболее рациональные элементы зарубежного опыта, российская модель местного самоуправления представляет собой оригинальный тип муниципальной организации.

---

¹ Гильяченко Л. Зигзаги реформы // Рос. Федерация. 1996. № 8. С. 26.

О ПРЯМОМ ПРИМЕНЕНИИ КОНСТИТУЦИИ РФ ПО ВОПРОСАМ ТРУДОВОГО ПРАВА

1. Современная экономическая и социальная ситуация в России такова, что можно утверждать о заниженной оценке роли и значения труда со стороны общества в целом. Такой негативный вывод подтверждают и многочисленные нарушения трудового законодательства, остающиеся чаще всего безнаказанными, и "вздыбленность" в разрешении вопросов заработной платы, и продолжающийся рост забастовочного движения, иные факторы. Право, будучи только одной из форм общественного сознания, само по себе не может устранить либо приостановить действие этих факторов, ибо, во-первых, их корни имеют экономическое содержание, во-вторых, сейчас другие формы общественного сознания нередко содействуют нарастанию названных факторов, например, распространенные мнения о том, что общественный продукт создается в первую очередь не за счет труда, а исключительно за счет движения капитала. И тем не менее право способно уменьшить темпы снижения социальной оценки и значения труда. Более того, оно обязано это сделать, хотя бы из общественного инстинкта самосохранения. Бесспорно, особая роль в выполнении указанной задачи принадлежит Конституции Российской Федерации. Однако, на мой взгляд, в основном законе нашего государства необходим ряд корректив, направленных на возвышение значения труда. В частности, в особой части ст.7 целесообразно зафиксировать, что одной из основ конституционного строя России является всесторонняя защита субъектов, осуществляющих труд. В ст.37 надо четко закрепить право на труд, включив в его содержание те компоненты, которые провозглашены в международных документах, имеющих мировое значение - Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах и т.п. Такие обновления в тексте Конституции РФ позволили бы повысить эффективность прямого применения основного закона России по вопросам трудового права.

2. В ст.15 Конституции РФ установлено, что она имеет прямое действие. Следовательно, при разрешении юридических вопросов правомерной отсылки к тексту основного закона достаточно для аргументации вывода, обоснования иными правовыми нормативными актами при этом являются вторичными, необязательными. Вследствие этого текст Конституции должен исключать возможность для различного толкования его смысла. Пока этого нет. Например, в ст.15 определено, что если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Поскольку Конституция России есть федеральный конституционный закон, и значит, подпадает под обобщающий термин

"закон", то из этого следует, что при расхождении Конституции и международного договора надо применять международный договор. Однако в той же статье Конституции РФ предусмотрены ее высшая юридическая сила и запрет законам и иным правовым актам, "принимаемым в Российской Федерации", противоречить Конституции. Формулировка упомянутого запрета такова, что международные договоры, заключенные не в Российской Федерации, формально вновь оказываются расположенными в иерархии нормативных актов выше Конституции, чего вроде бы быть не должно. Но чтобы такого не было, текст ст.15 Конституции надо дополнить особым указанием, что приоритет международных договоров не действителен относительно Конституции РФ. Однако возможности для разного толкования рассматриваемых правил и этим не будут устранены. Дело в том, что в ст.55 Конституции определено: "Перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина". Возникает вопрос, а что значит "общепризнанные права и свободы человека". Представляется, что данный термин целесообразно заменить словосочетанием "зафиксированные в международных документах мирового значения, независимо от их официального признания Российской Федерацией".

3. Из выводов, сделанных выше в связи со ст.15 Конституции РФ, в свою очередь следуют некоторые следствия, сопряженные с прямым применением основного закона по вопросам трудового права. В частности, в России действуют те права человека, которые, будучи не зафиксированными в национальных нормах права, предусмотрены Всеобщей декларацией прав человека, Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах, другими подобными актами. Например, согласно ст. 7 упомянутого Международного пакта вознаграждение за труд, как минимум, должно обеспечивать удовлетворительное существование для самих трудящихся и их семей. Российские трудящиеся (причем и те, кто трудится по трудовым договорам или контрактам, и те, кто реализует свое право на труд посредством иных юридических форм, включая гражданско-правовые договоры) могут обжаловать нарушения такого своего права в судебном порядке. Другое дело, что в современной России зачастую невозможно исполнить решение по подобного рода делу, если оно вынесено в пользу трудящегося. Далее - права трудящихся, что закреплены в действующих на территории России конвенциях МОТ, а также в приобретших обязательную силу в России рекомендациях МОТ. Так, несмотря на запрет российскими законами лишь принудительного труда через Конвенцию N 29 о принудительном или обязательном труде от 28 июня 1930 г., в нашем государстве действителен запрет и обязательного труда. По смыслу ст.2 названного акта принудительный труд есть труд, требуемый под угрозой наказания, а обязательный - труд, для которого трудящийся добровольно не предложил своих услуг. В связи с изложенным Российской Федерации предстоит еще много изменить в национальном нормативном массиве,

включая введение ограничений для переводов в связи с замещением отсутствующего работника (ст.26 КЗоТ РФ) или по причине простоя (ст.27 КЗоТ РФ) без согласия переводимого лица только чрезвычайными обстоятельствами. На практике данные положения уже сейчас должны применяться независимо от содержания норм трудового законодательства России. Наконец, - права трудящихся, что установлены двухсторонними и иными международными соглашениями с участием Российской Федерации. Ограничусь одним примером такого рода. Текст ст. 2 Соглашения между Правительством РФ и Правительством Киргизской Республики о трудовой деятельности и социальной защите трудящихся-мигрантов, одобренного постановлением Правительства РФ N 362 от 28 марта 1996 г., предусматривает не совпадающее со ст.17 КЗоТ РФ решение вопроса о сроках трудовых договоров или контрактов для трудящихся-мигрантов. Если бы это было зафиксировано на уровне законодательного акта, то действовала бы норма Соглашения. Но в приведенном случае не отвечающее российским нормам трудового законодательства правило установлено подзаконным нормативным актом, а потому не может противоречить КЗоТ РФ.

4. В соответствии со ст.55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Обращает на себя внимание расплывчатость формулировки "права и законные интересы других лиц". В сфере трудового права работнику всегда противостоят работодатель. И как бы не стремился законодатель устранить разницу интересов этих сторон, как бы много не говорилось о социальном партнерстве, законные интересы названных субъектов во многом будут продолжать быть противоречивыми по отношению друг к другу. Следовательно, упомянутую конституционную формулировку надо обязательно уточнять. Пока же почти все случаи расхождения Конституции РФ и федеральных законов РФ о труде являются спорными. И тем не менее недействительность некоторых правил представляется достаточно отчетливой. В силу ст.35 Конституции "никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда", поэтому ст.122 КЗоТ РФ (в части возмещения материального ущерба, причиненного работодателем работником, посредством приказа по организации при отсутствии добровольного заявления работника о соответствующем взыскании) сейчас противоречит Конституции России, а потому не действует. В ст.46 Конституции установлено, что "каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод", в силу чего, на мой взгляд, потеряли свою силу ст.218 и ст.219 КЗоТ РФ, закреплявшие изъятие из такой регламентации. Надо особо оговорить недействительность ухудшения положения работников по сравнению с Конституцией законами субъектов Российской Федерации. Вот почему вряд ли правомерно распространение на государственных служащих, "не включенных" в российский реестр, а подпадающих под действие только

реестров, принятых в субъектах РФ, изъятий из общих норм трудового права России (см., например, Областной закон "О государственной службе Свердловской области", принятый Законодательным собранием Свердловской области 18 октября 1995 г.).

5. В деле защиты прямого действия Конституции Российской Федерации по вопросам трудового права невозможно переоценить деятельность Конституционного суда. Этот вывод относится и к решениям, состоявшимся в связи с ранее действовавшей Конституцией, и к решениям, принятым Комитетом конституционного надзора СССР за короткий период его существования в связи с Конституцией СССР. Представляется, что ныне функционирующий Конституционный суд РФ в особом документе призван изложить свой взгляд на акты органов конституционного надзора, принятые в СССР и в РФ до появления действующей Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. Для трудового права России это важно, в частности, по вопросам увольнения в связи с достижением рабочим или служащим верхних возрастных границ (законодательная практика такого рода вновь возобновилась, хотя и в форме, отличающейся от осужденного п.1-1 ст.33 КЗоТ РФ); до 1 января 1997 г. (даты полного вступления в силу нового Федерального закона от 20 июля 1995 г. "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации") - по вопросам трудовых отношений с участием таких субъектов: по делам об оплате вынужденного прогула, ибо в связи с постановлением Конституционного суда РФ от 27 января 1993 г. по жалобе С.А.Мазанова, Г.И.Шульженко, И.И.Бровкина и других по-прежнему существует много неясного. В свете новых федеральных законодательных актов нуждается в пояснении и вывод Гдляна, И.В.Иванова и других в части применения ст.218 КЗоТ РФ. Даже постановление, принятое Конституционным судом РФ 17 мая 1995 г. в связи с забастовкой работников гражданской авиации, сейчас уже требует определенных пояснений. Такого рода деятельность Конституционного суда представляется важной еще и потому, что постановлением Пленума Верховного суда РФ N 8 от 31 октября 1995 г. "О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия" судам обычной юрисдикции вменена обязанность при рассмотрении дел оценивать содержание закона или иного правового нормативного акта, регулирующего рассматриваемые судом правоотношения, во всех необходимых случаях применять Конституцию РФ в качестве акта прямого действия. Эта обязанность существует и для всех иных лиц и органов, применяющих ту или иную норму трудового права.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФЕДЕРАЛИЗМА В РОССИИ

Федерализм как территориальная форма демократии является политической составляющей региональной проблемы вообще (региональная политика - это ее экономическая составляющая, а регионализм - культурная). Следует сказать, что федерализм, без сомнения, представляет собой наиболее успешно и динамично развивающееся направление реформ вообще.

Действительно, начало реального взаимодействия центра с регионами на правовой основе можно отнести к марту 1992 г., когда Федеративный договор впервые попытался ввести новые правила разделения власти между центром и территориями. Несмотря на все недостатки этого документа, его несомненное достоинство состоит в том, что он перевел конфликт между центром и регионами из острой формы в хроническую и на том этапе фактически предотвратил распад страны.

Сейчас, всего через четыре года (ничтожный срок!), можно уже говорить о том, что в России созданы основы федеративных отношений. Понятно, что эти отношения не свободны от противоречий (наиболее серьезным из которых является фактическое неравенство субъектов федерации) и часто плохо укладываются в каноны классического федерализма (например, США или Германии). Тем не менее, Россия уже перешла от псевдофедерации, федерации по названию, которая была создана в свое время исключительно для решения национального вопроса, к федерации по сути.

Как раз сейчас вокруг "федеративной" и региональной проблематики вообще опять закипели страсти. Так, 8 апреля в Государственной Думе прошли слушания по проблемам разграничения полномочий между центром и регионами; принята концепция национальной политики; в Конституционном Суде прошли слушания по жалобе ряда регионов на указ Президента № 1969; Президент встретился с главами законодательных властей регионов; заключен очередной договор о разграничении полномочий между Москвой и Хабаровским краем. Казалось бы, жизнь кипит. Однако кипит она довольно бестолково, весьма напоминая те нестройные звуки которые издало пианино, когда на него упал дядюшка Поджер (см. Джерома К.Джерома):

Среди множества проблем, обуславливающих трения и шероховатости в отношениях между центром и регионами, попробуем выделить наиболее значимые:

1. Несоответствие отдельных принципиальных положений конституций республик и уставов краев и областей Конституции Российской Федерации. Например, в конституции республики Башкортостан, принятой 24 декабря 1993 г., записано, что Башкортостан является

"суверенным государством" (два суверена на одной территории?). Республика Ингушетия в своем основном законе определила, что законы и иные нормативные акты органов государственной власти РФ правомерны на территории Ингушетии только при условии, если они не противоречат суверенным правам республики. И подобных положений много и в основных законах других субъектов федерации.

Однако наиболее четко эта проблема просматривается на примере республики Татарстан - признанного лидера республик в вопросах взаимоотношений с центром. Конституция Республики Татарстан была принята 6 ноября 1992 г., то есть за год до принятия Российской Конституции. Этим в определенной мере и было обусловлено наибольшее несоответствие этих двух документов. Так, например, в конституции Татарстана записано (ст.61), что "республика - суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с Российской Федерацией". Это положение входит в прямое противоречие со статьями 4-5, 65-67 Конституции России, согласно которым Россия является федеративным государством и в ее составе не предусматриваются ассоциированные члены.

Отметим, что многие проблемы такого рода порождены главным образом запаздыванием правовой деятельности центра, что позволяет регионам принимать правовые документы, которые все равно неизбежно придется впоследствии приводить в соответствие с федеральным законодательством.

2. Необходимость выстраивания федеральной вертикали, прежде всего для управления федеральной собственностью в регионах.

3. Необходимость восстановления разделения властей в регионах; в ряде регионов (например, в Приморском крае) законодательная власть просто погибает. Региональные парламенты становятся "карманными", некоей расширенной администрацией, что, естественно, дает возможность местной администрации легко манипулировать парламентами и проводить через них нужные ей решения.

4. Наконец, всех тревожит проблема двусторонних договоров, заключаемых Москвой с субъектами федерации. Надо сказать, что идея заключения таких договоров принадлежала С.М.Шахраю. Первоначально заключение договоров предусматривалось всего для трех регионов - Калининградской области (как эксклава), Татарстана и Чечни. В последнем случае центр пытался соблазнить республику возможностью находиться в составе федерации с обладанием особыми правами.

Однако впоследствии идея двусторонних договоров начала развиваться согласно совершенно другой логике. Договора моментально потеряли свою эксклюзивность и "процесс пошел" - вширь. В настоящее время уже почти треть субъектов связана с федерацией договорными отношениями. Как к этому относиться?

Три момента вызывают тревогу - это очередной виток усиления неравенства субъектов федерации; очевидное перерождение федерации из

конституционной в договорную; неконституционность самого этого процесса в принципе.

В целом существуют четыре взгляда на проблему двусторонних договоров:

а) политический - договоры - это политическое решение сложного вопроса, необходимое для устранения региональных и федерального основных законов.

б) формальный - договоры - это вещь вообще неважная; они не должны быть конституционными, это договоры между органами исполнительной власти, и они имеют довольно ограниченное значение.

в) цинично-практический - договоры - это неизбежная торговля между центром и территориями, "юридическая ярмарка"; идет нормальный процесс согласования интересов.

г) академический - если мы хотим выровнять права и, главное, шансы регионов, надо через договора специально делать отношения с ними неравными, то есть фрагментация правового пространства имеет и свои положительные стороны.

Представляется, что каждый из этих взглядов содержит свое рациональное зерно. Необходимо, однако, следить за тем, чтобы договора не переходили в конституционную плоскость, пусть это будут договора ведомств; чтобы полномочия регионов не простирались слишком далеко; чтобы энергия региональных исполнительных органов все-таки была направлена внутрь, на решение своих проблем, а не вовне, на "выбивание" из центра все больших полномочий, которые регион все равно не в состоянии освоить.

Таковы, на мой взгляд, наиболее актуальные проблемы, с которыми сталкивается сегодня федерализм. Проблемы серьезные, однако не стоит преувеличивать их значение и говорить о том, как это все чаще приходится слышать, что "федерализм гибнет" и Россия вот-вот распадется. Это не так. Как раз федерализм позволил избежать территориального распада страны.

Да, сегодня развитие федеративных процессов в России идет сложно и противоречиво. Но развитие идет, и ничего другого не остается, кроме как стараться приспособиться к этим противоречиям и жить с ними.

ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА В ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1. Принятая в 1993 г. Конституция Российской Федерации, закрепившая принцип разделения властей, предусмотрела функционирование в стране профессионального законодательного органа - Государственной Думы, представляющей собой палату нового российского парламента. Пока, однако, профессионализм этого органа связан главным образом с формальными критериями, с тем, что он является постоянно действующим, а депутаты именно за работу в парламенте получают основную заработную плату.

Между тем профессионализм в парламентской деятельности включает другую, более важную - содержательную сторону - показатель качества работы каждого депутата и Государственной Думы в целом. И коль скоро речь идет о носителях законодательной власти, то оценивать степень их профессионализма необходимо прежде всего с точки зрения социально-экономической обусловленности, политической целесообразности и правовой обоснованности принимаемых законов. Это, разумеется, не единственный, но, пожалуй, самый главный, и что очень важно, объективный показатель.

2. По вполне понятным причинам проблемы профессионализма в парламентской деятельности пока не получили должного освещения в российской политологии. Для этого еще явно недостаточно эмпирического материала. Тем ценнее, думается, предлагаемые читателю некоторые соображения, основанные на опыте почти трехлетней работы в качестве депутата Государственной Думы.

Если подходить по "гамбургскому счету", то следует признать, что профессия парламентария носит универсальный, синтетический характер. Это означает не только необходимость быть специалистом в самых разных отраслях знания: от юриспруденции до экологии, иметь определенный жизненный и профессиональный опыт. Здесь требуется набор самых разных, подчас трудно совместимых качеств. Депутат должен уметь общаться с людьми, вызывать у них доверие и симпатию, что предполагает определенную простоту в общении, и вместе с тем он обязан быть аналитиком, уметь скрупулезно разбираться в особенностях документооборота. Иными словами, сочетать в себе свойства народного трибуна и кабинетного чиновника.

Вряд ли можно считать профессионалом парламентария, не обладающего достаточно последовательными идейно-политическими убеждениями. В то же время наибольших результатов в законотворческой деятельности добивается, как правило, тот, кто способен достигать компромисса, умеет искать и находить согласия по самым острым вопросам.

кто пользуется уважением не только у союзников, но и у политических оппонентов.

3. Обычно люди весьма редко сочетают в себе совокупность приведенных свойств. Не является исключением и подавляющее большинство работающих депутатов. Поэтому в парламенте происходит своего рода разделение труда, а точнее - распределение ролевых функций.

С известной долей условности всех парламентариев можно разделить на четыре основные группы: 1) "публичные политики"; 2) "законотворческие функционеры"; 3) "лоббисты"; 4) "болото" или "балласт".

Первые из них сосредоточены в основном на декларировании политических заявлений, постоянном присутствии в средствах массовой информации и на различных публичных мероприятиях. К этой категории относятся прежде всего лидеры фракций и других депутатских объединений, а также некоторые депутаты, озабоченные главным образом популяризацией собственной персоны.

"Законотворческие функционеры" образуют становой хребет профессионального парламента. Именно они обеспечивают подготовку и представление законопроектов, поправок к ним, руководство и активное участие в комитетах и рабочих группах, в согласительных комиссиях и т.п., то есть, выступают в качестве "рабочих лошадей", предохраняющих парламент от вырождения в "говорильню" или политическое шоу.

К лоббистам относятся те, кто видит главный смысл депутатской деятельности в выражении интересов и настроений отдельных социальных и профессиональных групп, конкретных организаций и регионов. В той или иной степени лоббистские функции приходится выполнять всем депутатам, особенно избранным по одномандатным округам. Но к указанной категории следует относить лишь тех, кто занимается этим в ущерб иным депутатским обязанностям. Позитивное назначение лоббизма состоит в поддержании связи между властью и гражданским обществом. Но опасность наступает тогда, когда односторонний лоббизм начинает доминировать над законодательной деятельностью и целиком и полностью определять последнюю.

Для последней группы характерно использование депутатского статуса для решения личных проблем. Их работа в Государственной Думе сводится к нажиманию кнопок для голосования, зачастую даже не своими руками. Если представители "болота" находятся в составе политической фракции, то они слепо следуют ее воле, никак не влияя на формирование фракционной позиции. Если они "независимые", то голосуют под влиянием случайных или порой конъюнктурных обстоятельств.

4. Практически в любом законодательном органе так или иначе представлены все названные категории. Требованиям же профессионализма отвечает, с моей точки зрения, тот парламент, где "болото" составляет минимум и в котором имеется необходимая критическая масса "законотворческих функционеров", на которых опираются "публичные политики" и с которыми считаются "лоббисты".

В обеспечении подобного соотношения существенную роль призваны играть политические партии, отбирающие кандидатов в законодатели. Однако сегодня этот механизм пробуксовывает, поскольку законотворческий профессионализм не относится к числу приоритетов для большинства партий и других избирательных объединений, предпочитающих ему должностное положение в партийных структурах, финансовые возможности кандидатов, а также итоги политического торга с союзниками.

Все это происходит во многом потому, что общество не научилось спрашивать с парламентских партий за результаты законодательной деятельности. В массовом общественном сознании пока не сложилось точное представление о роли и функциях парламента, его месте в системе государственной власти.

Засилье в Государственной Думе первого и особенно второго созыва депутатского "балласта" и небескорыстных "лоббистов" связано еще с тем, что депутатское кресло продолжает оставаться заманчивым с точки зрения улучшения своего материального положения. Власть в нашей стране до сих пор не отделена от собственности, а пребывание в федеральном государственном органе не отделено от определенного набора льгот и привилегий, в который входит и реальная возможность остаться на "теплой" должности в столице по истечении срока депутатских полномочий.

5. Таким образом, в самом первом приближении в качестве необходимых условий повышения профессионализма деятельности российского парламента можно назвать: 1) отделение власти от собственности, полный отказ от необоснованных привилегий, предоставляемых депутатам; 2) становление полноценных политических партий парламентского типа, реально отвечающих перед избирателями за качество принимаемых законов; 3) организация эффективной системы политико-правового просвещения населения, имеющего целью формирование в общественном сознании правильных представлений о критериях профессионализма в парламентской деятельности.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В РОССИИ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

1. Теория социального партнерства получила официальное признание в России в начале 90-х г. XX в., когда ушла в прошлое государственная идеология, основанная на учении о непримиримости классовых противоречий.

Идея партнерства понимается по-разному: как общефилософская концепция; принцип взаимодействия различных социальных сил и организаций; одно из основных начал регулирования социально-трудовых отношений и т.д. Эти подходы не противоречат друг другу, все они связаны между собой и должны рассматриваться на основе единства всеобщего, особенного и единичного. Социальное партнерство в философском плане (всеобщее) предлагает универсальную модель взаимоотношений в обществе различных классов, слоев, групп, организаций, работников, работодателей и т.п. На уровне особенного партнерство проявляется в деятельности этих субъектов в определенных сферах - экономике, политике, труде и т.д. И, наконец, партнерство воплощается в единичном - конкретных отношениях, например, в процессе ведения переговоров и заключении коллективных договоров и соглашений, урегулировании споров и т.п.

Главный смысл социального партнерства заключается в том, чтобы установить мирные, добрые отношения между различными субъектами с учетом их взаимных интересов. Эта теория не отрицает наличия в обществе классов, слоев с разнообразными потребностями, конфликтных ситуаций и т.п., но она предлагает взаимовыгодное сотрудничество между ними, социальный мир, а не состояние "войны" и жесткого противостояния. Данная идея, сформировавшись как научная доктрина, постепенно стала претворяться в жизнь в тех или иных сферах и конкретных отношениях, переходя, тем самым, из общего в особенное и единичное, которые, в свою очередь, сохраняя в себе общее, воздействуют на него. Таким образом, всеобщее, особенное и единичное постоянно взаимопревращаются друг в друга: особенное и единичное находятся во всеобщем в свернутом виде и развиваются из него, тогда как в единичном всеобщее и особенное содержатся в снятой форме. Поэтому концепция партнерства носит глобальный и универсальный характер.

Теория партнерства не может быть применена в любом обществе и в любое время, ее невозможно ввести в приказном порядке и т.п. Для своего практического претворения она объективно требует ряда условий, главными из которых являются экономические, социальные, политические, нравственные, культурные, психологические. Важную роль в реализации партнерства играет его юридическое оформление и закрепление. Без

создания этих предпосылок идея партнерства остается чисто теоретической конструкцией без воплощения в реальности.

2. Партнерство нуждается, прежде всего, в определенном экономическом фундаменте, что связано с целым комплексом проблем, главной из которых выступают отношения собственности. Партнерство базируется на равенстве различных форм собственности с широким распространением коллективных форм частной собственности, что предполагает превращение в собственников большого круга людей. Это снимает остроту противостояния между собственниками и не собственниками и создает экономическую основу для партнерства.

В России в настоящее время происходят изменения в этом направлении, но приватизация осуществляется крайне сложно и противоречиво, со многими деформациями, в том числе криминальными, поэтому, на мой взгляд, говорить о больших позитивных сдвигах в этой сфере нельзя.

3. Трансформации в экономике связаны и неизбежно порождают адекватные преобразования в социальной структуре общества. Сейчас в России происходит резкая имущественная дифференциация населения и формируются новые классы: богатые, которые составляют незначительную часть общества, и бедные, представленные большинством населения. В таких условиях партнерских отношений не может быть, так как их социальной базой служит средний класс, выступающий стабилизирующим фактором в межклассовых отношениях. В России такого класса пока нет и создание его - одна из главных задач, стоящих перед государством.

4. Идея партнерства требует кардинальных изменений во всей системе политических отношений. Это касается форм и методов осуществления государственной власти, деятельности политических партий, взаимоотношений личности и государства и т.п. Думается, что основная задача в этой области для России - введение всей политики в рамки демократического закона, осуществление ее в культурных и цивилизованных формах, отказ от произвола и вседозволенности властей.

5. Партнерство нуждается в определенном уровне культуры, образования, нравственности, т.к. эту идею нужно осознать, ее необходимо прививать в процессе воспитания и образования, она должна войти в систему внутренних убеждений человека. Сфера образования, воспитания, культуры находится в России в самом бедственном положении и это одна из наиболее острых и больных проблем. Над правящими кругами до сих пор довлеют старые, "советские" стереотипы мышления, согласно которым экономика - это главное, а духовные отношения - второстепенное. Данная позиция глубоко ошибочна и если она не будет преодолена, то это поставит под удар все проводимые реформы.

6. Теория социального партнерства имеет и определенный психологический аспект, т.к. требует выработки у человека установок на поиск компромиссов, согласия и преодоления установок, связанных с административным, насильственным решением вопросов, навязыванием своей точки зрения и т.п.

7. В формировании партнерства большую роль играет юридическое регулирование, т.к. все рассмотренные преобразования осуществляются в основном в правовых формах. В России уже сложилась определенная законодательная база партнерства, но это тема для самостоятельного исследования.

Таким образом, формирование партнерских отношений связано с серьезными преобразованиями во всех основных сферах жизнедеятельности общества. Если эти изменения происходят, то партнерство между различными социальными институтами возникает закономерно как их результат и следствие. В противном же случае партнерства нет и быть не может.

В России указанные объективные предпосылки партнерства только начинают формироваться и то с большими трудностями, поэтому партнерские отношения находятся лишь на стадии становления и, очевидно, этот процесс будет протекать сложно и длительное время.

В.Г. Кобелева, Т.Д. Тетерина
Пермский университет
Н.К. Маслохутдинова
Администрация Пермской области

ИННОВАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ ПЕРИОДА РЕФОРМ

В условиях продолжающегося социально-экономического кризиса сохраняются тенденции падения уровня жизни россиян, многие социальные проблемы не решены. В этот период функции социальной защиты населения расширяются, а значение инновационных процессов в социальной работе возрастает.

Инновация (нововведение) представляет собой многоэтапный, комплексный процесс создания, распространения и использования новых форм или средств (новшеств) для удовлетворения новой уже известной общественной потребности. Содержанием социальной защиты является удовлетворение потребностей людей, необходимых для их нормальной жизнедеятельности. С этой целью используются как старые, традиционные виды помощи, так и новые - в виде различных услуг. Постепенно формируется законодательная база для нововведений в социальной работе: приняты Федеральные законы "О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов" от 02.08.95, "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации" от 24.11.95, "Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации" от 10.12.95.

Инновационные процессы, если они затрагивают жизненные интересы людей, никогда не протекают гладко. Введение института социальных работников, определение социальной работы как профессиональной деятельности также вызывают явное или неявное

сопротивление со стороны как административных инстанций, так и потенциальных клиентов.

Существуют формы противодействия по концептуальным соображениям. В социальную работу иногда вкладывается такой смысл, который делает ее неузнаваемой. Выделяются такие ложные подходы к социальной работе, ее организации, как глобалистский, ведомственный и филантропический.

В последнее время исследователи обращают внимание также на изучение психологических барьеров к нововведениям в социальной сфере, на исследование комплекса объективных и субъективных факторов, определяющих характер отношения работников к новшеству. Санкт-Петербургские ученые, подчеркивая различное отношение людей к инновациям, выделяют четыре основных группы: "консерваторы", "умеренные", "инноваторы", "радикальные инноваторы". По их мнению, умеренные и консервативные диспозиции доминируют в общественном сознании и наиболее представлены во всех слоях общества.

К нуждающимся в социальной защите в Пермской области и заявившим о нуждаемости относятся 236 тыс. пенсионеров (всего 695 800 тыс. получателей пенсий), 68 736 инвалидов, 120 583 семьи с детьми. В надомном обслуживании нуждаются 1215 одиноких пенсионеров, 471 инвалид, 128 семейных пар.

Приоритетным направлением деятельности служб социальной защиты населения области является создание комплексной системы социального обслуживания престарелых граждан и инвалидов, семей с детьми, включающей организацию центров социального обслуживания населения, специальных жилых домов, палат сестринского ухода. В настоящее время в области действуют 19 центров социального обслуживания населения, 17 специальных жилых домов на 169 мест, 70 палат сестринского ухода, которые организуются на базе участковых больниц. Отделы социальной защиты населения оказывают помощь путем выделения финансов на питание, приобретение инвентаря, медикаментов, оборудования. В области создано 105 отделений социальной помощи на дому, в которых заняты 4418 социальных работников, из них 639 - штатных.

Территориальные отделения социальной помощи на дому открываются и при Центрах социальной помощи семье и детям. Говоря о становлении системы социальной защиты семьи и детей, можно назвать такие города, как Березники, Соликамск, Нытва, Чусовой, Чайковский, пос.Звездный, Ильинский район. Одно из основных направлений деятельности социальной службы - создание новых учреждений обслуживания семьи и детей: центров социальной реабилитации детей-сирот, учреждений психолого-педагогической помощи населению, приютов, медико-педагогических школ.

Комитет социальной защиты населения Пермской области организует деятельность 27 стационарных учреждений, в которых проживает 5850 чел. В 1995 г. для обслуживания престарелых и инвалидов, нуждающихся в постоянном постороннем уходе, в большинстве интернатов

открыты отделения милосердия на 2110 коек. Для организации работы отделений милосердия дополнительно введены 153.5 ставки медицинских сестер и 377.5 ставок санитаров.

Однако стационарные учреждения очень дороги. В то же время в них не всегда есть необходимость. Многим одиноким людям можно помогать на дому - это более эффективно и гуманно. Таким образом, становится возможным заменить одну технологию другой. Возможно и другое направление изменений - разукрупнение стационарных учреждений, чтобы они были ближе к месту проживания (клиентов).

Способствовать развитию и совершенствованию системы социального обслуживания призваны опорно-экспериментальные учреждения социального обслуживания населения, которые работают в соответствии со стандартами, разработанными для всех видов учреждений.

В современных условиях Россия прежде всего нуждается в разработке стандартов следующих видов: 1) Стандарты профессионального образования работников социальных служб; 2) Стандарты минимальных социальных услуг (объем социальных услуг); 3) Стандарты качества социальных услуг; 4) Стандарты ресурсного обеспечения учреждений социального обслуживания. Для различных типов учреждений социального обслуживания должны быть созданы свои эталоны. Каждый регион сможет их приспособить в соответствии со своими потребностями и возможностями.

Деятельность опорно-экспериментальных учреждений осуществляется в соответствии с приказом Минсоцзащиты РФ N 254 от 27 октября 1995 г. В Министерстве социальной защиты населения были представлены заявки на присвоение опорно-экспериментального статуса 51 учреждению, но его получили 34, в том числе Центр социально-психологической помощи населению Пермской области. Министерством дается высокая оценка деятельности этого центра, как работающего грамотно и творчески. В отличие от центров, которые находились в системе народного образования, он не ограничивается психологическими услугами, работой в области взаимоотношений детей и родителей, а эффективно работает с инвалидами и другими слоями населения. Центр привлекает к работе ученых, квалифицированных специалистов, он сотрудничает с вузами и научными учреждениями Перми.

Работа с опорно-экспериментальными учреждениями позволит увязать в единую систему научную деятельность, обучение кадров, создать базу для практики будущих специалистов по социальной работе и деятельности всех работников социальных служб.

Важным условием нововведений в социальной работе становится подготовка специалистов в этой сфере. На 1 января 1996 г. в системе социальной защиты населения Пермской области работали 2150 специалистов; лишь 656 чел. из них с высшим образованием; 13 чел. - специалисты по социальной работе. Отсюда очевидна актуальность подготовки кадров с высшим образованием для региона.

В качестве специальности социальная работа была открыта приказом Госкомобразования СССР от 7 августа 1991 г. N 376. С сентября-декабря

1991 г. более 20 вузов в России приступили к базовой подготовке и переподготовке кадров по специальности "социальная работа", в том числе и Пермский университет, где специальность открылась на базе юридического факультета. В настоящее время около 60 вузов осуществляют такую подготовку.

Современное видение социальной работы как профессиональной деятельности потребовало внесения в учебный план существенных изменений. Он включает дисциплины по 4 циклам: общие гуманитарные и социально-экономические (философия, история, право, экономика, культурология, политология и др.), общие математические и естественнонаучные (математика, информатика и вычислительная техника, концепция современного естествознания и др.), общепрофессиональные (теория социальной работы, технология социальной работы, история социальной работы в России, психология, психодиагностика, социология и др.), дисциплины специализации. В содержание подготовки специалистов по социальной работе входит также производственная практика в социальных службах различных уровней. Многогранный характер подготовки специалистов позволяет ориентироваться и оказывать профессиональную помощь своим клиентам при решении самых разнообразных проблем.

Пермский университет формирует систему довузовской подготовки социальных работников. Преподаватели кафедры социальной работы ведут занятия с учащимися 10-11 классов школы N 44 г.Перми и профессионального лицея N 12.

В подготовке кадров кафедра социальной работы исходит из того, что спрос на специалистов из года в год будет увеличиваться.

- ПРАКТИКА МИРОВОГО ОПЫТА И РЕФОРМА БРАЧНО-СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Семья, как социальный институт, находится в кризисном состоянии. Распространяется одиночество, велико число разводов. Уровень рождаемости не обеспечивает в перспективе простого воспроизводства населения в большинстве регионов Российской Федерации. Прослеживается стойкая тенденция к увеличению числа рождения детей, рожденных вне брака.

Серьезные перемены в социальной, экономической и политической жизни, повлияли на такие важные социальные институты общества, как брак и семья, и стало ясно, что прежнее брачно-семейное законодательство, представляющее собой достаточно сложный правовой материал, состоящий из актов, принятых в разное время различными органами двух государств (Союза ССР и Российской Федерации) явно устарело. Это законодательство во многом носило императивный характер, совершенно не допускало каких-либо соглашений между членами семьи, не соответствовало положениям Конституции РФ, вновь принятому Гражданскому Кодексу РФ. Его нормы не соответствовали и международно-правовым актам, например, Конвенции о правах ребенка, носили подчас декларативный характер, не имея достаточных правовых гарантий.

Кроме того, прежний КоБС РСФСР, принятый в 1969 г., совершенно не учитывал практику мирового опыта. Практику капиталистических стран в нашем государстве отвергали, утверждали, что наша семья основана на совершенно иных принципах. А если и учитывался опыт законодательства, то это был опыт бывшего социалистического лагеря. Хотя известно, что их правовые нормы строились по образу и подобию нашего законодательства.

В настоящее время весьма важным является проведение целенаправленной государственной политики в области семьи, формирование новых правовых, экономических и организационных механизмов ее проведения. Первоочередной задачей в этой области является реформа, т.е. совершенствование действующего законодательства в целях усиления защиты и охраны семьи, материнства и детства. Прежде всего необходима коренная реформа семейного законодательства.

Необходимость в коренном изменении брачно-семейного законодательства объясняется еще одним немаловажным обстоятельством: принципиально иным отношением к частной собственности.

8 декабря 1995 г. Государственная Дума приняла новый Семейный Кодекс РФ, который вступил в силу с 1 марта 1996 г. Прежний КоБС обновлен примерно на 80 %. Нельзя сказать, что прежние правовые нормы полностью отвергнуты. Некоторые нормы прежнего КоБС, прошедшие проверку временем и отвечающие современным условиям, сохранены.

Поэтому можно говорить и об определенной преемственности российского законодательства.

В новом Семейном Кодексе РФ находят свое закрепление такие важные положения:

- демократические принципы построения семейных отношений, которые отвечают современным тенденциям развития семьи и общества в целом;

- расширение судебной защиты семейных прав; - координация с нормами других отраслей законодательства (административного, уголовного, гражданского), в частности норм, регулирующих ответственность. Введение в семейное законодательство таких санкций, как штраф, возмещение вреда, в том числе морального, при нарушении условий заключения брака, признании недействительным, при ненадлежащем выполнении родительских обязанностей и т.п.;

- предоставление супругам большей свободы при решении вопроса об определении режима имущества, в том числе путем заключения брачного договора;

- совершенствование норм, касающихся разводов, установления происхождения детей (в том числе рожденных вследствие искусственного оплодотворения или имплантации эмбриона).

В новом Семейном Кодексе существенно изменены нормы, регламентирующие алиментные обязанности родителей в отношении детей, предусмотрена система гарантий обеспечения интересов детей, лишившихся попечения родителей, закреплено приоритетное установление семейного воспитания детей, лишенных родительского попечения.

Существенным элементом нового семейного законодательства является недопустимость вмешательства кого бы то ни было в дела семьи, свободная реализация членами семьи своих прав, а в случае их нарушения - возможность их судебной защиты.

Важным является содержание в Семейном Кодексе нормы о приоритете норм международного договора РФ, если им установлены иные правила, чем предусмотренные семейным законодательством. Впервые в Кодексе предусмотрен механизм защиты семейных прав по правилам гражданского судопроизводства.

При разработке раздела "имущественные права и обязанности супругов" учтен законодательный опыт Франции, Англии, Германии, США, Швеции и других стран.

Построение имущественных отношений супругов возможно с учетом двух режимов общности супружеского имущества: "французский" режим и режим раздельности ("английский").

Новый Семейный Кодекс, по нашему мнению, отвечает современным потребностям российского общества. Его положения приведены в соответствие с Конституцией РФ, другими федеральными законодательствами, с новым ГК, а также с международно-правовыми актами, ратифицированными РФ. Вместе с тем новый Семейный Кодекс

является базовым документом, на котором будут основаны все другие Федеральные законы, а также законодательные акты субъектов РФ.

Ж.И.Рязанова
Пермский университет

МЕХАНИЗМ САМОИСПОЛНЯЮЩЕГОСЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ДОГОВОРА И ТЕОРИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Взаимодействие трансформации и механизма самоисполняющегося международного договора представляет собой проблему соотношения международного права и национального права отдельного государства. Для России эта проблема приобрела наибольшую актуальность в связи с двумя существенными моментами в действующем законодательстве: положениями ст.15 Конституции РФ и Федерального Закона "О международных договорах Российской Федерации" от 15.07.95 г.

Для начала необходимо разобраться с терминами, определяющими рассматриваемый вопрос. Теория трансформации, как правило, заключается в издании внутригосударственных нормативных актов с целью применения этим государством положений международного договора, в отношении которого оно выразило согласие на обязательность. В связи с тем, что каждое государство имеет во внутреннем законодательстве нормы, рассчитанные на регулирование международных отношений невластного характера, существует тенденция узкой трактовки трансформации: только как единственного условия применения государством норм иностранного права и положений международного договора. Последнее возможно, если государство включает в свое национальное право норму, отсылающую к нормам международного или иностранного права¹. Таким образом, трансформация - это переложение норм международного договора во внутреннее законодательство государства. Механизм самоисполняющегося международного договора подразумевает принятие государством определенных международных обязательств путем его непосредственного участия в международном договоре, нормы которого носят унифицированный, материально-правовой характер, и применение этих норм при регулировании отношений с иностранным элементом без какой-либо трансформации в национальное право. Характер таких норм указывает на прямое регулирование правоотношений, возникающих в сфере международного частного права.

Конституция РФ закрепляет международный договор Российской Федерации как приоритетный источник национального права, т.е. указывает на механизм самоисполняющегося международного договора, в материально-правовых нормах которого закреплены права и обязанности

сторон - участников регулируемых правоотношений. Унифицированные нормы обладают двойственной природой. Во-первых, чтобы они действовали напрямую, законодатель их включает в право государства через Конституцию (ст.15 Конституции РФ) как источник, во-вторых, по природе эти нормы не могут быть включены в национальное право в связи с тем, что появились они на качественно ином - международном уровне, и механизм образования этих норм носит компромиссный, договорной характер между государствами. Следовательно, такие нормы нельзя толковать как право страны. С помощью унифицированных норм могут быть созданы новые правовые институты, неизвестные национальному праву, непосредственно регулирующие в силу своей природы отношения юридических и физических лиц, которые находятся под юрисдикцией определенного государства. Эту проблему двойственности разрешает Конституция, закрепляя международный договор наравне с общепризнанными принципами международного права в качестве источника национального права страны, а следовательно, распространяя их императивное применение на регулирование всех правоотношений с иностранным элементом без трансформации в силу того, что государство однажды выразило свою волю на обязательность для него данного международного договора.

Механизм самоисполняющегося международного договора - это один из моментов "международной тенденции" в международном частном праве (МЧП). Метод регулирования отношений юридических и физических лиц через закон - "национальная тенденция" в МЧП, и государству трудно отойти от нее. В ст.5 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации" от 15.07.95 г. дается условное деление международных договоров: 1) официально опубликованные, положения которых не требуют издания внутригосударственных актов для их применения; 2) для осуществления положений которых принимаются соответствующие правовые акты. В самом Федеральном законе (ФЗ) определения этим двум видам международных договоров не даются, кроме того, Конституция РФ не предполагает такого деления вообще. Статья 6 ФЗ перечисляет способы выражения согласия Российской Федерации на обязательность для нее международного договора, содержание которых сводится к применению РФ любого способа выражения согласия, о котором условились договаривающиеся стороны. В то же время ст.15 ФЗ устанавливает обязательный перечень международных договоров, подлежащих ратификации, которая осуществляется через федеральный закон, несмотря на то, что участники международного договора вправе выбрать любой способ выражения воли на обязательность. В этом перечне стоят международные договоры, исполнение которых требует изменения действующего или принятия нового федерального закона, а также устанавливающие иные правила, чем предусмотренные национальным законом. Но этой легитимации не требуется, т.к. через ст.15 Конституции РФ реализуется принцип самоисполняющегося международного договора, подписанного РФ и являющегося источником права РФ. В Федеральном законе не дается полного и четкого определения международных договоров,

требующих трансформации в национальное право, а Конституция закрепляет верховенство международного договора РФ над национальным законодательством. Таким образом, теория трансформации, нашедшая отражение во внутреннем законодательстве России, противоречит механизму самоисполняющегося договора, закреплённому в Конституции РФ.

Томассон Оке
Швеция

ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ШВЕЦИИ

Организация

Работополучатели

Работополучатели организованы в профсоюзы. Существуют отдельные союзы белых и синих воротничков, а также национальные союзы для каждой отрасли. Отраслевые союзы на федеративной основе объединены в центральные организации общенационального масштаба: Центральное объединение профсоюзов Швеции (ЦОПШ) - для синих воротничков, Центральный союз служащих (ЦСС) - для белых воротничков и Центральная организация работников с высшим образованием (в Швеции их именуют академиками - пер.), объединяющая лиц свободных профессий и интеллектуального труда.

Организационные структуры как в частном, так и общественном секторах в основном совпадают.

Свыше 80 % всех шведских трудящихся, работающих по найму, организованы в профсоюзы. В машиностроительной отрасли уровень организованности еще выше, более 90 %.

Работодатели

Работодатели частного сектора являются членами предпринимательских федераций по принципу: одна федерация на отрасль. Они в свою очередь входят в Объединение работодателей Швеции (ОРШ). Почти все частные предприятия связаны с ОРШ как непосредственно, так и через свою отраслевую федерацию.

В общественном секторе есть специальные органы для ведения переговоров, представляющие центральные и локальные власти в процессе разработки коллективных соглашений.

Нормы, регулирующие отношения между работодателями и работополучателями

Базой для отношений между работодателями и работополучателями на индивидуальном уровне является индивидуальный контракт о приеме на работу. Однако такой контракт базируется на правилах и нормах, основанных на трудовом законодательстве и коллективных соглашениях между объединениями работодателей и профсоюзов.

Трудовое право

Шведский рынок труда регулируется законодательством двойного типа:

1. Законы и инструкции, касающиеся отношений между работодателями и профсоюзами.
2. Законы и инструкции, касающиеся отношений между работодателем как таковым и конкретным работополучателем.

Но иногда в тех же самых законах содержатся правила иного рода.

Закон о совместном определении политики предприятия

Основной акт первого типа - Закон о совместном определении политики предприятия. В качестве дополнения к нему имеется акт о положении избираемых профсоюзных функционеров, регулирующий права и обязанности избираемых профсоюзных функционеров на предприятиях.

Право на ведение переговоров

В соответствии с Актом о совместном определении политики предприятия организации работодателей и профсоюзы на предприятиях имеют обоюдное право требовать переговоров и обоюдную обязанность участвовать в этих переговорах с другой стороной.

Право и обязанность вести переговоры касается всех вопросов, будь то вопросы относительно условий найма или вопросы управления фирмой.

Вести переговоры означает на практике участие во встречах с другой стороной, учет ее позиций по отношению к поднимаемым проблемам и мотивов, лежащих в основе этих позиций. Стороны не обязаны приходить к соглашению. Каждая из сторон по своему усмотрению решает, когда прервать переговоры.

Если стороны не достигают согласия, вопрос решается по одному из двух вариантов, в зависимости от того, с какой проблемой приходится иметь дело. Если проблема регулируется на основе закона или соглашения, любая из сторон может перенести ее решение в суд, до принятия судебного решения следует соблюдать интерпретацию работодателя.

Если вопрос не регулируется на базе закона или договора, решение работодателя "есть закон".

Обязанность информировать

В соответствии с Законом о совместном определении политики предприятия работодатель обязан информировать профсоюзные организации на предприятиях о деятельности фирмы.

Законы, регулирующие условия индивидуального найма

Эти законы касаются, главным образом, норм, обеспечивающих охрану труда и здоровья трудящихся. Имеются также законы о гарантиях занятости, праве на отпуск и праздники, праве по различным причинам покидать рабочее место и т.д.

В настоящее время в Швеции идут ожесточенные дебаты о рабочем законодательстве. Работодатели полагают, что регулирование слишком детализировано и является препятствием для здорового экономического развития нашей рыночной экономики. С другой стороны, профсоюзы считают, что правила должны быть максимально детализированы, чтобы реально защищать работников.

Коллективные соглашения

Закон о совместном определении политики предприятия определяет, что же представляет собой коллективный договор в шведском контексте.

Коллективный договор - соглашение между работодателем или федерацией работодателей и профсоюзной организацией. Его сфера - условия найма. Он должен быть оформлен в письменном виде.

Коллективное соглашение предусматривает обязательства соблюдать мир, то есть отказ от забастовок, локаутов в течение срока действия контракта, и является нормативным.

Мирные обязательства означают, что ни одна из сторон не имеет права предпринимать во время срока действия соглашения попыток изменить что-либо в нем, в частности, бастовать с целью добиться повышения зарплаты.

Тот факт, что коллективное соглашение является нормативным, означает, что недопустимы договоренности о чем-либо, которые его нарушают, то есть соглашения между отдельными работниками и работодателями, которые отклоняются от коллективного соглашения, не имеют силы.

Шведской традицией является то обстоятельство, что условия найма в очень большой степени регулируются коллективными договорами на разных уровнях: между отраслевой федерацией

работодателей и национальным профсоюзом, между работодателями и профсоюзами на конкретных предприятиях.

На крупных предприятиях, как правило, есть профсоюзные объединения (клубы), являющиеся частью локальных отраслевых или национального профсоюза. Они представляют интересы своих членов на предприятии по всем вопросам, например, в случаях, когда возникают разногласия по заработной плате. Они могут также заключать коллективные договоры, охватывающие отдельные предприятия. Там, где нет клубов (на малых предприятиях), имеются специальные организаторы, подотчетные отраслевым объединениям.

Система переговоров (процедура улаживания)

С национальными коллективными соглашениями связаны также договоры, регулирующие переговорную процедуру: как подходить ко всякого рода конфликтам, которые могут возникнуть между работодателями и работополучателями (процедура улаживания).

Если возникает конфликт, то им прежде всего следует заняться тем, кого он непосредственно касается, то есть непосредственно представителям работодателей и работополучателей.

Если они не в состоянии разрешить конфликт, он может быть улажен в ходе переговорного процесса на локальном уровне, то есть между работодателем и профсоюзной организацией на предприятии без привлечения кого-либо со стороны.

Если к согласию не удалось прийти таким путем, любая из сторон может перенести решение вопроса на уровень "центрального переговорного процесса". Это переговоры, на которых стороны, подписавшие национальное соглашение, участвуют в попытке решения конфликта на предприятии.

До тех пор, пока эти "центральные переговоры" не потерпели неудачу, конфликт нельзя передавать на рассмотрение в суд или доводить дело до прямого действия. Если конфликт касается вопроса, урегулированного на основе закона или соглашения, последней инстанцией является суд (в большинстве случаев трудовой). Если же конфликт затрагивает вопрос, неурегулированный подобным образом, любая сторона имеет право прибегнуть к прямому действию (забастовке).

Зарплата и другие условия найма

С конца 1950-х и середины 1980-х гг. коллективные соглашения о зарплате заключались в централизованном порядке в результате переговоров между ОРШ и ЦОПШ для синих воротничков и федерацией профсоюзов белых воротничков (ЦСС). Эти соглашения, которые служили базисом для формальных коллективных договоров в каждой отрасли индустрии, становились все более и более детализированными, главным образом, с той целью, чтобы обеспечить рост зарплаты наиболее

низкооплачиваемых работников. Они не учитывали ситуацию или специфику работы конкретных предприятий и то, как работополучатели участвовали в этой работе в качестве конкретных индивидов.

На третьей ступени после центрального договора и отраслевого коллективного контракта конкретные предприятия также платили более высокую зарплату по сравнению с той, какую они должны были бы платить в соответствии с контрактом. Делалось это, естественно, чтобы привлечь лучших рабочих с ограниченного рынка труда. Центральные соглашения не стали, вопреки тому, что предполагалось, нормой для эволюции зарплат. Нередко прирост зарплаты вне рамок договоров был значительно выше, чем прирост по контракту.

Тогда было много причин для этого. Безусловно, детализированный центральный договор не учитывал изменения, происходившие на конкретных рабочих местах. Изменялась организация труда, люди сталкивались с новыми требованиями, приходилось осваивать новые профессиональные навыки. И все это было связано с зарплатой.

В течение последних лет переговоры о национальных коллективных соглашениях по вопросам зарплат и прочим условиям труда каждая отрасль частного сектора вела по отдельности.

Подобное развитие имеет место также и в общественном секторе, хотя там оно продвигается медленнее.

Зарплата в будущем?

Теперь в нашей стране сложилось довольно распространенное мнение, что решающее влияние на формирование большей части зарплаты оказывается на индивидуальных рабочих местах. Здесь все, кого это касается, знают свои цели, что должно быть сделано, чтобы добиться этих целей и как это следует делать. Формирование зарплат должно поддерживать организацию труда и развитие в ее рамках профессионального мастерства работников. Вот почему этот процесс должен быть индивидуализированным и дифференцированным.

Однако существуют разные взгляды на то, в какой степени вопрос о приросте зарплат должен решаться на предприятии, и на то, каково должно быть влияние профсоюза в нормировании индивидуальной зарплат.

Работодатели хотят, чтобы вся зарплата устанавливалась на предприятии посредством переговоров на локальном уровне с профсоюзами внутри фирмы. Таким образом решались бы вопросы о росте зарплат в целом и вопросы о ее распределении среди работополучателей на основе их личного вклада.

Национальные профсоюзные организации, с другой стороны, хотят национального коллективного договора, который должен содержать показатели роста общей и минимальной зарплат, представляющие по меньшей мере часть ее суммарного роста.

ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ И СНГ

1. Европейские государства накопили большой опыт приема иммигрантов, весьма разнообразный. В Европе соседствуют страны с совершенно разными иммиграционными режимами, в одних и тех же государствах в разные периоды проводилась как либеральная, так и жесткая иммиграционная политика. Какой именно опыт мог бы быть использован в России и можно ли в принципе применить европейский опыт к российской ситуации?

2. Практика нескольких лет, в течение которых формировалась российская иммиграционная политика (законодательство, федеральная миграционная программа, деятельность правительства и государственных миграционных ведомств, инициативы региональных властей) показала, что европейский опыт несомненно используется в России, но весьма своеобразно. Встав на путь демократических реформ, Россия стремится проводить либеральную миграционную политику (закон о въезде и выезде 1992 г., ратификация в 1992 г. Женевской конвенции и Протокола 1967 г. о статусе беженца, Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между РФ и Европейским союзом 1994 г. (ст.23 об условиях трудовой деятельности), двусторонние соглашения с европейскими государствами об обмене рабочей силой). Россия пошла на подобные меры, несмотря на серьезные негативные для нее последствия: утечка умов и талантов в результате либерализации процедуры выезда, скопление вокруг Москвы значительного числа беженцев из стран "третьего мира", которых Россия не может депортировать по условиям Женевской конвенции.

3. Соглашения о трудовой миграции между правительствами РФ и европейских стран также заключаются на основе принятого в европейской практике формального равенства социальных прав мигрантов и трудящихся принимающих стран. В таких договорах, кроме условий об отсутствии дискриминации по признаку гражданства в условиях труда, вознаграждения и увольнения, содержатся еще и пункты о повышении профессионального уровня российских рабочих за счет принимающей стороны. Нет нужды говорить о том, что в условиях жесточайшей конкуренции и высокой безработицы в европейских странах подобные межправительственные соглашения являются ни чем иным, как единичными акциями гуманитарного характера для крайне ограниченного числа российских рабочих, т.к. делают совершенно невыгодным использование их труда и невозможным, таким образом, его применение в широком масштабе. Поэтому трудовая эмиграция из России в Европу, в том числе в страны ЕС, происходит, в основном, если

легально, то вне рамок межправительственных соглашений, а кроме того, и нелегально. Правда, стоит отметить, что пока обвальная стихийной эмиграции из России и других государств СНГ в Европу не произошло, вопреки многочисленным прогнозам.

4. В то же время, настаивая на соблюдении равенства прав российских рабочих за рубежом и трудящихся принимающих стран, российскими властями совершенно иначе строят свои отношения с рабочими мигрантами из бывших республик СССР. Например, Указ Президента РФ от 16 декабря 1993 г. "О привлечении и использовании в РФ иностранной рабочей силы" предполагает приоритет прав российских рабочих перед мигрантами из других государств СНГ в области найма и заработной платы и успешно используется для дискриминации, например, шахтеров-мигрантов в Ростовской области, а также рабочих из СНГ, трудящихся в Москве вахтенным методом. Условия, в которых живут "вахтенники" в Москве на легальном основании, сопоставимы лишь с теми, в которых пребывают "нелегальные" иммигранты в европейских странах. Однако подобные соглашения продолжают заключаться по обоюдному согласию и взаимной выгоде. Такое положение дел объясняется желанием российского правительства сдержать отток квалифицированной рабочей силы на Запад и в то же время привлечь в Россию дешевую рабочую силу из других государств СНГ. С практической точки зрения такое стремление объяснимо, однако методы его реализации вызывают некоторое сомнение.

5. Однако гораздо более важной проблемой для России и государств СНГ является приток беженцев и вынужденных переселенцев - массовый исход русских из бывших союзных республик, а также миграция во внутренние районы России, а также и других государств, например, Украины, населения южных районов бывшего Советского Союза. Опыт по приему соотечественников в большей степени знаком таким странам, как Германия и Греция. Существуют как программы обустройства прибывших в новом месте, так и меры по приостановке иммиграции и стабилизации населения в стране эмиграции. Этот опыт взят на вооружение в ряде бывших советских республик и довольно успешно применяется, в основном, в Киргизии.

6. В сфере внутренних миграционных процессов Россия взяла на вооружение практику жесткого регулирования миграционных потоков, применяемого фактически всеми европейскими странами в настоящее время. По существу, в России не было периода либеральной политики по отношению к беженцам, характерной для европейских стран 50-60-х гг. В течение первых нескольких лет ситуация вообще не контролировалась, а с 1992-93 гг. начали применяться меры, ограничивающие приток в Россию беженцев и вынужденных переселенцев. Существует ряд федеральных законов, гарантирующих права этой категории населения, к гуманному отношению к беженцам призывает и федеральная миграционная программа. Однако фактически права беженцев никто всерьез не защищает. Директивы и постановления московского правительства, регулирующие положение мигрантов, наравне с законами, принятыми региональными властями

Ставрополья и Краснодарского края, а также ряда городов, например, Вологды, отличаются особо жестким характером. Государственные власти субъектов РФ по существу нарушают закон, принятый в июне 1993 г. Верховным Советом РФ "О праве граждан РФ на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах РФ". Сохраняя разрешительный режим прописки, они существенно ограничивают поселение даже граждан России, не говоря уже о мигрантах из стран СНГ в определенных районах.

7. Такие действия московских и петербургских властей, а также администрации южных регионов России попадают в русло федеральной политики по направлению миграционных потоков в малонаселенные сельские районы Нечерноземья. Используя режим прописки и крайне суровую политику по отношению к беженцам, администрация крупных городов до сих пор не допускала создания иноэтничных анклавов, трудно управляемых компактных групп иммигрантов. Таким образом, они избежали судьбы многих европейских столиц, где проблема компактного поселения иммигрантов является очень серьезной.

8. В то же время в Ставрополье, Краснодарском крае и Ростовской области, где расселились компактные группы армян, грузин, турок-месхетинцев, чеченцев, азербайджанцев, социально-политическая обстановка резко ухудшилась. Закон, принятый в июне 1995 г. администрацией Краснодарского края, фактически свел на нет возможности беженцев и вынужденных переселенцев поселиться в районе. Однако европейский опыт показывает, что любое ужесточение правил въезда и пребывания иммигрантов усиливает несанкционированную миграцию. Приезжее население южных районов России продолжает расти.

9. В ближайшем будущем потребуются разработка специальных программ адаптации и интеграции новых этнических групп, сформировавшихся из иммигрантов. Подобные программы существуют во всех европейских странах. России предстоит выбрать модель интеграции иммигрантов, скорее всего, это будет интеграция на основе признания этнической идентичности иммигрантов. Такая модель принята в США и Канаде, а также в европейских странах - Нидерландах, Швеции, постепенно к ней придут Великобритания и Франция.

10. Таким образом, приняв ряд демократических законов о свободе передвижения граждан и защите прав мигрантов, российские власти, как центральные, так и региональные, ориентируются в основном на современный опыт европейских стран по ужесточению иммиграционной политики, взяв на вооружение меры, ограничивающие иммиграционный приток, а не регулирующий его. Эти меры, как и во всем мире, дают относительный эффект. Целью миграционной политики должно стать использование притока иммигрантов в Россию для улучшения демографической и социально-экономической ситуации в определенных районах. Однако выполнить такую программу гораздо сложнее, чем просто лимитировать расселение в других регионах, хотя бы потому, что она требует больших затрат. Регулирование миграционных потоков и решение

проблем новых национальных меньшинств является долговременной задачей России и стран СНГ не только в период становления рыночных отношений. Эта задача будет существовать всегда. В будущем наиболее ценным представляется не столько европейский опыт сдерживания иммиграционных потоков, сколько разработка моделей интеграции и адаптации иммигрантов.

¹ Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и национального права. М., 1982. С.29-38.

А.С. Телегин
Пермский факультет ЮИ МВД РФ

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Современный период развития института административной ответственности характеризуется, во-первых, его большой подвижностью, расширением сферы применения¹, во-вторых, тем, что действующее законодательство, прежде всего Кодекс РСФСР об административных правонарушениях, в значительной степени устарело. Обновление этого законодательства связано с решением ряда проблем, среди которых можно выделить следующую.

1. Переход к рыночным отношениям, появление хозяйствующих субъектов различных организационно-правовых форм способствовали возникновению новых субъектов административной ответственности. К их числу следует отнести работодателей, а также предприятия, организации и учреждения.

Под работодателями обычно понимаются руководители предприятий, учреждений, а также лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью, владельцы частных предприятий и др.

Понятием предприятия, организации охватываются, как правило, различные образования, пользующиеся правами юридического лица и занимающиеся деятельностью по производству, реализации товаров или оказанием услуг. Однако термин "предприятие, организация" не всегда соответствует организационно-правовой форме названных субъектов¹. В некоторых случаях к таким субъектам относят филиалы, подразделения предприятий, а также граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица². Представляется целесообразным закрепить в законодательстве две группы субъектов административной ответственности. Первую образуют физические лица, достигшие 16-летнего возраста, среди которых с учетом особенностей их правового статуса могут быть выделены должностные лица,

военнослужащие, граждане, зарегистрированные в качестве предпринимателей и др. Вторую группу составляют юридические лица - организации, обладающие таким статусом в соответствии с гражданским кодексом РФ.

Такой подход позволит упорядочить сочетание административной ответственности физических и юридических лиц.

2. Одной из гарантий соблюдения конституционных прав и свобод гражданина Российской Федерации является его право защищать свои интересы (ст. 45 Конституции РФ). Это право может быть в полной мере осуществлено при наличии законодательно установленного механизма его реализации. Однако степень разработанности правового статуса участников административно-юрисдикционной деятельности и, в частности, потерпевшего, практически исключает его активное участие в производстве по делу об административном правонарушении.

Потерпевшим признается лицо, которому административным правонарушением причинен моральный, физический или имущественный вред. При этом необходимо отметить объективную сложность анализа содержания морального вреда. В юридической литературе содержание морального вреда нередко ограничивается нравственными страданиями лица, которые являются следствием оскорбления его чести и достоинства³. В то же время моральные переживания, вызванные иными противоправными посягательствами на интересы личности, оцениваются как имеющие бытовое, но не процессуальное значение. Эту позицию нельзя назвать бесспорной.

По нашему мнению, под моральным вредом следует понимать нравственные страдания, причиняемые деяниями, посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности и т.д.) либо нарушающими его личные имущественные права и неимущественные права. Так, причинение физического и имущественного вреда сопровождается нарушением нормального психического состояния индивида, что даёт основания говорить о причинении морального вреда и требовать его возмещения.

Анализ законодательства свидетельствует, что правовое положение потерпевшего недостаточно определено. При этом объём его полномочий значительно уже, чем у лица, привлекаемого к административной ответственности. Так, он вправе лишь знакомиться с материалами дела, заявлять ходатайства, обжаловать вынесенное по делу постановление. На наш взгляд, нет никаких препятствий к тому, чтобы предоставить потерпевшему такие права, как: присутствовать при рассмотрении дела, представлять доказательства, пользоваться юридической помощью адвоката и услугами переводчика.

Расширение правового статуса потерпевшего будет способствовать достижению задач производства по делам об административных правонарушениях.

3. К одной из актуальных проблем относится обновление законодательства об административной ответственности. В соответствии с

конституцией РФ (ст. 72) вопросы административного законодательства относятся к совместному ведению Российской Федерации и её субъектов. Поэтому в настоящее время в системе законодательства об административных правонарушениях можно различать два вида законов: Федеральные законы и законы, издаваемые субъектами РФ. Однако четкого разграничения компетенции между Россией и субъектами в области правотворчества, связанного с установлением и реализацией мер административной ответственности, нет.

Практика свидетельствует, что законы с административной санкцией, изданные местными властями, не являются образцом законности. Учитывая, что административная ответственность связана с вторжением в область прав человека (личная свобода, собственность, профессия и др.), представляется целесообразным законодательное закрепление полномочий Федерации и её субъектов в рассматриваемой сфере. При этом следует исходить из принципа максимального единообразия ответственности для всех граждан на всей территории России.

К ведению Российской Федерации следует отнести определение общих принципов и положений административной ответственности, видов и предельных размеров взысканий, порядка рассмотрения дел об административных правонарушениях и т.п. Решение иных вопросов должно быть передано субъектам федерации. Им также следует предоставить право принимать акты, устанавливающие административную ответственность в тех случаях, когда она федеральными законами провозглашена, но реально не определена (например, закон РФ от 20 мая 1993 г. "Об оружии").

Названные проблемы могут быть решены при разработке нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

¹ Так, только в 1995г. 10 раз вносились изменения и дополнения в КоАП РСФСР.

² Закон РФ от 18 июля 1993г. "О применении контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением" //Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. N 27. Ст. 1018.

³ См.: Кодекс РСФСР об административных правонарушениях: Комментарий. М., 1989. С. 366.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Выступление вице-губернатора Пермской области В.Г.Морозова ...	7
Маланин В.В. Университет и реформы	9

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Рахшмир П.Ю. Эволюция консервативного реформизма	11
Мусихин Г.И. Традиционализм и реформы: сравнительный анализ взглядов М.Щербатова и Ю.Мёзера	16
Дегтярева М.И. Жозеф де Местр о российских политических традициях и перспективах реформаторства в России	20
Алпатова Г.М. С.Болдуин и “новый консерватизм” в Англии	25
Земцов В.Н. Н.Чемберлен, британские консерваторы и дилеммы 30-х гг. XX в.	27
Ищенко В.В. Эволюция консерватизма в ФРГ и реформы	30
Лаптева М.П. Социальная ответственность как элемент политической культуры	35
Фадеева Л.А. Социальное законодательство и “образованный класс” .	39
Суслов М.Г. Реформизм как мировая тенденция	42
Черных В.Ю. Историософские аспекты прогнозирования реформ ..	44
Рычкова Н.М. Расстановка политических сил в Германии в конце XIX в. при обсуждении вопроса о реформировании школьного образования	46
Шмидт Т.З. Германские предприниматели и социальные реформы ..	48
Оболонкова М.А. Реформирование экономики Великобритании в годы первой мировой войны и английское общество	50
Ушкевич Н.Ф. Формирование принципов политики в области культуры партиями Веймарской коалиции	52
Дементьева С.Н. Реформы народного образования Великобритании в предвоенные годы	55
Комаров А.А. Социальный аспект реформаторской деятельности шведских либералов	58
Остапенко Г.С. Церковная реформа: к проблеме женского равноправия в Церкви Англии	62
Чевтаев А.Г. Реформы середины 40-х - середины 90-х гг. в Западной Европе: сравнительно-типологический анализ	66
Дальстрём Гёста. Будущее европейской интеграции: какого типа союз?	69
Иерусалимский В.П. Сумерки “государства благоденствия”	74
Борозняк А.И. Мемуары Вилли Брандта: автопортрет реформатора .	80
Подвинцев О.Б. Реформа, революция и реставрация в постимперском национально-государственном строительстве	83

Янковская Г.А. Реформы, “российская мечта” и “успех” по-русски .	85
Орачева О.И. Регионализм и переход к демократии	89
Кириянов И.К. Социокультурные факторы формирования политика-реформатора в России начала XX века	92
Цфасман А.Б. М.М.Ковалевский и либеральный реформизм в России	95
Голубев Н.Р. Взгляды Н.Х.Озерова на реформы	97
Шнейдер К.И. Некоторые проблемы исследования отечественной либеральной традиции XIX в.	100
Орлов Б.С. Социал-демократы и российские реформы	103
Песчанский В.В. Перспективы развития трудовых отношений в России	111
Шубин А. Социально-политические альтернативы при переходе к реформам в середине 80-х гг. XX в.	113
Мохов В.П. Российская политическая элита: механизмы трансформации	118
Красильников Д.Г. Типы реформаторов в годы перестройки (1985-1991 гг.)	121

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

Коренченко Р.А. К вопросу о переходе на новую модель рыночных реформ в России	125
Шешукова Т.Г. Проблемы оценки объектов инвестиций	131
Перский Ю.К. О направлении экономических преобразований в Российской Федерации	135
Аверин В.И. Реформа в России и трансформация экономического образования	140
Куркина Т.Д. Нормативное регулирование в рыночных условиях . .	141
Костарева А.П. Актуальные проблемы организации и оплаты труда	144
Ковшов В.С. Прогнозируемое управление как путь снижения издержек на предприятии	147
Жуковская С.Л. К вопросу о платежеспособности страховщика	148
Герхардссон Гидеон. Новый мир труда	150
Карлссон Стив. Европейская стратегия занятости: сегодняшний прогресс и перспективы на завтра	160
Петерссон Ф.Н., Смит Ф.К. Перспективы эргономики в историческом свете	167
Сундстрем-Фриск Карен. Производственный травматизм: несчастные случаи	176
Томассон Оке. Реформа - формирование зарплаты в современной системе производства	183

Мазырин В.П. Теоретические основы демократизации управленческих отношений	187
Реутов В.П. О некоторых вопросах общей теории права в современных условиях	189
Москалев А.В. Муниципальные реформы в России	191
Бугров Л.Ю. О прямом применении Конституции РФ по вопросам трудового права	196
Бусыгина И.Р. Современное состояние федерализма в России	200
Похмелкин В.В. Проблемы профессионализма в парламентской деятельности	203
Гонцов Н.И. Проблемы формирования социального партнерства в России	206
Кобелева В.Г., Тетерина Т.Д., Маслохутдинова Н.К. Инновации в социальной работе периода реформ	208
Реутов С.И. Практика мирового опыта и реформа брачно-семейного законодательства	212
Рязанова Ж.И. Механизм самоисполняющегося международного договора и теория трансформации в международном праве	214
Томассон Оке. Индустриальные отношения в Швеции	216
Потемкина О.Ю., Нистоцкая М.С. Иммиграционная политика европейских стран и возможности ее применения в России и СНГ ..	221
Телегин А.С. Административная ответственность в современных условиях	224

CONTENTS

Opening of the Conference	3
Greetings of V.G.Morozov, Vice Governor of Perm Region	7
Malanin V.V. Universities and Reforms	9

HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

Rakhshmir P.Yu. Evolution of conservative reformism	11
Musikhin G.I. Traditionalism and reforms: the comparative study of the views of M.Tcherbatov and Ju.Moser	16
Degtyaryova M.I. Joseph de Maistre on Russian political traditions and reform perspectives in Russia	20
Alpatova G.M. S.Baldwin and "new conservatism" in England	25
Zemtsov V.N. N.Chamberlain, British conservatives and some dilemmas of the 1930s	27
Ischenko V.V. The evolution of conservatism in the FRG and reforms ..	30
Lapteva M.P. Social responsibility as an element of political culture	35
Fadeeva L.A. Social legislation and "educated class"	39
Suslov M.G. Reformism as world tendency	42
Chernykh V.Yu. Historical and historiosophical aspects of reforms prognosis	44
Rychkova N.M. Late 19th century political forces arrangement in Germany in discussion of school reform issue	46
Shmidt T.Z. German entrepreneurs and social reforms	48
Obolonkova M.A. Reforming of the British economy during the World War I: its impact on the British society	50
Ushkevitch N.F. Formation of policy-making principles in the cultural sphere by Weimar coalition parties	52
Dementyeva S.N. Public education reforms in Britain before World War II	55
Komarov A.A. The social aspect of the Swedish liberals reforming activities	58
Ostapenko G.S. Reform of the church: on the problem of rights and equality in the Anglican Church	62
Chevtayev A.G. Middle 40s and middle 90s reforms in Western Europe: comparative and typological analysis	66
Dalstrom G. The future of the European integration: which type of Union?	69
Yerusalimsky V.P. The twilight of the "welfare state"	74
Boroznyak A.I. W.Brandt's memoirs: the self-portrait of a reformer	80

Podvintsev O.B. Reform, revolution and restoration in post-imperial national and state formation	83
Yankovskaya G.A. Reforms, "Russian dream" and the Russians' idea of "success"	85
Oracheva O.I. On the problem of regionalism and transition to democracy	89
Kiryanov I.K. Social and cultural factors of the formation of the "reformer" type politicians in Russia in the early XX century	92
Tsfasman A.B. M.M.Kovalevsky and liberal reformism in Russia	95
Golubev N.R. I.Kh.Ozerov on reforms	97
Shneider K.I. Some problems in the research of the 19th century Russian liberal tradition	100
Orlov B.S. Social-democrats and Russian reforms	103
Peschansky V.V. Prospects of the future development of the labour relations in Russia	111
Shubin A. Social and political alternatives during reform transition in middle 80s of the XXth century	113
Mokhov V.P. Russian political elite: the mechanisms of transformation ..	118
Krasilnikov D.G. The types of reformers in the period of "perestroika"(1985-1995)	121

ECONOMICS AND LAW

Korenchenko R.A. On the issue of transition to the new model of market reforms in Russia	125
Sheshukova T.G. On the problem of evaluation of the investment objects	131
Persky Yu.K. On the direction of economic transformation in the Russian Federation	135
Averin V.I. Reform in Russia and economic education transformation ..	140
Kurkina T.D. Normative regulation in the market economy	141
Kostareva A.P. The actual problems of organisation and pay labour ...	144
Kovshov V.S. Prognosis management as way to reduction of production costs	147
Zhukovskaya S.L. On the issue of insurer's solvency	148
Gerhardsson G. A new world of work	150
Karlsson S. The European employment strategy: today's progress and prospects for future	160
Petersson N.F., Smith F. Prospects of ergonomics in historical perspective	167
Sundstrom-Frisk C. Work injuries: occupational accidents	176
Thomasson A. Reform - wage setting in modern production systems ...	183

Mazyryn V.P. Theoretical bases of the democratisation of administrative relations	187
Reutov V.P. On some issues of the common law theory in the present conditions	189
Moskalev A.V. Municipal reforms in Russia	191
Bugrov L.Yu. The direct application of the Constitution of the Russian Federation to the labour legislation	196
Busygina I.M. The present state of federalism in Russia	200
Pokhmelkin V.V. On the problem of professionalism in the administrative activities	203
Gontsov N.I. On the problem of formation of the social partnership in Russia (theoretical aspects)	206
Kobeleva V.G., Teterina T.D., Maslokhutdinova N.K. Innovation in the social work during the reform period	208
Reutov S.I. The world practice and reform of marital legislation	212
Ryazanova J.I. Mechanizm of self-execution of the international treaty and transformation theory in international law	214
Thomasson A. Industrial relations in Sweden	216
Potiomkina O.Yu., Nistotskaya M.S. Immigration policy of the European countries and its applicability to Russian and CIS reality	221
Telegin A.S. Administrative responsibility in the present condition	224

